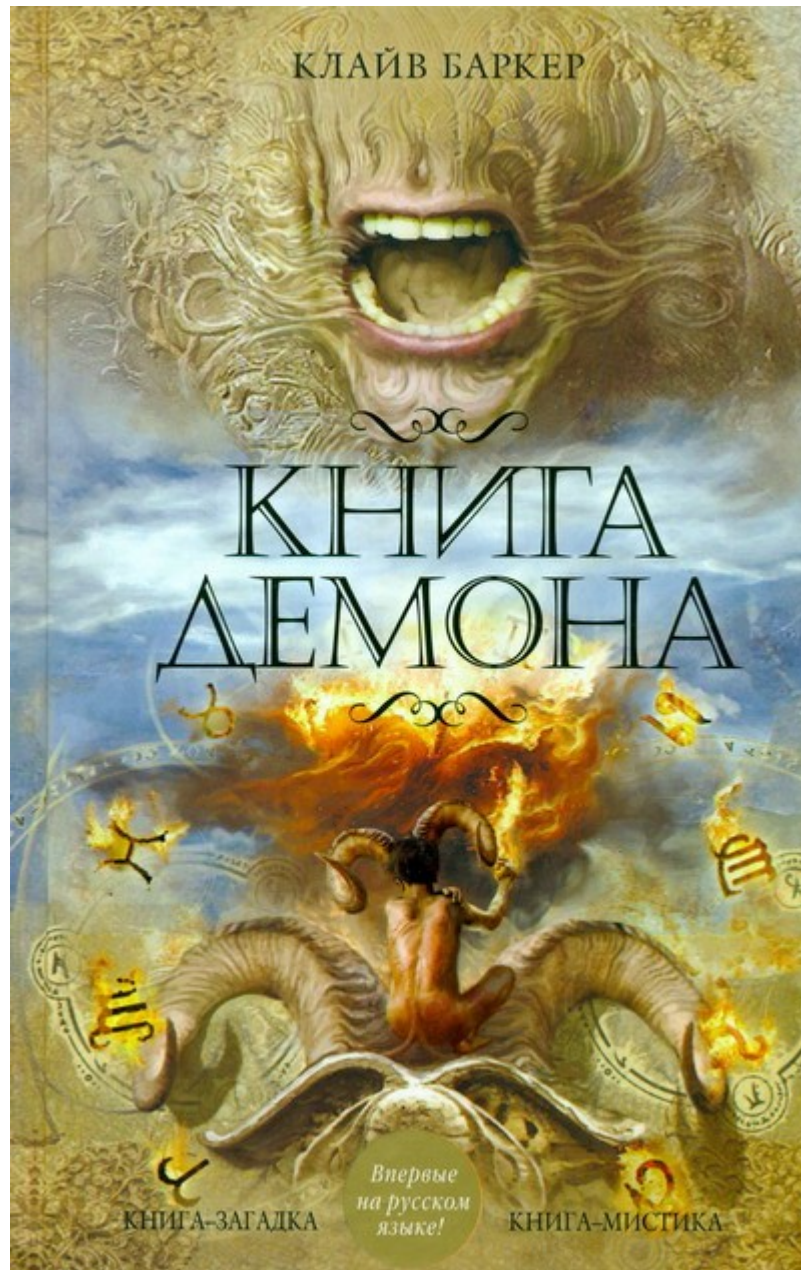

Клайв Баркер
Книга демона, или Исчезновение мистера Б.

Аннотация

«Сожгите эту книгу!» — сначала требует, потом вопит, и, в итоге, молит демон, поселившийся на страницах романа. Все, чего он хочет — это отправиться в небытие. Как он попал в эту книгу, почему он так сильно жаждет превратиться в кучку пепла? Игнорируйте просьбы демона и заставьте рассказать вам его историю. Поверьте, мистер Би, этот самый демон, очень остроумный, шутливый и умеющий захватить ваше внимание рассказчик.

Клайв Баркер
«Книга демона, или Исчезновение мистера Б»

СОЖГИТЕ ЭТУ КНИГУ.

Скорее. Пока не поздно. Сожгите книгу. Не читайте больше ни слова. Слышите? Больше. Ни. Единого. Слова.

Чего вы ждете? Это не так уж трудно. Просто закройте книгу и сожгите ее. Ради вашего блага, поверьте. Нет, я не могу объяснить почему. Нет времени на объяснения. С каждым прочитанным слогом вы все ближе и ближе к беде. Когда я говорю «беда», я имею в виду нечто настолько ужасное, что ваш разум этого не вынесет. Вы сойдете с ума. Вы станете пустым, вся ваша сущность будет стерта, а все оттого, что вы не сделали одну простую вещь: не сожгли эту книгу.

Даже если вы купили ее на последние деньги. Даже если это подарок любимого человека. Поверьте мне, друг, вы должны сжечь эту книгу прямо сейчас, или вы пожалеете о последствиях.

* * *

Ну, вперед. Чего вы ждете? У вас нет ни спичек, ни зажигалки? Так попросите у кого-нибудь огня. Умоляйте. Поймите, выбор у вас такой — огонь или смерть. Пожалуйста, послушайте меня! Эта маленькая книжка не стоит того, чтобы из-за нее обречь себя на безумие и вечное проклятие. Или, по-вашему, стоит? Нет, конечно. Тогда сожгите ее. Сейчас же! Не смотрите на эти буквы. Остановитесь прямо ЗДЕСЬ.

* * *

О боже! Вы до сих пор читаете? Что же это такое? Думаете, я шутки шучу? Уверяю вас, нет. Знаю, знаю, вы полагаете, что это обычная книжка, составленная из слов, как любая другая. А что такое слова? Черные буквы на белой бумаге. Разве в простых черных буквах может скрываться истинное зло? Будь у меня десять тысяч лет для ответа на этот вопрос, я успел бы коснуться только поверхности ужасных деяний, искрой для которых могут послужить слова из этой книги. Но у нас нет десяти тысяч лет. У нас нет даже десяти часов, десяти минут. Вам придется поверить мне. Что ж, скажу совсем просто:

«Если вы не послушаетесь меня, эта книга причинит вам непоправимый вред».

Вы можете этого избежать. Если прекратите читать.

Сейчас же.

* * *

В чем дело? Почему вы не остановились? Потому что не знаете, кто я такой? Что ж, я вас понимаю. Если бы мне попалась книга, из которой кто-то говорит со мной вот так, как я с вами, я бы тоже насторожился.

Как же мне убедить вас? Я не мастер уговаривать. Знаете, есть такие типы, они находят нужные слова в любой ситуации. Я слушал их, когда был начинающим демоном, и...

О, ад и демонация! Нечаянно проговорился. Ну, о том, что я демон. Но сказанного не воротишь. Рано или поздно вы все равно вывели бы меня на чистую воду.

Да, я демон. Мое полное имя — Джакабок Ботч. Раньше я знал, что оно означает, но позабыл. Я стал узником этих страниц, меня заточили в слова — те, что вы сейчас читаете. Много веков я прозябал в темноте, пока книга пылилась в стопке других нечитанных томов. И все время думал о том, как буду счастлив и благодарен, когда книгу наконец кто-то откроет. Ведь это мои мемуары. Или моя исповедь. Портрет Джакабока Ботча.

Портрета в прямом смысле слова здесь нет. Книжка без картинок, и это к лучшему, потому что мой вид — не самое прекрасное зрелище. По крайней мере, так было, когда я видел себя в последний раз.

А было это давным-давно. Я был молод и запуган. Кто меня запугал, хотите вы спросить? Мой отец, папаша Гатмусс. Он работал в аду у печей и порой, вернувшись с ночной смены, набрасывался на меня и мою сестру Шарьят так, что нам приходилось прятаться. Сестра была на год и два месяца младше меня, и если отцу удавалось поймать ее, он колотил Шарьят, пока та не начинала рыдать и молить о пощаде. Поэтому в час возвращения папаши я взбирался по водосточной трубе на крышу дома и ждал, когда он появится. Я узнавал его шаги (точнее, шарканье и шатание, когда он был пьян), едва он выворачивал из-за угла на нашу улицу. После чего я успевал слезть по трубе, найти Шарьят, укрыться в тихом местечке и переждать то, чем отец всегда занимался дома, трезвый или пьяный. Он бил нашу мать. Сначала голыми руками, потом начал использовать инструменты из своей рабочей сумки. Мать никогда не кричала и не плакала, отчего папаша зверел еще пуще.

Однажды я спросил ее очень тихо, почему она молчит, когда он ее бьет. Мать подняла на меня глаза. В тот момент она стояла на коленях, пытаясь прочистить засор в туалете; вонь была жуткая, на радость слетевшимся в крошечное помещение мухам. Мать сказала:

— Я не доставлю ему этого удовольствия. Не покажу, что мне больно.

Одиннадцать слов, вот и весь ответ. Но слова были наполнены такой ненавистью и яростью, что стены дома едва не обрушились прямо на наши головы. Отец услышал это.

Как он разнюхал, о чем мы говорили, я не понимаю до сих пор. Подозреваю, что у него имелись шпионы среди мух. Я уже забыл подробности расправы, помню только, как отец пихал меня головой в непрочищенный туалет. Лицо его тоже отпечаталось в моей памяти.

Демонация свидетель, он был настоящий урод! И в лучшие времена детишки убегали с криками, едва завидев его, а старые демоны хватались за сердце и падали замертво. Казалось, все существующие грехи оставили метки на его лице. Маленькие глазки заплыли, окруженные синими кругами. Рот был широкий, как у жабы, зубы желтовато-коричневые, заостренные, словно клыки дикого зверя. И воняло от него, как отдохлого старого зверя.

Вот такая семейка — мама, папаша Гатмусс, Шарьят и я. Друзей у меня не было. Демоны-ровесники не хотели водиться со мной. Они меня стыдились, для острастки кидали в меня камни или какашки. Чтобы не сойти с ума, я записывал свои горести на любых подходящих поверхностях — на бумаге, на деревяшках, на обрывках простыней — и прятал записки под шаткой доской пола у себя в комнате. Я изливал душу в этих записках. Тогда я впервые осознал силу того, на что вы сейчас смотрите, — силу слов. Со временем я понял: если записывать все, что я хочу сотворить с унижавшими меня детьми или с папашей Гатмуссом (моя фантазия подсказывала, как заставить его пожалеть о своей жестокости), то гнев не будет душить меня так мучительно. Когда я повзрослел, девочки, которые мне нравились, стали кидать в меня камни точно так же, как их братья несколько лет назад. Я возвращался домой и полночи писал о том, как отомщу им. Мои планы и замыслы заняли так много страниц, что записки едва влезали в тайник под половицей.

Стоило найти другой тайник, больше и безопаснее, но я так долго пользовался этим хранилищем, что перестал беспокоиться. Глупец, глупец! Однажды я вернулся из школы, взбежал наверх и увидел, что все мои тайны вышли наружу, летопись отмщения раскрыта. Исписанные листы были свалены в центре комнаты. Я никогда не осмеливался вынуть из тайника все записки разом, поэтому впервые оценил, сколько их. Очень много. Сотни. На миг я застыл в изумлении и даже возгордился оттого, что написал так много.

Потом появилась мать. На ее лице застыла такая ярость, что я понял: грандиозной порки не избежать.

— Ты эгоистичное, злобное, мерзкое чудовище, — сказала она. — Жалею, что родила тебя.

Я попытался вывернуться и соврать.

— Я просто сочиняю рассказ, — ответил я. — Пока там использованы знакомые имена, но я найду им подходящую замену.

— Бери свои слова обратно, — сказала мать, и я на секунду поверил, что вранье

сработало. Но нет. — Ты лживое, эгоистичное, злобное, мерзкое чудовище — Мать вытащила из-за спины большую стальную поварешку. — Я избью тебя так, что ты больше никогда — никогда, слышишь меня?!! — не осмелишься тратить время на выдумывание подобных зверств.

Ее слова подсказали мне новую ложь. Я решил: попытаю счастья, все равно меня ждет порка, чего же терять? И сказал:

— Я знаю, какой я, мама. Я — исчадие преисподней. Маленький, но все же демон. Я не прав?

Мать не ответила, и я продолжил:

— Я думал, что нам положено быть эгоистичными, злобными и все прочее, как ты сказала. Об этом всегда говорят другие дети. Они рассказывают, какими ужасными делами будут заниматься после школы. Об оружии, которое изобретут и продадут человечеству. О приспособлениях для казней. И я тоже хочу этим заниматься. Хочу создать лучшую машину для казней, которая когда-либо...

Я умолк. Мама смотрела на меня озадаченно.

— Что-то не так?

— Гадаю, долго ли еще ты будешь нести чушь. Машины для казней! Тебе ума не хватит, чтобы придумать что-то подобное! Вытащи концы хвостов изо рта, пока не уколол язык.

Я вынул из щелей между зубами кончики хвостов, которые всегда жевал от волнения. Мне очень хотелось вспомнить, что говорили другие дети-демоны про искусство убивать людей.

— Я собираюсь изобрести первую в мире механическую потрошилку.

Мать широко раскрыла глаза. Скорее всего, ее изумила не сама идея, а сложные слова, которые я осилил.

— У машины будет огромное колесо, чтобы разматывать кишки обреченных людей. Я продам ее самым продвинутым королям и правителям Европы. И знаешь что еще?

Выражение лица матери не изменилось. Она и глазом не моргнула, и не улыбнулась. Только бесстрастно произнесла:

— Я слушаю.

— Да! Вот именно! Ты слушаешь!

— Что?

— Если люди хотят наблюдать за казнью и платят за лучшие места, они заслуживают чего-то поинтереснее, чем вопли человека во время потрошения. Им нужна музыка!

— Музыка?

— Да, музыка! — воскликнул я. Меня оцепенел звук собственного голоса, я отдался внезапному вдохновению и даже не знал, какое слово следующим вылетит из моих уст. — Внутри огромного колеса можно устроить еще один механизм, играющий благозвучные мелодии, приятные дамам. Чем громче будет кричать казнимый, тем громче будет играть музыка.

Она по-прежнему смотрела на меня невозмутимо.

— Ты правда думал об этом?

— Да.

— А эта твоя писанина?

— Я записывал все свои ужасающие мысли. Ради вдохновения.

Мама изучала меня бесконечно долго, испытующе разглядывая каждую черточку моего лица, будто знала, что в одной из них скрывается слово «ложь». Наконец она завершила свой тщательный осмотр и сказала:

— Ты странный, Джакабок.

— Это хорошо или плохо? — спросил я.

— Зависит от того, нравятся ли тебе странные дети, — ответила она.

— Тебе нравятся?

— Нет.

— А-а.

— Но я тебя родила, так что часть ответственности лежит и на мне.

Это были самые ласковые слова, какие я от нее слышал. Будь у меня время, я бы расплакался, но мать уже отдавала распоряжения.

— Собери всю свою писанину и сожги во дворе.

— Я не могу это сделать.

— Можешь и сделаешь!

— Но я записывал это годами!

— А сгорит все минуты за две, что преподаст тебе урок о нашем мире, Джакабок.

— Какой урок? — спросил я с кислой миной.

— В нашем мире все, ради чего ты живешь и работаешь, у тебя рано или поздно отнимут, и ничего ты тут не поделаешь.

Впервые с той минуты, как начался этот допрос, мать отвела от меня глаза.

— Когда-то я была красавицей, — сказала она — Знаю, сейчас тебе в это трудно поверить, но так и было. А потом я вышла замуж за твоего отца, и все, что было во мне прекрасного, все, что окружало меня, пошло прахом.

Она надолго замолчала. Затем снова посмотрела на меня.

— Точно так же сгорят твои записи.

Я знал, что не смогу разубедить маму и она не позволит мне сохранить мои сокровища. Еще я знал, что папаша Г. скоро вернется домой после смены у адских печей и мое положение сильно осложнится, если мои записки попадутся ему на глаза. Ведь самые жуткие кары я сочинил для него.

Поэтому я стал складывать свои прекрасные бесценные записки в большой мешок, приготовленный мамой. Мой взгляд то и дело выхватывал части написанных фраз, и я сразу вспоминал обстоятельства, при которых родились эти строчки, и чувства, вызвавшие их к жизни. Порой это был гнев — такой, что под нажимом пальцев трещала ручка, или унижение, доводившее меня почти до слез. Слова были частью меня, моего разума и памяти, и теперь я бросал все это — мои бесценные слова, а вместе с ними себя самого, неотделимого от слов, — в мешок, подобно куче мусора.

Я все еще надеялся припрятать особо дорогие записки в карман. Но мать слишком хорошо знала меня и пристально следила за мной. Она наблюдала, как я набиваю мешок, провожала меня во двор и стояла рядом, когда я вытряхивал бумаги на землю, подбирая разлетавшиеся листы и подбрасывая их в общую кучу.

— У меня нет спичек.

— Отойди, дитя, — сказала она.

Я знал, что сейчас произойдет, и быстро отошел от кучи бумаг. Ретировался я вовремя, потому что буквально на втором шаге услышал, как мать шумно отхаркивает сгусток слюны. Я обернулся и увидел, как она выплюнула этот сгусток на мои драгоценные дневники. Если бы она просто плюнула, было бы полбеды, но среди предков моей матери было множество могучих пирофантов. Слизь вылетела из ее рта, воспламенилась, разгорелась и с ужасающей точностью упала прямо на кучу бумаг.

Если бы на ворох трудов моей юности бросили спичку, она просто сгорела бы дочерна и не подожгла ни листочка. Но пламя моей матери приземлилось на дневники и распространило языки огня, побежавшие во все стороны. Только что я смотрел на страницы, вместившие весь мой гнев и всю мою жестокость. В следующий миг эти страницы пожирало пламя моей матери, прогрызавшее листы насквозь.

Я стоял в полутора шагах от костра и чувствовал его неистовый жар, но не хотел отступать, хотя мои маленькие усы, за которыми я бережно ухаживал (ведь они были первыми), скрутились от жара в спиральки, дым выедал ноздри, в глазах стояли слезы. Ни за какие демонские блага я не позволил бы матери увидеть мои слезы. Я поднял руку, чтобы быстро стереть их, но в этом не было нужды. От жара слезы испарились.

Конечно, если бы мое лицо — как у вас — было обтянуто не чешуей, а нежной кожей,

она покрылась бы волдырями, пока я смотрел, как огонь пожирает мои дневники. Чешуя же хоть ненадолго, но защитила меня. Потом возникло ощущение, что мое лицо поджаривают на сковороде. Но я все равно не двинулся. Я хотел быть как можно ближе к моим любимым, выстраданным словам. Я стоял на месте и смотрел, как огонь делает свое дело. Пламя методично уничтожало страницу за страницей: сжигало одну и открывало под ней следующую, чтобы быстро пожрать и эту. Перед глазами на миг появлялись строки про машины смерти или планы мести, и огонь тут же изничтожал их.

Я замер, вдыхая обжигающий воздух, и разум мой наполнился видениями ужасов, которые мое воображение запечатлело на тех листках. Там были грандиозные изобретения, призванные уничтожить моих врагов (то есть всех, кого я знал, потому что я никого не любил) настолько мучительно и люто, насколько хватало моего воображения. Я даже забыл о присутствии матери. Я просто таращился на огонь, и сердце тяжело стучало в груди из-за близкого жара; моя голова, несмотря на груз наполнявших ее мерзостей, была необычайно легкой.

И тут послышалось:

— Джакабок!

Я в достаточной мере контролировал себя, чтобы узнать собственное имя и окликнувший меня голос. Я неохотно оторвался от зрелища кремации и сквозь искаженный маревом воздух увидел папашу Гатмусса. По движениям двух его хвостов было ясно, что он не в лучшем настроении: хвосты торчали вверх над папашиним задом, то сплетаясь друг с другом, то расплетаясь с дикой скоростью и такой силой, будто один хвост хотел задушить другой.

Кстати, я унаследовал этот редкий двойной хвост, один из двух папашиних даров. Но я не чувствовал за это никакой благодарности, пока Гатмусс шел тяжелой поступью к костру и кричал на мою мать: какого рожна она разожгла костер и что это ей вздумалось сжигать? Я не разобрал ее ответа. Кровь у меня в голове гудела так громко, что я слышал только этот гул. Ссоры и стычки родителей иногда длились часами, поэтому я снова уставился на пламя. Благодаря огромной кипе пожираемой огнем бумаги костер все еще полыхал с неукротимой яростью.

Я уже дышал неглубоко и часто, а мое сердце безумно билось. Сознание трепетало, как огонек свечи на ветру, и в любой момент могло отключиться. Я понимал это, и мне было наплевать. Я чувствовал себя до странности отчужденно, будто со мной ничего не происходило.

Потом, внезапно, мои ноги подкосились, и я упал в обморок —

лицом...

прямо...

в огонь.

* * *

Вот так. Вы удовлетворены? Я не рассказывал этого никому сотни лет с тех пор, как все случилось. Но сейчас рассказал вам, чтобы вы знали, как я отношусь к книгам. Почему мне нужно видеть, как их сжигают.

Ведь это не сложно понять? Я был маленьким демоном, когда мои записки спалили на моих глазах. Со мной поступили несправедливо. Почему у меня отняли возможность рассказать свою историю, а сотням других, куда менее интересных рассказчиков позволяют издавать книги? Я знаю, как живут писатели. Они просыпаются, когда захотят, и топают к столу, даже не заходя в ванную, усаживаются, закуривают сигару, пьют сладкий чай и пишут всякую чушь, что приходит им в голову. Вот это жизнь! И я бы мог так жить, если бы мое первое творение не сожгли. А ведь во мне живут великие шедевры. Шедевры, от которых зарыдает небо и раскается ад. Но разве мне позволили написать их, излить душу на страницы? Нет.

Вместо этого меня заточили в переплет этой убогой книжонки, и я прошу сочувствующую душу об одном:

— Сожгите эту книгу.

* * *

Нет, нет, все еще нет.

Почему вы медлите? Думаете, что найдете здесь возбуждающие подробности о демонии? Что-нибудь извращенное и непристойное, как в других книгах о подземном мире (или об аде, если хотите)? Большая часть таких писаний — выдумка. Ведь вы и сами это знаете. Всего лишь старые сплетни, замешанные на глупых байках алчным писакой, не знающим о демонии ничего.

Вам любопытно, откуда я знаю, что нынче выдается за правду? Не все старые друзья покинули меня. Мы переговариваемся мысленно, когда позволяют обстоятельства. Как узник в одиночном заключении, я умудряюсь получать весточки из большого мира. Не много, но хватает, чтобы не сойти с ума.

Видите ли, я настоящий. В отличие от самозванцев, выдающих себя за воплощение тьмы, я и есть та самая тьма. Если бы у меня появился шанс сбежать из бумажного плена, я бы причинил людям столько страданий и пролил такие моря крови, что само имя Джакабока Ботча стало бы олицетворением зла.

Я был... нет, я был и есть заклятый враг человечества. И я воспринимаю эту вражду всерьез. Когда я жил на воле, я делал все возможное, чтобы причинить боль моей жертве, независимо от ее невинности или греховности. Чего я только не делал! Понадобилась бы еще одна книга, чтобы перечислить все зверства, изобретенные мной, — и я ими горжусь. Я осквернял святые места и учинял насилие над их обитателями. Бедные обманутые фанатики думали, что образ страдающего Спасителя может отвратить меня. Они размахивали распятием и приказывали мне убираться.

Конечно, это ни разу не сработало. И как же они кричали, как просили пощады, когда я привлекал их к своей груди! Стоит ли упоминать, что я — создание на редкость уродливое. Спереди от макушки до бесценных органов между ног все мое тело жутко обожжено костром, в который я упал (папаша Гатмусс оставил меня там пожариться минутку-другую, пока угощал тумками мою мать), — обожжено настолько, что ящероподобное туловище превратилось в месиво ярких келоидных рубцов. Мое лицо было — и остается — хаотичным нагромождением красных упругих волдырей из мяса, поджаренного в собственном соку. Глазницы — две пустые дыры, ни бровей, ни ресниц, та же история с носом. Из глаз и ноздрей сочится серо-зеленая слизь, по щекам днем и ночью стекают ручейки мерзкой жижи.

Что касается рта — из всех черт моего лица только его я хотел бы вернуть таким, каким он был до костра. От мамы я унаследовал пухлые губы, и те поцелуи, что выпали на мою долю — хотя бы с собственной рукой или отбившейся от стада свиной, — убедили меня, что с такими губами мне должно повезти. Этими губами я мог бы целовать и лгать. Я превратил бы любого в своего добровольного раба: стоило мне побеседовать с ним, а потом поцеловать, и я стал бы его господином. Все без исключения таяли бы от желания подчиниться и с удовольствием вершили самые унижительные деяния за один мой долгий нежный поцелуй.

Но огонь не пожалел моих губ. Он пожрал их, полностью стер. Теперь мой рот — узкая щель, которую я могу открыть на считанные сантиметры, насколько позволяет иссеченная шрамами затвердевшая плоть.

Странно ли, что я устал от такой жизни? Что я хочу скормить ее огню? Вы хотели бы того же. Тогда во имя сочувствия — сожгите эту книгу. Ради сострадания, если у вас есть сердце или если вы почувствовали мой гнев. Мне нет спасения. Я проклят, я навеки заточен между страниц этой книги. Покончите со мной.

* * *

Почему вы медлите? Ведь я сделал, что обещал. Я рассказал вам о себе. Не все, конечно. Кто мог бы рассказать все? Но я рассказал достаточно, чтобы вы поняли: я нечто большее, чем слова на странице, отдающие вам приказы. Ах да, пока не забыл пожалуйста, позвольте мне извиниться за грубое и напористое начало моей книги. Это наследие папаши Г., и я не очень-то горжусь. Мне нейдет увидеть, как пламя охватит эти страницы и пожрет эту книгу. Я не учел вашего истинно человеческого любопытства. Но я надеюсь, что теперь оно удовлетворено.

Вам остается только найти огоньку и покончить с этим мерзким делом. Уверен, это принесет вам большое облегчение, а еще большее облегчение почувствую я. Самое трудное позади. Все, что нам нужно, это немного огня.

* * *

Вперед, приятель! Я избавился от тяжелой ноши, моя исповедь закончена. Дело за вами.

* * *

Я жду. Очень стараюсь быть терпеливым

* * *

Даже осмелюсь сказать: сейчас я так терпелив, как никогда в жизни. Мы дошли до двадцать пятой страницы, и я доверил вам самые сокровенные тайны, сделал самые болезненные признания — просто чтобы вы знали, что это не уловка. Это истинное и правдивое описание того, что случилось со мной. Если бы вы увидели меня во плоти, вы бы сразу в этом убедились. Я сожжен. Сожжен дотла.

Я надеюсь на ваше милосердие. А смелость, которую я почуял с самого начала, свойственна вам не меньше, чем милосердие. Чтобы впервые сжечь книгу, нужна смелость, способная попать вредную мудрость предков, оберегавших слова как некую ценность.

Подумайте, какой абсурд! Есть ли в мире — вашем или моем, поднебесном или подземном — хоть что-нибудь более доступное, чем слова? Если ценность вещей соотносится с их редкостью, то какую цену могут иметь слова, которые мы бормочем во время прогулки или во сне, в младенчестве или в дряхлой старости, в здравом уме или в безумии, а то и просто во время примерки шляп? Их слишком много. Миллиарды слов ежедневно льются из уст и из-под шариковых ручек. Подумайте обо всем, что выражают слова. Это соблазны, угрозы, требования, просьбы, мольбы, проклятия, предсказания, воззвания, диагнозы, обвинения, инсинуации, доказательства, приговоры, помилования, предательства, законы, лжесвидетельства, свободы. И так далее, и так далее, без конца и края. Когда прозвучит самый последний слог последнего слова, будь то радостное «аллилуйя!» или обычная жалоба на боль в животе, у нас будут основания разумно предположить, что миру приходит конец. Сотворенный с помощью слова, он и разрушится — кто знает? — от слова. О разрушении я знаю все, приятель. Больше, чем хотелось бы рассказывать. Я видел такие неопишуемые, омерзительные вещи...

* * *

Но это неважно. Просто поднесите огоньку, пожалуйста

* * *

Отчего же мы медлим? А, понимаю. Я сказал, что хорошо изучил разрушение, и это

заставило вас задержаться? Похоже, именно так. Вы хотите узнать, что я видел

* * *

Ну почему, во имя демонации, вам мало того, что у вас есть? Зачем все время стремиться узнать еще больше?

Ведь мы договорились. Или мне показалось, что договорились. Я думал, что вам нужна моя исповедь, а взамен вы кремируете меня, и краску, бумагу, клей поглотит одна милосердная вспышка.

Но этого пока не будет, я правильно понимаю?

Какой же я глупец. Не надо было упоминать о том, что я мастер разрушения. Вы это слышали, и ваша кровь побежала быстрее.

* * *

Что ж...

Полагаю, вам можно узнать чуть больше, но при одном условии. Я расскажу вам еще о своей жизни, а потом мы поджарим эту книжонку.

Хорошо?

* * *

Ладно, раз мы договорились. Надо положить этому конец, а не то я рассержусь. Вам не поздоровится, если до этого дойдет. Я могу заставить эту книгу вылететь из ваших рук и долбить вас по голове, пока вы не истечете кровью из дыр в собственном черепе. Думаете, я блефую? Лучше не подначивайте меня. Я не так глуп. Я, в общем-то, ожидал, что вы захотите узнать побольше о моей жизни. Но не рассчитывайте на красочную счастливую сказку. В моей жизни не найдется ни одного счастливого дня.

Нет, вру. Я был счастлив, когда бродил по дорогам вместе с Квитуном. Но это было так давно, что я с трудом припоминаю, куда мы шли, не говоря уж о наших беседах. Почему память так несовершенна? Я помню каждое слово дурацкой колыбельной, которую мне пели в младенчестве, но забыл все, что было вчера. Однако самые тяжелые и судьбоносные события остаются неприкосновенными, как бы я ни старался стереть их из памяти.

* * *

Ладно. Сдаюсь, но ненадолго. Я расскажу вам, как попал оттуда сюда. Не слишком красивая история, поверьте. Но как только я выложу вам ее, вас покинут малейшие сомнения и вы выполните мою просьбу. Вы избавите меня от страданий.

Итак...

Само по себе очевидно, что я пережил падение в костер и те несколько минут, когда папаша Гатмусс дал мне пожариться на угольной жаровне. Моя кожа, несмотря на всю твердую чешую, пузырилась и плавилась, пока я пытался выбраться из огня. Папаша Г. схватил меня за хвосты, бесцеремонно выволок из пламени и пинком отшвырнул прочь, когда во мне едва теплилась жизнь. (Все это я узнал позже от мамы. В тот момент сознание милосердно покинуло меня.)

Правда, папаша Гатмусс привел меня в чувство — принес бадью ледяной воды и окатил меня. Вода загасила пламя и прервала мой обморок. Я сел, хватая ртом воздух.

— Поглядите на него, люди добрые, — сказал папаша Гатмусс — При виде тебя любой отец разревелся бы.

Я посмотрел на свое тело, на свежие волдыри, на обожженные до черноты грудь и

живот.

Мать кричала на папашу. Я не все разобрал, но, кажется, она обвиняла его в том, что он нарочно бросил меня в огонь. Я оставил их ругаться и пополз к дому, прихватив по пути из кухни большой зазубренный нож на случай, если позже придется защищаться от Гатмусса. Потом поднялся по лестнице к зеркалу в маминной комнате и посмотрел в лицо своему отражению. Нужно было подготовиться к тому, что предстало передо мной, но я поспешил. Узрел плавящееся и пузырящееся месиво ожогов вместо лица, и внезапно меня вырвало на собственное отражение.

Я очень осторожно стирал рвоту с подбородка, когда услышал рев Гатмусса с нижнего этажа.

— Слова, шкет? — орал он. — Ты писал слова обо мне?

Я поглядел поверх перил и увидел разгневанное чудовище. В его лапе было зажато несколько полусгоревших листков, исписанных моими каракулями. Очевидно, папаша выхватил их из огня и нашел там упоминание о себе. Я слишком хорошо помнил свой шедевр, чтобы не сомневаться: записки о Гатмуссе расцвечены множеством оскорбительных эпитетов. Папаша был слишком глуп, чтобы понять значение слов «тлетворный» или «скаредный», но он уловил главный смысл моих чувств. Я ненавидел его всем сердцем, и эта ненависть сочилась со страниц в его руке. Папаша тащил свою грузную тушу по лестнице, вопя:

— Я не идиот, шкет! Я знаю, про что тут написано. И я заставлю тебя помучиться за это, слышишь? Разведу новый костерок и поджарю тебя на нем, по минуте за каждое гадкое слово, что ты про меня накорябал. А ты накорябал много слов, шкет. Ох и пожарю я тебя! Станешь черным, как головешка, шкет!

Я решил не тратить силы и время на ответ. Мне надо было выбраться из дома и затеряться на темных улочках нашего района, звавшегося Девятым кругом. Самые пропащие из проклятых, чьи души не подчинялись ни кнуту ни прянику, хитростью и выдумкой кормились в этом кишашем бездельниками разоренном краю.

Они промышляли в помойном лабиринте позади нашего дома. В качестве платы за проживание в этом доме — полуистлевшей развалине — папаша Г. следил за горами мусора и умирал те души, которые, по его мнению, заслуживали наказания. Эта дозволенная жестокость подходила папаше Г. как нельзя лучше. Он выходил из дома еженощно, вооруженный мачете и ружьем, готовый увечить и калечить во имя закона. Теперь он взбирался по лестнице с теми же мачете и ружьем по мою душу. Я не сомневался, что он убьет меня, если (точнее, *когда*) доберется до меня. Я знал, что спастись от него на улице нет шансов, так что мне оставалось лишь выпрыгнуть из окна (мое тело совсем не чувствовало боли, онемев от шока) и бежать к крутым мусорным холмам. Я знал, что там можно оторваться от погони среди бесчисленных гнилых каньонов.

Папаша Г. выстрелил в окно, откуда я выпрыгнул, как только начал карабкаться на гору мусора. Он выстрелил еще раз, когда я добрался до вершины. Обе пули просвистели мимо, но совсем близко. Если он выпрыгнет и нагонит меня, он прострелит мне спину, причем не раздумывая. И пока я пробирался, спотыкаясь и скользя, по дальнему склону вонючего мусорного холма, я думал если выбирать между смертью здесь, от пули папаша Г., и возвращением домой к новым побоям и издевательствам, я предпочту смерть.

Но пока было рановато тешиться мыслями о смерти. Мое обожженное тело уже оправлялось от шока, навалилась боль, но я был достаточно шустрым, чтобы резво продвигаться по гудам гниющих объедков и ломаной мебели. А вот для огромной неуклюжей туши папаша Г. кучи мусора были коварной почвой. Два-три раза я терял его из виду, и мне очень хотелось верить, что я оторвался. Но Гатмусса вел охотничий инстинкт. Он преследовал меня среди хаоса, вверх и вниз по холмам. Мусорные ущелья становились все глубже, горы все выше, а я уходил все дальше от дома.

И двигался все медленнее. Усилия, потраченные на преодоление этих холмов, уже сказывались на мне, и мусор разъезжался под ногами, когда я пытался взбираться на крутые

склоны.

Мне было ясно, что конец близок. Я решил остановиться на вершине холма, на который я взбирался, и стать удобной мишенью для папаша Г. Мое тело стремительно слабело, икроножные мышцы сводила судорога, я громко стонал от боли, мои обожженные руки были сплошь в порезах — в поисках опоры я натыкался на осколки стекла и рваные края жестяных банок.

И я решился. Как только долезу до вершины холма, перестану убегать от погони, повернусь спиной к Гатмуссу, чтобы он не мог увидеть отчаяния на моем лице и насладиться им, и буду ждать пули. Приняв это решение, я почувствовал себя на удивление свободным и легко взобрался к намеченному месту гибели.

Оставалось только...

Стоп! Что такое висело в воздухе поперек канавы, между этой вершиной и следующей горой? Моим утомленным глазам померещились два сочных куска сырого мяса, и возле каждого — верить ли глазам? — по бутылке пива.

Я слышал, что заблудившиеся в пустыне путники видят то, о чем больше всего мечтают: мерцающее озеро прохладной воды, окруженное финиковыми пальмами, ломящимися от плодов. Эти миражи — первый признак того, что путник теряет ощущение реальности. Чем быстрее он бежит к озеру-фантому и долгожданной тени фруктовых пальм, тем стремительнее они от него удаляются.

Неужели я окончательно спятил? Надо было выяснить это. Покинув то место, где я намеревался расстаться с жизнью, я соскользнул по склону туда, где висели куски мяса и пиво, слегка покачиваясь на поскрипывающей веревке, пропадавшей во тьме надо мной. Чем ближе я подбирался, тем более крепла уверенность, что это, вопреки моим страхам, не иллюзия, а реальность. Очень скоро я убедился в этом, когда в мой наполнившийся слюной рот попал чудесный постный стейк. Это было необыкновенно вкусно, мясо просто таяло во рту. Я открыл бутылку холодного пива и поднес ее к безгубому рту, который отлично справился с разгрызанием мяса. Мои раны омыло прохладное пиво.

Я молча возносил благодарность доброй душе, оставившей здесь угощение для заблудшего путника, когда услышал рев папаша Г. и краем глаза увидел его на том месте, где я собирался умереть.

— Оставь мне, шкет! — проорал он.

Похоже, он забыл о нашей вражде, так потряс его вид стейка и пива. Папаша огромными шагами помчался с крутого холма. На бегу он вопил:

— Если ты притронешься ко второму стейку и пиву, шкет, я пристрелю тебя трижды, клянусь!

По правде говоря, я и не собирался есть второй стейк. Я был счастлив, обгладывая косточку на крюке. Крюк был соединен с одной из двух веревок, висевших так близко друг от друга, что они показались мне единым целым.

Я наелся и теперь мог полюбопытствовать. Бутылки висели на одной веревке, но там была и вторая, гораздо темнее ярко-желтого троса для стейков, невинно тянувшегося рядом. Со второй веревки ничто не свисало. Мой взгляд скользнул по ней — за мое плечо, вниз по руке, по ноге, к стопе, — и я разглядел, что веревка исчезает в куче мусора, на которой я стоял.

Я наклонился вперед так, что мой обожженный негнувшийся торс почти коснулся колен, и стал искать, где веревка исчезла среди отбросов.

— Ты выкинул кость, идиот? — прорычал папаша Гатмусс, выплевывая слюну, пиво и хрящи. — Не смей там копаться, слышишь? Если ты заказал мне стейк и пиво, это еще не значит... А, стой! Ха! Стой там, где стоишь, шкет. Я не буду приставлять тебе дуло к уху, чтобы разнести башку. Я вставлю его тебе в зад и снесу...

— Это ловушка, — тихо сказал я.

— Что ты там бормочешь?

— Еда. Это приманка. Кто-то хочет поймать...

Я не успел договорить, как мое пророчество сбылось.

Вторую веревку, странно темную на фоне ярко-желтой первой и почти незаметную в темноте, внезапно вздернули в воздух метра на три, туго натянув два темных троса, и извлекли из тьмы две сети подходящего размера и ширины, что доказывало: кем бы ни был небесный рыбак, его знаний о подземном мире хватало, чтобы угадать присутствие остатков демонации.

Увидев эти огромные сети, я утешил себя одной мыслью: даже если бы я увидел ловушку раньше, мы не сумели бы выпутаться из нее, пока поднебесные рыбаки не заметили, как дергаются крючки с наживкой, и не выловили добычу.

Ячейки сети были достаточно велики, чтобы одна моя нога нелепо и неудобно повисла в воздухе, болтаясь над хаосом внизу. Но неудобство ничего не значило в сравнении с тем, как затягивалась сеть вокруг папаши Гатмусса. Его тоже подняли в воздух, но Гатмусс ругался и бился, безуспешно пытаясь прорвать дыру в сетке, а я был необычайно спокоен. Ведь жизнь в поднебесном мире вряд ли может быть хуже, чем в подземном, где у меня не было ни уюта, ни любви, ни будущего — ничего, кроме унылого существования, какое влачили мама и папаша Г.

Нас тащили вверх с приличной скоростью, и я смотрел вниз на ландшафт своей юности. Я видел наш дом, миниатюрную фигурку мамы на крыльце; она не услышит моих криков, даже если я попытаюсь закричать, а я не пытался. Дальше во все концы, насколько я мог видеть, простиралась унылая заброшенная пустыня с пиками отбросов. Они казались огромными, пока я находился рядом, а теперь стали незначительными даже по краям, где возвышались горы мусора, ограничивая пределы Девятого круга. За этими пределами не было ничего. Только вакуум, бескрайняя пустота, ни черная, ни белая, неизмеримая серость.

— Джакабок! Ты слушаешь меня?

Гатмусс окликнул меня из своей сети. Огромная папашина туша сплюснулась в весьма неловкой позе — его же собственными усилиями. Колени подпирали голову, руки торчали сквозь сеть под странными углами.

— Да, слушаю, — ответил я.

— Это ты подстроил? Хочешь выставить меня дураком?

— Для этого не надо сильно стараться, — сказал я. — К тому же это не я. Какой скудоумный вопрос.

— Чего это за «скудоумный»?

— Я не буду ничего объяснять тебе, это гиблое дело. Ты родился животным, животным и помрешь, и, кроме еды, волновать тебя ничто не будет.

— Думаешь, ты очень умный, шкет? Умные слова говоришь, сам такой манерный. Ну, меня тебе не сразить. У меня есть мачете и ружье. Как только мы выберемся из этой идиотской штуковины, я сцапаю тебя быстрее, чем ты успеешь пересчитать свои пальцы. И я их оттяпаю, твои пальцы. На руках или на ногах. Или нос.

— Я вряд ли могу сосчитать свой нос, дурак. У меня он один.

— Ага, снова заговорил как высокородный могущественный господин. Ты никто, шкет. погоди! Сейчас возьму ружье. Я все могу с моим ружьишком! Отстрелю тебе, скажем, остатки детородной пипки. Начисто оттяпаю!

Гатмусс продолжал в том же духе, изливая бесконечный поток оскорблений и жалоб, приправленных угрозами. Он ненавидел меня, потому что после моего рождения мама утратила к нему всякий интерес. Прежде, говорил папаша, если мама вдруг отворачивалась, у него имелся простой способ привлечь ее внимание. Но теперь он не хочет пользоваться этим способом, потому что новая дочь ему бы не помешала, но еще один случайно заделанный сын — нет, это пустая трата сил и времени на порку. Хватит и одной ошибки, более чем достаточно, заявил он и снова принялся поносить мою непроходимую глупость.

Тем временем мы продолжали возноситься, и наш полет, начавшийся рывками, стал плавным и быстрым. Мы проплыли через темный облачный слой на Восьмой круг, вырвавшись из зазубренного кратера на его скалистые пустоши. Я никогда не отходил от

родительского дома больше чем на полмили и почти не знал, как устроена жизнь в других кругах. Мне хотелось поподробнее изучить Восьмой круг, но мы летели слишком быстро. Я составил лишь мимолетное представление о нем: тысячи про клятых с голыми спинами, согнувшиеся от напряжения, с трудом тащили какую-то безликую громаду по неровной земле. Потом я снова на время ослеп, на этот раз во тьме Восьмого неба, и тут же вынырнул, отфыркиваясь и отплеываясь от какой-то зловонной жижи, наполнявшей забитый водорослями канал в заболоченном краю Седьмого круга. Тут папаша Гатмусс стал поносить меня распоследними словами как виновника того, что мы очутились в столь бедственном положении; то ли купание в болотной воде разъярило его, то ли твердолобая башка наконец усвоила, что с нами происходит.

— Ты растрата моего семени, безмозглый идиот, тупоголовый болван, маленький вонючий придурок! Я должен был придушить тебя много лет назад, чертов тупица. Если б мне дотянуться до мачете, клянусь, я искромсал бы тебя на куски прямо здесь и сейчас.

Он бился в сети, выкрикивая оскорбления, пытался высвободить руки и достать мачете. Но сеть держала его крепко, не позволяя ни до чего дотянуться. Он застрял.

Но я-то мог двигаться. У меня по-прежнему был нож, который я взял на кухне. Не самый большой нож, но с зубринами. Такой нож справится с задачей.

Я потянулся и стал пилить веревку, державшую сеть, в которой брыкался папаша Г. Я знал, что надо спешить. Мы уже прошли Шестой круг и поднимались сквозь Пятый. Я больше не рассматривал топографические подробности, только отмечал в уме числа. Я полностью сосредоточился на веревке.

Изливавшиеся из папашиного рта ругательства сделались еще грязнее, когда мой небольшой нож наконец стал перепиливать веревку. В тот момент мы проходили сквозь Четвертый круг, но я ничего не могу рассказать о нем. Я пилил не за страх, а за совесть, в буквальном смысле слова. Если не перепилить веревку до того, как мы прибудем к месту назначения — как я подозревал, в поднебесный мир — и рыбаки освободят Гатмусса, он убьет меня и без мачете или ружья. Просто разорвет на части. Я видел, как он проделывал такое с демонами гораздо крупнее меня.

Угрозы и ругань отца, неразборчивые от ярости, постепенно перешли в бессвязный ненавидящий хрип. Это подгоняло меня, не сомневайтесь. Временами я посматривал на лицо папаши, плотно прижатое к путам сети. Поросячьи глазки глядели на меня.

В этих глазах была смерть. Моя смерть — стоит ли уточнять — была многократно отрепетирована в его крохотном мозгу размером с яйцо. Он заметил, что привлек мое внимание, и перестал нагромождать оскорбления, как будто я не слышал всех его мерзостей. Папаша попытался тронуть меня нелепицей.

— Я люблю тебя, сынок.

Это было смешно. Никогда и ничто так не забавляло меня за всю мою жизнь. Дальше пошли новые бесценные образчики идиотизма.

— Мы, конечно, разные. Ну, ты мелкий шкет, а я...

— А ты нет? — предположил я.

Он ухмыльнулся. Мы явно понимали друг друга.

— Точно. А когда ты вот такой, как я, а сын у тебя — вот такой, как ты, разве не естественно лупить его день и ночь?

Я решил запутать его, сыграв в адвоката демона.

— Ты уверен? — спросил я его.

Его улыбка немного поблекла, паника мелькнула в крошечных блестящих глазках.

— Почему бы нет? — спросил он.

— Не спрашивай меня. Сейчас не я рассказываю о том, о чем думаю.

— А! — перебил он меня, чтобы высказать мысль, пока та не канула в небытие, — вот оно что! Это ведь неправильно?

— Неправильно что? — спросил я, перепиливая веревку, пока дружеская пикировка продолжалась.

— Вот это, — ответил папаша Г. — Это неправильно. Сын не должен убивать собственного отца.

— Почему же, если отец пытался убить его?

— Не пытался он убить. Никогда. Может, закалить чуток. Но убить — нет, никогда. Никогда.

— Ну, папаша, тогда из тебя лучший отец, чем из меня сын, — сказал я. — Но меня это не остановит, и веревку я все равно перережу, а падать отсюда далеко. Ты разобьешься вдребезги, если тебе повезет.

— Если мне повезет?

— Да. Я не хотел бы, чтобы ты лежал там на помойке живой с перебитым хребтом. Особенно если учесть, сколько голодных демонов и проклятых бродит в тех краях. Они сожрут тебя, а это слишком ужасно, даже для тебя. Пора смириться и молить о смерти, потому что так умирать гораздо легче. Долгое падение, и все. Чернота. Конец папаши Гатмусса, раз и навсегда.

За разговором мы миновали несколько кругов. Если честно, я потерял им счет и не знал, сколько осталось до поднебесного мира. Наверное, три. Мой нож затупился, так много ему пришлось пилить, но веревка была уже перерезана на две трети, а вес сети натягивал оставшиеся нити, и они лопались от малейшего прикосновения моего лезвия.

Теперь я знал, что мы близки к поверхности, потому что слышал голоса где-то над собой. Вернее, один-единственный голос. Он кричал.

— Тащите же! Все вы, и ты тоже! Работайте! Нам попало что-то крупное. Это не великан, но что-то большое!

Я глянул вверх. Над нами в сотне метров был слой камня с расселиной, расширявшейся с одного конца. И в этой широкой трещине исчезали четыре веревки — две, державшие папашу Г. и меня, и пара других, на которой висела приманка. Яркий свет, рвавшийся сквозь расселину, был мощнее всего, что я когда-либо видел внизу. Он щипал мне глаза, поэтому я отвел взгляд и приложил все усилия к перепиливанию последних упрямых нитей веревки. Однако вид расселины остался выжженным в моем мозгу, как после удара молнии.

В последние две-три минуты папаша Г. оставил и бесконечный речитатив оскорблений, и абсурдные попытки воззвать к моей сыновней любви. Он просто смотрел прямо в дыру в небесах Первого круга, и ее вид рождал в нем первобытный страх. Папаша выплевывал мольбы, вскоре сменившиеся звуками, которых я никак не ожидал от него услышать: Гатмусс всхлипывал и рыдал от ужаса.

— Нет, я не могу подняться в поднебесье, не могу, не могу...

Сопли, как слезы, бежали из его ноздрей, а сами ноздри, как я впервые понял, были огромные, больше глаз.

— Во тьму, вглубь, нам туда, вы не можете, не должны!

Он как будто взбесился, он бился в истерике.

— ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО ТАМ, НАВЕРХУ, ШКЕТ? НА СВЕТУ, ШКЕТ? ЭТО БОЖИЙ СВЕТ НА НЕБЕСАХ ЭТОТ СВЕТ ВЫЖЖЕТ МНЕ ГЛАЗА. Я НЕ БУДУ СМОТРЕТЬ! НЕ ХОЧУ ЕГО ВИДЕТЬ!

Он кричал и метался в ужасе, он пытался закрыть руками глаза, хотя это было невозможно. Папаша корчился в путах, а его перепуганные вопли звучали так громко, что когда он на миг замолк, я услышал чей-то голос в наземном мире:

— Послушайте эту тварь! Что она говорит?

И другой голос:

— Нет, не слушайте. Не хватало нам забивать голову речами демонов. Закройте уши, отец О'Брайен, не то эти крики сведут вас с ума.

Это все, что я расслышал, потому что папаша Г. снова начал биться и рыдать. Сеть затрещала под напором, но порвалась не она, а последние нити веревки, которая держала Гатмусса. Она лопнула с удивительно громким треском, эхом отразившимся от скального потолка над нами.

Лицо папаша изменилось, выражение метафизического ужаса уступило место чему-то более простому. Гатмусс падал. Падал, падал...

Перед тем как коснуться поросшей лишайником земли Первого круга, он дал выход примитивному гневу, отразившемуся на его лице, и исторгнул отчаянный рев. Похоже, ни подъем, ни спуск не порадовали его. Он упал в слой мха и исчез.

Рев не умолкал, понемногу сходя на нет, пока папаша падал сквозь Второй круг, еще тише звучал на Третьем круге и угас совсем, как только Гатмусс прошел круг Четвертый.

* * *

Он исчез. Папаша Г. наконец-то исчез из моей жизни! Сколько лет я боялся его осуждения, его побоев, а теперь он исчез и приближался к смерти, пробивая за кругом круг. Я надеялся на это. Его конечности и хребет сломаются, а череп разможжится, как разбитое яйцо, задолго до приземления в каньоне отбросов, где нас поймали на крючок. Я не сочинял страшных сказок, когда говорил, как жутко оказаться в том месте беспомощным, подобно самым жалким и безнадежным созданиям нашего мира. Я немало таких знаю. Некоторые из них были демонами, причем самыми учеными и просвещенными, но в процессе научных штудий они узнали, что мы ничего не значим в системе мироздания. Мы парим в вакууме вне сути и смысла. Знание плохо действовало на этих демонов — гораздо хуже, чем на других моих знакомцев, с давних пор переставших размышлять о высоких материях и занятых лишь поисками снадобья от геморроя среди лишайников в сумеречном Девятом круге.

Но отчаяние не избавляло ученых мужей от голода. За годы, прожитые в доме на мусорных дюнах, я вдоволь наслушался историй о путниках, канувших в Девятом кругу. Их кости находили обглоданными дочиста, если находили вообще. Такая же участь, вероятно, ждет и папашу Г.: его сожрут заживо, высосут мозг из каждой косточки.

Я сосредоточился, чтобы уловить хоть какой-то звук из подземного мира — последний крик моего убитого отца, — но ничего не услышал. Внимания теперь требовали голоса из поднебесья. Веревку, державшую сеть папаша Г., вытянули в тот же миг, когда он упал. Я сунул свой маленький нож в карманчик плоти, который я медленно и мучительно расковыривал в себе много месяцев, чтобы прятать в нем оружие.

Те, кто тянул меня вверх, явно испытали огромное разочарование и досаду.

— Тот, который сорвался, был раз в пять больше этого, — сказал один голос.

— Похоже, он перегрыз веревку, — рассудил второй, уже знакомый мне как отец О'Брайен. — Они изворотливы, эти демоны.

— Почему бы вам не заткнуться и не помолиться? — встрял третий голос. — Для чего вы здесь? Чтобы защитить наши бессмертные души от того, что мы тянем кверху.

Они напуганы, подумал я, и мне это на руку. От страха люди делают много глупостей. Значит, мне нужно и дальше держать их в страхе. Может, удастся смутить их моим уродливым сложением, обожженным лицом и изуродованным телом? Но я сомневался. Надо пошевелить мозгами.

Теперь я яснее видел небо. Его голубизна была безоблачна, но ее прочерчивали несколько столбов рассеивающегося черного дыма, и за внимание моих ноздрей боролись два запаха. Один был тошнотворным сладковатым ароматом ладана, а второй — дух горячей плоти.

Пока я вдыхал их, в моем спутанном сознании всплыло воспоминание о детской игре, которая могла бы помочь мне защититься от поймавших меня людей. Когда папаша Гатмусс приходил домой с женщиной, он сгонял маму с супружеской постели, и она спала в моей кровати, укладывая меня на пол с подушкой (если бывала щедра) и грязноватой простыней. Так было с самого моего рождения и до двенадцати лет. Мама засыпала, едва донеся голову до подушки, так ее изматывало житье с папашей.

А потом она начинала говорить во сне. Ее слова — ужасающие, обдуманные проклятия в адрес папаша Г. — заставляли мое сердце биться быстрее от страха. Но особенно мне

запомнился голос, каким мама произносила их.

То говорила *другая* мама, и ее голос был глубоким грубым рыком, исполненным убийственной ярости. За годы я слышал этот голос множество раз и никогда сознательно не пытался имитировать его. Но однажды, в укромном месте, я дал волю своему гневу на папашу Г., и голос появился сам. Это была не имитация. Я унаследовал от матери дефект горла, позволявший мне воспроизводить такой звук. У меня был случай убедиться в этом.

Через несколько недель после открытия наследственного дара я сдуру срезал путь к дому и прошел по земле, которую объявила своим владением шайка молодых демонов, имевших обыкновение убивать всех, кто не платил им дань. Оглядываясь назад, я не могу сказать, было ли мое появление там случайным, как я считал тогда, или это было испытание. Вот иду я, Джакабок, несчастный коротышка, обижаемый всеми кому не лень, и напрашиваюсь на столкновение с шайкой головорезов, готовых пришить меня на крыльце родного дома.

Кратце расскажу, как было дело. Я заговорил маминым «голосом ночных кошмаров», излив на противника поток самых злобных и ядовитых проклятий, какие нашлись в моей памяти.

На троих из шайки это подействовало моментально. Четвертый, самый здоровый, оказался глух как пробка. Он наблюдал за бегством своих товарищей, а потом, увидев мой широко открытый рот, понял, что я издаю какой-то звук, отпугнувший остальных. Громила тут же бросился ко мне, ухватил меня пониже затылка одной невероятной ручищей, а другую запустил мне в рот, чтобы вырвать мой опасный язык. Он вцепился в самый корень языка, вонзив ногти во влажную мышцу, и оставил бы меня настолько же немым, насколько сам был глухим, если бы мои хвосты — инстинктивно, сами по себе — не пришли мне на помощь. Они взвились вверх, потом разошлись в стороны и устремились вперед на уровне моих ушей, целясь кончиками в глаза нападавшего. Им не хватило твердости, чтобы совсем ослепить моего противника, но хрящи поранили его. Демон отпустил меня, и я отошел, шатающийся и сплевывающий кровь, но в целом невредимый.

Теперь вы знаете весь мой арсенал, захваченный с собой в поднебесье: один маленький затупившийся нож, «голос ночных кошмаров» моей матушки и сдвоенный хвост, унаследованный от поглощенного бездной отца.

Негусто, но придется обойтись этим.

Ну, вот вам история. Отныне вы знаете, как я поднялся из подземного мира и как начались мои приключения. Конечно же, вы удовлетворены. Я рассказал вам то, чего не рассказывал никому, даже тем, кого собирался выпотрошить. О гибели папаша Г., например. До сих пор я в этом не признавался. Ни разу. И, доложу вам, это нелегкое признание, даже много веков спустя. Отцеубийство — особенно когда сбрасываешь отца в пасть голодных безумцев — тяжкий грех. Но вы хотели, чтоб я песнями и плясками заработал ужин, так вот моя песнь.

Вам не нужно знать больше, поверьте мне. Меня вытащили наверх через дыру в скале, до этого вы и сами додумаетесь. Очевидно и то, что меня не порешили сразу, иначе не сидеть бы мне на этой странице и не беседовать с вами. Подробности несущественны. Все это — вехи истории.

Нет, нет. Постойте. Беру свои слова обратно. Это не вехи истории. Это не занесено в летопись. А история — лишь то, что написано в учебниках. До страданий таких существ, как я, обожженных и страшных, как грех демонов, чья жизнь никчемна, истории нет никакого дела.

Я — Джакабок Никто. Для вас я Джакабок Невидимый.

Но вы не правы. Вы ошибаетесь. Я здесь.

Я прямо здесь, на странице перед вами. Я пристально смотрю на вас из каждого слова, перемещаюсь по строкам, когда вы пробегаете их глазами.

Видите легкую рябь между строками? Это я.

Чувствуете, что книга немного дрожит? Да ладно, не бойтесь. Вы это ощутили. Признайтесь.

Признайтесь.

* * *

Знаете что, друг мой?

Думаю, стоит рассказать вам еще немножко, ради истины. Пусть будет хоть одна летопись, пусть несчастья малолетнего демона облекутся в слова и попадут в анналы истории.

Можете пока отвести зажженную лучину. Я расскажу вам, что произошло со мной в поднебесье. Тогда вы сожжете книгу, но хотя бы узнаете мою историю. И сможете рассказать о ней остальным, как передают друг другу стоящие вести. Возможно, когда-нибудь вы напишете собственную книгу о том, как однажды познакомились с демоном по имени Джакабок, и обо всем, что он рассказал вам про демонов, историю и огонь. Такая книга могла бы прославить вас. Ведь вас, людей, больше интересует зло, чем добро. Вы можете выдумать любые отвратительные подробности и выдать их за мой рассказ. Почему бы нет? Вы хорошо заработаете, рассказывая историю Джакабока. Если вы побаиваетесь последствий, отдайте часть прибыли Ватикану в обмен на круглосуточную охрану из священников, а то вдруг какой-нибудь бешеный демон заявится к вам домой.

Подумайте. Почему бы нет? Почему бы вам не извлечь выгоду из нашей маленькой сделки? А пока вы это обдумываете, я расскажу вам, что случилось, когда меня вытащили из-под земли и я наконец увидел солнце.

Вы должны внимательно слушать меня, друг, потому что в моей истории много темного, но каждое слово в ней — правда, клянусь маминым голосом. Вам с лихвой хватит материала на книгу, поверьте. Запоминайте подробности, потому что именно им верят люди.

И не забывайте вот что: люди хотят верить. Не всему, конечно. Земля на трех китах, к примеру, вышла из моды. Но в мою ядовитую историйку они захотят поверить... Нет, не так. Они не просто хотят верить. Им необходимо верить. Что нужно существам, живущим в мире зла, как не откреститься от ответственности за зло? Для этого и служат демоны и их демонации.

Не сомневаюсь, вы сами такое испытывали. Вы тоже становились свидетелями омерзительных деяний. Уверен, они сводили вас с ума — будь то мальчишка, отрывающий лапки мухе, или диктатор, подвергший целый народ геноциду. Вы даже можете сказать — о, это отличный поворот сюжета! — что сохранили рассудок по единственной причине: потому что записали все это дословно и страницы стали орудием экзорцизма. Вы очищались от увиденного, выплескивая слова на бумагу. Удачно сказано, хоть хвастаться и нехорошо. Очищение от увиденного. Очень метко.

Конечно, найдется немало ханжей, которые фыркнут и манерно заявят, что не хотят марать руки демонской книгой. Но это вранье. Все любят читать про страшное и испытывать отвращение, после которого еще слаще вернуться к любви. Вам нужно только слушать меня внимательно и запоминать ужасы на будущее. Потом вы сможете поклясться, что у вас сведения из достоверного источника. Назовите мое имя, если хотите. Мне все равно.

Но я должен предупредить вас, друг. То, что я увидел в небесах и о чем сейчас расскажу вам, — не для слабонервных.

Это тошнотворная история. Не позволяйте леденящим душу подробностям огорчать вас. Отнеситесь к жутким эпизодам, как к деньгам в банке. Это мой дар в обмен на сожжение книги — солидный капиталец из ужасов. Теперь вы видите, что это выгодная сделка?

Да, я не сомневался. Теперь позвольте мне продолжить рассказ с того места, на котором я остановился. Итак, я впервые в жизни поднимался из подземного мира.

Это не самый достойный выход в свет — когда тебя тащат через расселину в скале,

поймав в сеть.

— Во имя Христа, что это? — воскликнул человек с пышной бородой и еще более пышным пузом, сидевший в отдалении на валуне.

У этого большого человека была большая собака, которую он держал на коротком поводке, за что я был ему признателен, потому что злобной псине я явно не понравился. Она осердила зубы, открыв пятнистые десны, и зарычала.

— Ну, отец О'Брайен? — спросил куда более худощавый мужчина с длинными светлыми волосами. На нем был передник, запятнанный кровью. — Ответить можете?

Отец О'Брайен подошел к сети с бутылкой вина в руке и, посмотрев на меня несколько секунд, провозгласил:

— Это всего лишь маленький демон, мистер Коули!

— Еще один! О нет! — отозвался здоровяк.

— Хотите, чтобы мы сбросили его вниз? — задал вопрос светловолосый и глянул на троих мужчин, тянувших веревку, на конце которой висел я.

Все они выбились из сил и обливались потом. Между жерлом расселины и изможденным трио стояла четырехметровая башня из дерева и железа. К ее основанию были привалены несколько больших валунов, чтобы она не опрокинулась. Две металлические стрелы отходили от верхушки башни, словно это была виселица для двоих преступников. Веревка, державшая мою сеть, избегала вверх и пряталась в желобе большого колеса на конце одной из стрел, потом тянулась вдоль стрелы вниз к трем верзилам, державшим эту веревку (и мою жизнь) в своих огромных лапах.

— Ты говорил, что там водятся великаны, О'Брайен?

— Да, водятся. Великаны нам еще попадутся, клянусь. Но они встречаются нечасто, Коули.

— Есть хоть одна причина, чтобы оставить вот этого?

Священник оглядел меня.

— Он не годится даже на корм собакам.

— Почему? — спросил Коули.

— Он весь в шрамах. Самый уродливый демон из всех, кого я когда-либо видел.

— Дайте-ка я погляжу, — сказал Коули, поднимая обширный зад с большого валуна.

Они направлялись ко мне — сначала живот, потом его обладатель.

— Шамит, — обратился Коули к человеку с соломенными волосами. — Возьми Глотку на поводок.

— В прошлый раз она меня укусила.

— Не рассуждай, кретин! — заорал Коули. — Знаешь сам, я не люблю повторять.

— Да, Коули. Простите, Коули.

Желтоволосый Шамит взял поводок Глотки, явно опасаясь, что его снова укусят. Но у псины были другие соблазны: я. Она ни на миг не отводила от меня больших черных глаз, слюна потоком бежала из ее пасти. Ее горящий взгляд подсказал мне, что в жилах этой собаки, возможно, течет кровь адских псов.

— Ты чего уставился на мою собаку, демон? — спросил Коули.

Видимо, это всерьез рассердило его, потому что он вынул из-за пояса железный прут и ударил им меня два-три раза. Бил он больно, и впервые за много лет я забыл о силе слов и просто завизжал, как разъяренный гиббон.

Мой вопль раззадорил псину, и она залаяла, содрогаясь всем своим огромным телом при каждом звуке.

— Немедленно утихни, демон! — закричал Коули. — И ты, Глотка!

Собака тут же замолчала. Я же умерил свои вопли до едва слышных стонов.

— Что нам с ним делать? — спросил Шамит. Он вытащил небольшой деревянный гребень и расчесывал им свои золотистые кудри снова и снова, едва ли осознавая, что делает. — С него даже шкуру сдирать бесполезно, вон сколько шрамов.

— Это ожоги, — сказал священник.

— Еще один образчик ирландского юмора, О'Брайен?

— Я не шучу.

— Боже правый, О'Брайен, хватит дуть вино, подумайте лучше, что за чушь вы городите! Это демон. Мы вытянули его из вечного пламени ада. Откуда взяться ожогам у твари, живущей в таком месте?

— Я не знаю. Просто хотел сказать...

— Ну...

Глаза О'Брайена переместились с лица Коули на металлический прут и обратно к лицу Коули. Кажется, я был не единственным, кто терпел боль от этой штуковины.

— Нет-нет, Коули, я ничего. Это все пьяная болтовня. Наверное, вы правы. Надо бы мне на время завязать с вином.

Закончив говорить, он поступил как раз наоборот: повернулся спиной к Коули, поднес к губам бутылку и тяжело пошел прочь.

— Вокруг меня одни пьяницы, идиоты и...

Его взгляд случайно остановился на Шамите. Тот водил и водил гребнем по волосам, глядя в пространство широко открытыми глазами, будто ритуал причесывания ввел его в некое подобие транса.

— И вот такие типы.

— Простите. — Шамит мигом вышел из этого полубессознательного состояния. — Вы о чем-то меня спросили?

— Да нет, ты все равно отвечать не горазд, — отрезал Коули. Бросив на меня неприязненный взгляд, он приказал: — Ладно, поднимайте его и вынимайте из сети. Но будьте осторожны. Вы же знаете, что бывает, когда спешешь и даешь демонам возможность навредить нам?

Тишина была ему ответом. Ее нарушал только скрип веревки, опять тащившей меня вверх.

— Мистер К. задал вам вопрос, безмозглые головорезы! — закричал Коули.

Приглушенные голоса со всех сторон отозвались невнятным бормотанием Коули этим не удовлетворился.

— Ну, о чем я говорил?

Каждый из пятерых промышчал собственную версию полузабытого вопроса Коули.

— И каков ответ?

— Можно кое-что потерять, — ответил отец О'Брайен.

Он поднял руки в доказательство своих слов. Его правая кисть была откушена подчистую — по-видимому, очень давно, — осталась лишь подушечка ладони под большим пальцем и сам большой палец, продетый в ручку винной бутылки. Левая кисть полностью отсутствовала, а также запястье и две трети руки до локтя. Кость сантиметров на пятнадцать торчала из культи у локтя. Она была коричнево-желтой, кроме недавно заточенного белого конца.

— Правильно, — сказал Коули. — Можно многое потерять — руки, глаза, губы. Иногда голову.

— Голову? — переспросил священник. — Я никогда не видел, чтобы теряли...

— Во Франции. Когда мы вытащили из расселины вроде этой, только с водой, демона-волка...

— Ах да, он выпрыгнул из скалы. Теперь вспомнил. Такого монстра мне нипочем не забыть. У него были громадные челюсти. Он разом откусил голову тому студенту. Как его звали?

— Неважно.

— Но мы с ним путешествовали целый год, а я даже имя вспомнить не могу.

— Не надо сантиментов.

— Иван! — воскликнул О'Брайен. — Его звали Иван.

— Хватит, священник. У нас много работы.

— С этим-то? — Шамит глянул на меня, задрал тонкий прыщавый нос.

Я ответил ему таким же упорным взглядом, готовый сказать что-нибудь презрительное самым снисходительным тоном. Но по какой-то причине мои голосовые связки отказывались превращать мысли в слова. Мне удалось выдавить из себя только непотребную помесь рыка и бормотания.

И тут Коули поинтересовался:

— Когда будут сжигать архиепископа с его содомитами?

— Завтра, — сказал О'Брайен.

— Тогда нам надо пошевеливаться, если мы хотим заработать денег на этом жалком подобии монстра. О'Брайен, подкинь-ка кандалы для демона. Те, что потяжелее, шипами внутрь.

— И для рук, и для ног?

— Конечно. Шамит, хватит с ним кокетничать.

— Я не кокетничаю.

— Что бы ты ни делал, прекрати это и иди к телеге. Принеси старый шлем.

Шамит ушел, не сказав больше ни слова, а я все уговаривал свой язык произнести хоть один членораздельный звук, приемлемый в обществе, а не то, что с ревом вырывалось из моего горла. Мне казалось, что, если дар речи ко мне вернется, я сумею убедить этих людей вступить в диалог. Тогда Коули увидит, что я не пожиратель потрохов и собиратель скальпов, а мирное создание. Когда он это поймет, не понадобятся кандалы и шлем. Но я опять потерпел неудачу. Слова ясно звучали в моем мозгу, но рот упорно отказывался произнести их. Вид и запах поднебесного мира заставили меня онеметь.

— Можешь плевать и рычать на меня сколько хочешь, — сказал Коули, — но ты не причинишь вреда ни мне, ни другим членам моей маленькой семьи. Слышишь, демон?

Я кивнул. Хотя бы это я мог сделать.

— Посмотрите-ка! — Коули, похоже, искренне удивился. — Эта тварь меня понимает.

— Это она хитрит, чтобы вы так подумали, — заявил священник. — Верьте мне, в его голове пусто, там одна только голодная мысль: как бы спровадить вашу душу в мир демонии.

— Зачем же он так качает головой? Что это означает?

— Ничего не означает. Может, у него в ушах блохи, сосущие черную кровь, и он пытается их вытряхнуть.

Самоуверенность и чистой воды глупость его ответа переполнили меня грозовой яростью. Для О'Брайена я значил не больше, чем те блохи, которыми он объяснил мой кивок, и он с радостью раздавил бы каблуком грязного паразита, будь я поменьше. Меня одолевал гнев — неукротимый, но бессильный в теперешнем моем состоянии, когда я не мог дать ему выхода.

— Я принес... принес шлем, — задышавшись, выговорил Шамит, волоча что-то по черной слякоти.

— Ну так подними его! — пожал плечами Коули. — Дай я осмотрю эту чертову штуковину.

— Она тяжелая.

— Ты! — Коули указал на одного из троих мужчин, стоявших без дела возле лебедки.

Они переглядывались, и каждый старался выпихнуть другого вперед. У Коули не хватило терпения вынести эту идиотскую заминку.

— Ты, одноглазый! — крикнул он. — Как тебя зовут?

— Хакер.

— Давай, Хакер, подойди и помоги этому полоумному выродку.

— Чего?

— Я хочу, чтобы шлем надели на демона, да побыстрее. Давай, хватит креститься, как юная напуганная девственница. Демон не причинит тебе никакого вреда.

— Вы точно знаете?

— Посмотри на него, Хакер. Это никудышные ошметки, а не существо.

Я зарычал от нового оскорбления, но мой протест пропал втуне.

— Просто набросьте шлем ему на голову, — повторил Коули.

— А потом?

— Потом получите столько пива, сколько сможете выпить, и столько свинины, сколько сможете съесть.

От такой сделки на грязном лице Хакера расцвела кривая улыбка.

— Мы быстро с этим покончим, — заявил он. — Где шлем?

— Я на нем сижу, — ответил Шамит.

— Ну так шевелись! Я голоден!

Шамит поднялся, и двое мужчин вытащили шлем из грязи, дав мне как следует его рассмотреть. Я понял, отчего Шамит так запыхался, пока нес его. Шлем был не из кожи или мешковины, как я себе представлял, а из чугуна. Он был грубо сработан в виде короба со стенками в два пальца толщиной, с квадратной дверцей спереди.

— Если выкинешь какой-нибудь демонический фокус, — упредил меня Коули, — я принесу дров и сожгу тебя прямо тут. Ты меня слышишь?

Я кивнул.

— Он понял, — сказал Коули. — Ладно, теперь шевелитесь. О'Брайен, где кандалы?

— В телеге.

— Там мне от них мало проку. Ты! — Он выбрал из двоих оставшихся того, что помоложе. — Как тебя зовут?

— Уильям Никросс.

Никросс был что твой бегемот — бедра как стволы деревьев, мощный торс. Только голова у него была крохотная, круглая и красная, без волос, ресниц и бровей.

Коули велел ему:

— Иди с О'Брайеном Помоги ему нести кандалы. У тебя ловкие руки?

— Ловкие, — повторил Никросс, словно вопрос напряг его умственные способности до предела, — у меня руки...

— Да или нет?

Священник, стоявший за спиной Коули вне поля его зрения, но на виду у наивного Никросса, закивал, подсказывая дурачку ответ. Дитя-переросток повторило его кивок.

— Ну, тогда ладно, — сказал Коули.

Я уже понял, что не смогу произнести ничего связного, чтобы вызвать сочувствие Коули. Чтобы спастись, мне оставалось одно: придется вести себя как звероподобный демон, каким меня и провозгласили.

Я издал низкий рык, прозвучавший громче, чем я намеревался. Коули инстинктивно отступил на несколько шагов и уцепился за одного из своих людей. Лицо этого человека было гротескно украшено следами заживших сифилитических язв, о пережитой болезни красноречиво свидетельствовало отсутствие носа. Коули впихнул этого типа между мной и собой, тыкая Сифилитика в спину острием ножа, дабы тот добросовестно исполнял свои обязанности.

— Держись от меня подальше, демон! У меня при себе святая вода, освященная Папой. Больше двух галлонов! Я могу утопить тебя в ней, если захочу.

Я ответил все тем же вялым рыком. Коули наконец понял, что этот звук — единственное оружие в моем арсенале, и засмеялся.

— Я испугался до смерти, — сказал он. — Шамит! Хакер! Шлем! — Он отцепил от ремня на своем поясе железный прут и в нетерпении постукивал им по ладони, отдавая приказы. — Пошевеливайтесь! Вам еще осталось освежевать тех троих и выварить до костей десять хвостов!

Мне не понравилось последнее замечание — в этой компании я был единственным хвостатым, да не с одним хвостом, а с двумя. И если они искали наживы, то мое исключительное многохвостие давало им повод поскорее развести костер под кипящим

котлом.

Страх скрутил мои внутренности. Я отчаянно забился в сети, но только запутался в ней еще сильнее.

А мое бессловесное горло издавало новые диковинные звуки, так что прежний ревущий зверь теперь казался смирным домашним животным по контрасту с этим неукротимым буйным воплем. Однако моих тюремщиков не уstraшили эти звуки.

— Надень на него шлем, Шамит! — настаивал Коули. — Чего ты ждешь, во имя Господа?

— А если он меня укусит? — заныл Шамит.

— Ты умрешь жуткой смертью, с пеной у рта, как бешеный пес, — ответил Коули. — Так что надень на него этот клятый шлем по-быстрому!

Внезапно все засуетились. Священник наставлял неумеху Никросса, готовившего кандалы для моих запястий и щиколоток, а Коули отдавал приказы, не приближаясь ко мне.

— Первым делом шлем! Следи за его руками, О'Брайен! Он может дотянуться до тебя сквозь сетку! Этот гад коварный, не сомневайся!

Как только Шамит и Хакер водрузили шлем мне на голову, Коули подошел ко мне и врезал по шлему своим прутом, металлом по металлу. От звона череп у меня завибрировал, а мысли смешались.

— Давай, Сифилитик! — как в тумане, услышал я окрик Коули. — Выпутывай его из сети, пока он оглушен.

И чтобы мало не показалось, он врезал по чугунному шлему еще раз. Новое эхо побежало по металлу и по моему черепу, догоняя отзвуки первого удара.

Взвыл ли я или мне только показалось? Шум в голове был таким ошеломляющим, что я не был уверен ни в чем, кроме собственной беспомощности. Когда вибрации от ударов стихли, я осознал, что уже выпутан из сети. Коули снова отдавал распоряжения.

— Сначала надень кандалы на ноги, Сифилитик. Ты меня слышишь? На ноги!

«На мои ноги, — подумал я. — Он опасается, что я убегу».

Я не стал раздумывать — просто ударил вправо и влево от себя. Мой взгляд был слишком сужен щелью шлема, чтобы я мог быть уверен, что в кого-то попал, но было приятно ощутить, как разжались державшие меня жирные руки. А потом я сделал именно то, что подсказал Коули. Я побежал.

Я отбежал от своих противников на добрых десять шагов. И запаниковал. Почему? Из-за ночного неба.

Вскоре после того, как Коули вытянул меня из расселины, день начал угасать и небо заблестело слезами звезд. Надо мной впервые в жизни простирались непостижимо бескрайние небеса. Угроза, которую представляли собой Коули и его головорезы, казалась незначительной рядом с ужасающей темной бездной над моей головой. Как ни пытались звезды озарить ее, их старания были тщетны. Воистину, ни один адский палач не изобретал ужаса большего, чем ужас пространства.

Голос Коули вывел меня из благоговейного оцепенения.

— Бегите за ним, идиоты! Он всего лишь маленький демон. Он не сможет ранить вас!

Это была неприятная, но правда. Если они меня догонят, я пропал. Они больше не допустят, чтобы я сбежал. Я наклонился вперед, и чугунный шлем под собственной тяжестью соскользнул с моей головы. Я выпрямился и более трезво оценил ситуацию.

Слева от меня был крутой склон, и отблески костра освещали клубящиеся возле его вершины облака. Справа и передо мной простиралась бахрома леса, и силуэты деревьев вырисовывались на фоне какого-то другого костра, видимо горевшего в лесу.

За спиной, совсем близко, был Коули со своими людьми.

Я побежал к деревьям, не решившись взобраться на склон — вдруг один из моих мучителей окажется проворнее и догонит меня прежде, чем я доберусь до гребня горы. За несколько секунд я добежал до тонкой молодой поросли на краю леса и стал лавировать между деревцами. Хвосты мои на бегу яростно лупили по стволам.

С удовлетворением я расслышал нотку недоверчивого изумления в голосе Коули, когда он заорал:

— Нет, нет! Нельзя упустить его сейчас! Нельзя! Нельзя! Бегом, кретины, или я вам головы порасшибаю!

Я уже миновал молодую рощицу и бежал между старыми деревьями. Их широкие стволы и непролазный кустарник хорошо прикрывали меня. Если я еще не оторвался от погони, то скоро должен был преуспеть в этом. Только нельзя забывать об осторожности.

Я нашел дерево с необычайно широким стволом, чьи ветви склонялись так низко от обилия летней листвы и цвета, что внизу соприкасались с зарослями кустов. Я укрылся за деревом и прислушался. Преследователи внезапно притихли, и это настораживало. Затаив дыхание, я прислушивался к малейшему отзвуку, чтобы понять, где они.

Голоса раздавались как минимум с двух сторон, и мне это не понравилось. Похоже, Коули разделил свою банду, чтобы наброситься на меня слева и справа. Я плотнул воздуха и снова побежал, останавливаясь каждые несколько шагов, чтобы прислушаться. Меня не нагоняли, но и оторваться мне не удалось. Уверенный, что я никуда не убегу, Коули принялся выкликать меня.

— Куда ты бежишь, грязная тварь? От меня тебе не скрыться. Я учую вонь твоего адского дерьма за целую милю. Слышишь? Тебе некуда бежать, я везде выслежу тебя, пойду за твоими двумя хвостами, маленький уродец. У меня есть покупатели, готовые выложить денег за скелет с двойным хвостом. Твои косточки оплетут проволокой, чтобы хвосты гордо торчали вверх. Я получу хорошую прибыль, когда поймаю тебя.

Голос Коули слышался очень ясно, и я легкомысленно решил, что знаю, откуда ждать погони. Но я упустил из виду остальных, подобравшихся с другой стороны, и тут внезапно из тени выпрыгнул Сифилитик. Если бы он не оплошал и не закричал от радости заранее, когда огромные руки еще не сомкнулись вокруг меня, я стал бы его узником. Но победный клич прозвучал на пару драгоценных секунд раньше, и я успел поднырнуть под изъеденную язвами руку и убежать в кусты.

Я мог отступить только в одном направлении. Однако я был меньше и ловчее Сифилитика, и я нырял между деревьев, протискивался в узкие щелки, куда большой гигант не пролезал.

К несчастью, прорываясь через заросли, я производил много шума. Вскоре раздался голос священника и Коули — они отдавали распоряжения Хакеру и Шамиту:

— Загоняйте его! Загоняйте! Шлем у тебя, Шамит?

— Да, сэр, мистер Коули, он у меня в руках.

— А лицевая пластина?

— И она тоже, мистер Коули. И молоток, чтобы скрепить заклепки.

— Так ловите его! Замыкайте круг!

Я прикинул, не взобраться ли мне по толстым веткам и не спрятаться ли наверху. Но, судя по треску раздвигаемого кустарника, преследователи были близко, и я боялся, что они заметят меня, окружат и затравят на дереве.

* * *

Наверное, вы удивляетесь, почему я не использовал никаких демонических уловок, никакой нечистой силы, унаследованной от Люцифера, чтобы убить врагов или сделаться невидимкой? Ответ прост: у меня нет таких способностей. У меня отец-недоделок и шлюха мать. Таким тварям, как я, не дарованы сверхъестественные силы. У нас есть лишь способность освобождаться. Но я чаще всего умнее своих врагов и могу причинить больше вреда, используя ум и воображение, чем с помощью кулаков и хвостов. И все же я слишком уязвим. Пора, решил я, научиться волшебным хитростям. Ими обладали лучшие из наших, не прилагая к тому ни малейших усилий.

«Если ускользну от этой погони, я положу все силы на изучение магии. И чем чернее

она будет, тем лучше».

Но это дело будущего, а в тот момент я был нагим бескрылым демоном, отчаянно пытавшимся не дать Коули себя изловить.

Я заметил отблеск костра между деревьями где-то впереди, и мое сердце ушло в пятки. Они загнали меня назад, к их лагерю. У меня еще был шанс рвануть направо и углубиться в лес, но любопытство пересилило. Я хотел увидеть, какие злодеяния творили эти люди.

И я побежал вперед к костру, хотя понимал, что это глупый, самоубийственный поступок. Я не справился с желанием узнать худшее. Полагаю, таково определяющее свойство демонации — возможно, это извращенная форма ангельского стремления к великой мудрости. Мне необходимо было узнать, какие зверства изобрел Коули, и я рисковал своим единственным достоянием, лишь бы увидеть это.

Сначала я увидел пламя между деревьев. Костер не оставили без присмотра — еще один член шайки Коули кормил его хворостом, когда я вступил в освещенный огнем подлесок.

Там был сущий ад.

С ветвей вокруг костра свисали растянутые шкуры нескольких демонов — таких же, как я, только необгорелых. Их лица были аккуратно освежеваны и расправлены, чтобы высохнуть, подобно маскам. Сходство с живыми было отдаленным, но мне показалось, что я знал одного из них или двоих. Плоть демонов рубила на куски последняя из убийц Коули — миловидная девушка лет семнадцати. Она свежевала мертвецов, рубила их мясо и бросала куски в самый большой из двух огромнейших черных котлов, а лицо ее было невинным, как у младенца. Время от времени девушка проверяла, как продвигается дело с хвостами, варившимися в другом котле. Еще несколько хвостов были развешаны на ветках, их уже зачистили и приготовили на продажу. Их было девять, и один из них, судя по длине и утонченному рисунку наростов на позвонках, принадлежал древнему и высокопоставленному демону.

Когда девушка подняла глаза и увидела меня, я ожидал, что она закричит и позовет на помощь. Но нет. Она просто улыбнулась.

Смогу ли я описать, как эта улыбка на безупречном лице подействовала на меня? Господи, эта девушка была прекрасна. Первое воистину прекрасное существо, которое мне довелось увидеть. В тот момент я хотел одного: увести ее из этого леса-склепа, от рагу из мяса демонов в одном котле и вареных хвостов в другом.

Коули заставил ее делать эту жуткую работу, на этот счет у меня не было сомнений. К чему мне иные доказательства, если она улыбнулась, отвлекшись от ужасного труда? Она увидела во мне спасителя, освободителя.

— Быстро! — сказал я. С проворством, неожиданным для самого себя, я перепрыгнул кучу костей, лежавшую между нами, и схватил девушку за руку. — Пойдем со мной, пока они меня не догнали.

Ее улыбка не померкла.

— Ты хорошо говоришь по-английски, — заметила она.

— Да... Наверное, — ответил я, пораженный тем, что любовь справилась с недавним напряжением, превращавшим мои слова в рык. Какое блаженство — снова получить возможность выражать свои мысли!

— Как тебя зовут? — спросила девушка.

— Джакабок Ботч. А тебя?

— Кэролайн, — сказала она — У тебя два хвоста. Ты, должно быть, ими гордишься. Можно мне их потрогать?

— Позже, когда у нас будет побольше времени.

— Я не могу пойти с тобой, Джакабок. Прости.

— Я хочу спасти тебя.

— Я так и думала, — кивнула она.

Она отложила нож и взяла меня за другую руку. Так мы и стояли вдвоем, лицом к лицу, рука об руку, и нас разделял стол с выскобленными костями.

— Отец не позволит.

— Твой отец — Коули?

— Нет. Он мой... он не мой отец. Мой отец — тот, с израненным лицом.

— Со следами сифилиса, ты имеешь в виду?

Она перестала улыбаться и попыталась отнять у меня руки, но я не отпустил ее.

— Прости меня, — сказал я. — Ляпнул не подумав. Не стоило так говорить.

— С чего бы тебе думать? — холодно ответила Кэролайн. — Ты демон. Вы не славитесь интеллектом.

— А чем же мы славимся, если не силой ума?

— Ты прекрасно знаешь.

— Честное слово, не знаю.

— Жестокостью. Безбожием. Страхом.

— Мы испытываем страх? Нет, Кэролайн. Все наоборот. Мы, детища демонации, внушаем страх человечеству.

— А что я вижу сейчас в твоих глазах?

Тут она меня поймала. Пришлось сказать правду.

— Ты видишь страх, — согласился я.

— Чего же ты боишься?

— Потерять тебя.

Да, сам понимаю, как это звучит. Мягко выражаясь, это смешно, ближе к правде — тошнотворно. Но именно так я ей сказал. И если вы сомневались в моей искренности, отбросьте сомнения — если бы я вас обманывал, разве я признался бы в этом?

Каким же жалким я, наверное, выглядел, играя в любовь. Но у меня не осталось выбора. Я полностью принадлежал ей в тот момент, я был ее рабом. Я перепрыгнул через стол и, пока она не успела возразить, поцеловал ее. Я умел целоваться, несмотря на отсутствие губ. Я годами тренировался на шлюхах, слонявшихся возле нашего дома. Они обучили меня всем премудростям поцелуев.

Сначала мне казалось, что мой ловкий язык очаровал ее. Руки Кэролайн гладили мое тело, позволяя мне ответить ей тем же.

Вам интересно, что случилось с Коули, Сифилитиком, Никроссом, О'Брайеном, Шамитом и Хакером? Конечно. Если бы я не помешался на Кэролайн, я бы тоже этим интересовался. Но я слишком увлекся демонстрацией своего поцелуйного мастерства.

Ее рука скользнула по моей спине, медленно и нежно прошла пальчиками по позвоночнику, пока не остановилась на затылке. По моему телу пробежала дрожь удовольствия. Я поцеловал ее еще жарче, хотя раскрывать рот мне было больно до слез. Ее рука напряглась и сжала мою шею. Я прижался к ней крепко-крепко, а она вцепилась пальцами в мой загривок.

Я хотел поцеловать ее еще искуснее в ответ на это прикосновение, но Кэролайн больше не хотела поцелуев. Ее пальцы с силой оплели мою шею, и она оттянула мою голову назад, заставив меня вынуть язык из ее рта.

Я посмотрел в лицо Кэролайн. Оно совсем не казалось мечтательным, как у других, которых я целовал. Улыбка, покоровившая меня с первого взгляда, погасла. Это идеальное лицо было красивым, но холодной красотой.

— Да ты настоящий Казанова, — сказала она.

— Тебе понравилось? Я только начал. Могу...

— Нет, хватит.

— Но есть еще столько...

Она развернула меня к чану, где вываривались хвосты.

— Подожди! — попросил я. — Я пришел освободить тебя.

— Не будь идиотом, дорогой, — ответила она — Я и так свободна.

— Давай, Кэролайн. — Я услышал эти слова, поднял глаза и увидел отца своей возлюбленной — Сифилитика выходящего из тени деревьев. — Свари это страшилище!

— Но ведь Коули хотел продать его в цирк уродов?

— Ну, он станет еще уродливее, когда кожа сойдет с костей. Давай вари!

Если бы она послушалась, я попал бы лицом в кипящий чан. Но Кэролайн не решилась. Я не знаю почему — надеюсь, из-за моих поцелуев. Так или иначе, но она выполнила приказ отца сразу, и хватка ее пальцев на моей шее чуточку ослабла. Мне только это и требовалось. Я вырвался, быстро высвободился и отпрыгнул за ее спину. Потом я сильно толкнул Кэролайн, предоставив судьбе решать, куда она упадет.

Судьба была немилосердна к ней, как прежде ко мне, хотя это слабое утешение. Я видел, как ноги девушки подкосились, и услышал, как она выкрикивает мое имя:

— Джакабок!

А потом:

— Спаси меня!

Но было слишком поздно. Я отступил и позволил ей рухнуть лицом в котел с кипящими хвостами. Он был огромным и тяжелым, ничто не могло опрокинуть бы его: ни вес упавшей в него девушки, ни то, как неистово она молотила руками и ногами, когда ее длинный, пропитанный кровью передник задел пламя и занялся огнем.

Я остановился, чтобы насладиться этим зрелищем, несмотря на подступающих преследователей. Я не хотел упустить ни единой конвульсии этой Лилит: как огонь между ее ног превратился в пар, когда она потеряла контроль над мочевым пузырем; как ее омывала кипящая вода, вываривавшая демонские кости, пока она тщетно пыталась выбраться наружу; каким аппетитным был запах ее рук, поджарившихся на раскаленных бортах котла; какой жалостный, рвущий душу крик раздался, когда ее изъязвленный отец наконец подбежал к ней и ее кисти оторвались, как только он потянул дочь из котла.

О, какое зрелище! Моя Кэролайн, моя некогда прекрасная Кэролайн! Точно так же, как моя любовь превратилась в ненависть за считанные мгновения, ее совершенная красота превратилась в отвратительное уродство, подобное моему собственному. Сифилитик отнес ее прочь от костра и на пару секунд опустил на землю, чтобы затушить остатки тлеющего передника. Потом он опять подхватил дочь на руки, и тут серое переваренное мясо ее лба, щек, носа и губ сползло, открыв сверкающую молодую кость. Только сварившиеся вкрутую глаза, лишенные век, слепо глядели из глазниц.

— Хватит, — сказал я себе.

Я отплатил за боль, которую Кэролайн мне причинила. Было приятно смотреть на муки Сифилитика, но я не посмел продлевать извращенное наслаждение. Пора было уходить.

* * *

Теперь вы знаете историю моей любви. Она была краткой и горькой, но тем лучше для нее.

Любовь — это ложь. Любая любовь, кроме любви младенца к матери. Эта любовь настоящая. Хотя бы до тех пор, пока молоко не иссякнет.

Освободившись от любви к прекрасным женщинам, я побежал еще быстрее и без труда обогнал Шамита и Хакера, пытавшихся перехватить меня в глубине леса. Мне было легко, словно я сбросил вес сразу двух сердец — моего собственного и Кэролайн. Я мчался сквозь лесную поросль, перепрыгивал через поваленные древние стволы, от ветки к ветке, от дерева к дереву и вскоре окончательно оторвался от своих озадаченных преследователей.

Было бы мудрее, если бы я сразу ушел подальше от тех мест под покровом ночи. Но я не мог это сделать. Слишком соблазнительно звучали намеки Коули на то, что должно произойти здесь, на поле Иешуа, с рассветом. Он говорил о сожжении какого-то архиепископа и его, если я правильно понял, питомцев-содомитов. По всей видимости, они признаны виновными перед законом Всевышнего в том, что пассивно предавались

извращениям. Зрелище такого рода непременно привлечет множество людей, а я смогу укрыться в толпе и познакомиться с местными нравами.

Я провел остаток ночи на дереве, в отдалении от пролеска, где встретил бедную Кэролайн. Я вытянулся вдоль ветки, скрип старого сука и мягкий шелест ветра в листе убаюкали меня. Проснулся я от дробного перестука и гулких ударов барабанов. Я спрыгнул со своей постели, на миг задержался, чтобы поблагодарить дерево за гостеприимство, и обильно полил ядовитой струей мочи соседние молодые побеги, чтобы они не соперничали со старым деревом за место под солнцем. Потом пошел на звук барабанного боя. Когда деревья поредели, я вышел к самому краю усыпанного валунами горного склона. Внизу раскинулось широкое поле, освещенное багрово-серым светом, плавно нарастающим в такт энергичной дробы барабанов. Вскоре взошло солнце, и я увидел, что на поле собралось великое множество народу. Многие поднимались с затянутой туманом земли после проведенной там ночи, подобно воскресшему Лазарю, — потягивались, зевали, почесывались и обращали лица к светлеющему небу.

Конечно, я не мог смешаться с ними. По крайней мере, пока оставался обнаженным. Они увидели бы странные очертания моих ступней и, что более важно, мои хвосты. Тогда мне несдобровать. Но я надеялся, что смогу сойти за обезображенного ожогами человека, если измажу ноги в грязи и оденусь. Чтобы рискнуть спуститься на поле и познакомиться с человеческим родом, мне требовалась одежда.

В сумраке тусклого рассвета я осторожно спустился по склону, перебегая от валуна к валуну, и приблизился к полю. Спрятался от посторонних глаз за камнем в два раза выше и в три раза длиннее меня и тут же обнаружил, что место уже занято, да не одним, а сразу двумя людьми. Они растянулись на земле, но не потому, что сравнивали длину камня и свой рост.

Они были молоды, эти двое; достаточно молоды, чтобы хотеть любви в столь ранний час и не обращать внимания на неудобства своего прибежища — травы, усеянной каменными обломками и мокрой от росы.

Я скорчился в трех шагах от них, но ни девушка (судя по одежде, она была либо хорошей воровкой, либо из богатой семьи), ни ее любовник (а он был либо плохим вором, либо из бедной семьи) не заметили меня. Они увлеченно срывали с себя внешние признаки достатка и положения и, равные в своей наготе, играли в отрадную игру совмещения тел.

Они быстро нашли наилучшее положение. Смех уступил место шепоту и торжественной тишине, будто предавались священнодействию, будто соединение плоти было неким благочестивым ритуалом.

Их страсть возмутила меня, тем более что мне пришлось смотреть на них после фиаско с Кэролайн. И все же, уверяю вас, у меня не было намерения их убивать. Мне нужна была только одежда юной парочки, чтобы прикрыть явные признаки собственного происхождения. Но любовники подстелили все свои вещи под себя, на неровную землю, и было ясно, что лежать на земле они собираются довольно долго. Если мне нужна одежда, то придется вытащить ее из-под них.

Я подполз к ним, вытянув руки. Клянусь, я очень надеялся, что мне удастся вытащить вещички из-под обнявшейся парочки и удрать, прежде чем..

Да что говорить. Мой план, конечно же, провалился. Вечно со мной так. Ни разу в жизни не получилось так, как я задумал.

Девушка, безмозглая красotka, прошептала что-то юноше на ухо, и они перекатились в сторону от камня, скрывавшего нас троих, и от подстилки из одежды. Я тут же стал медленно, осторожно тянуть вещи на себя. В тот же миг девушка сделала то, что, без сомнения, шепотом обещала своему любовнику: перекатилась обратно и уселась верхом на его бедра. Пока она устраивалась, ее взгляд упал на меня. Девушка открыла рот, чтобы закричать, но вовремя вспомнила, что они здесь прячутся.

Герой любовник почувствовал, как напряглось тело девушки. Он понял, что не все в порядке, открыл глаза и воззрился прямо на меня.

Если бы я сумел схватить одежду юноши и убежать, я бы так и сделал. Но нет. Ничто в

жизни не доставалось мне легко, и это дело не стало исключением. Дурачок хотел выглядеть героем перед девушкой, поэтому он выскользнул из-под нее и потянулся к ножу, лежавшему среди вороха одежды.

— Не стоит! — сказал я.

Клянусь всеми грехами мира, я предупредил его.

Он не послушался, конечно. Он геройствовал перед своей любимой. Он хотел быть смелым, чего бы это ни стоило.

Юноша вытащил нож из ножен. Лезвие было коротким, как его болтающееся мужское достоинство.

Даже тогда я произнес:

— Не надо драться. Мне нужны только ваши штаны и рубашка.

— Добраться до них ты не сможешь.

— Осторожнее, Мартин! — воскликнула девушка, глядя на меня. — Это не человек.

— Нет, это человек, — возразил ее любовник, указывая на меня ножом. — Он просто обгорел.

— Нет, Мартин! Гляди! У него хвосты! У него два хвоста.

Видимо, герой упустил это из виду. Для ясности я задрал хвосты вверх по обе стороны головы и направил кончики прямо на него.

— Господи Иисусе, защити меня! — сказал он и бросился на меня, пока отвага не покинула его.

К моему великому удивлению, он умудрился всадить ножичек мне в грудь по самую рукоятку да еще повернуть лезвие, прежде чем вынуть его. Я закричал от боли, а юноша засмеялся.

Это было слишком. Я мог бы стерпеть удар ножом, но смеяться? Надо мной? О нет. Он нанес мне непростительное оскорбление. Я выбросил руку и ухватился за лезвие, сжав его со всей силы. Оно стало влажным от моей крови, но я резко вывернул его и отнял. Это было не труднее, чем затянуть веревку на горле ребенка.

Я взглянул мельком на короткий клинок и отбросил его. Юноша растерялся.

— Мне не нужен этот ножик, чтобы убить тебя. Мне даже руки не понадобятся. Мои хвосты способны задушить вас обоих, пока я грызу ногти.

Услышав это, юноша поступил разумно: он пал на колени и еще более здраво стал молить о пощаде.

— Пожалуйста сэр, — сказал он, — смилуйтесь! Я понял, как я ошибался. Признаю это! Мы оба признаем! Не стоило нам прелюбодействовать, к тому же в святой день!

— Отчего же этот день свят?

— Новый архиепископ провозгласил этот день священным в честь больших костров, что озарят поле в восемь утра и поглотят двадцать девять грешников, в том числе...

— И бывшего архиепископа — предположил я.

— Он мой отец, — сообщила девушка и постаралась прикрыться, видимо, из чувства запоздалого уважения к родителю.

— Не утруждайтесь, — сказал я ей. — Мне до вас нет никакого дела.

— Все демоны — содомиты? Так говорит мой отец.

— Он ошибается. А как получилось, что у церковника есть дочь?

— У него много детей. А я самая любимая. — Она задумалась ненадолго, будто вспоминала, как отец ее баловал. — Так вы не содомит?

— Нет. Я потерял свою суженую всего несколько часов назад, в этом лесу. Пройдут дни или даже недели, прежде чем я снова с вожделением посмотрю на женщину.

— Мой отец отдал бы тебя на растерзание детям. Так он поступил с последним демоном, появившимся здесь.

— Детям?

— Да. Малышам лет трех-четырех. Он давал им маленькие ножички и говорил, что угостит леденцами того, кто будет самым жестоким.

— Какой он изобретательный!

— О да, он гений. Папа его очень любит. Его ожидает высокий пост в Риме. Я так хочу, чтобы это поскорее произошло и я могла бы поехать вместе с отцом.

— Почему же вы сейчас не в церкви? Надо молиться о божественном заступничестве, а не прятаться за камнем с таким...

Я глянул на юношу в поисках уничижительного эпитета. Но не успел я закончить предложение, как этот идиот бросился на меня головой вперед и боднул в живот. Ловко, ничего не скажешь. Он застиг меня врасплох и сшиб наземь.

Не успел я подняться, как он ударил меня пяткой по ране, которую нанес своим коротеньким клинком. Было очень больно, и мой вопль вызвал у него новый приступ смеха.

— Что, больно, ничтожный демон? — возликовал он. — Посмотрим, понравится ли тебе вот это?

Он наступил ногой на мое лицо, и я снова закричал. Ему это явно нравилось. Девушка же стала призывать на свою сторону всех подряд небесных заступников:

— Милосердные ангелы, Пречистая Мать, святые мученики, защитите меня! Господь всемогущий, прости мне мои грехи, я не хочу гореть в аду!

— Заткнись! — крикнул я ей из-под пяты ее любовника.

Но она твердила свое:

— Я десять тысяч раз прочту «Богородице Дево радуйся»! Я заплачу сотне флагеллантов, чтобы ползли на коленях в Рим! Но прошу, не допусти моей смерти, не отдавай мою душу этой омерзительной твари!

Этого я вынести не мог. Пусть я не был красавцем, но назвать меня омерзительной тварью? Нет уж.

Обозленный, я ухватил юношу за ногу и рывком отпихнул его. Он ударился головой о камень, я услышал хруст костей и быстро вскочил на ноги, готовый обменяться с ним ударами. Но это не понадобилось. Мой противник сползал по поверхности валуна, его затылок прочертил кровавую дорожку от того места, где треснул его череп. Глаза юноши были открыты, но он уже не видел ни меня, ни своей любовницы — вообще ничего больше не видел в этом мире.

Я быстро подхватил его одежду, пока кровь не залила ее.

Девушка прекратила взывать к небесам и уставилась на мертвого юношу.

— Это был несчастный случай, — сказал я ей. — Я не собирался...

Она открыла рот.

— Не кричи, — предупредил я.

Она закричала. Боже, как она кричала! Странно, что птицы не попадали с неба от этого вопля. Я не пытался ее остановить. Иначе мне пришлось бы ее убить, а она была слишком прелестна, даже в истерике, чтобы отдать свою юную жизнь.

Я быстро нацепил одежду мертвого юноши. От нее несло его человечностью, его сомнением, его похотью, его глупостью; все это вплелось в ткань его рубахи. Даже не хочу говорить, чем воняли его штаны. Он был крупнее меня, что оказалось очень кстати: я сумел свернуть свои хвосты и спрятать их в штаны, на ягодицах. Одежда была мне слишком велика, а обувь, наоборот, мала, так что мне пришлось ее бросить и пойти босиком. Чешуйчатые ступни о трех когтях выдавали мою демоническую природу, но пришлось пойти на риск.

Девушка — стоит ли об этом упоминать? — все еще вопила, хотя я не пугал ее, разве что пообещал задушить хвостами и случайно расшиб голову ее любовника о валун. Она замолчала, только когда я приблизился к ней.

— Если вы будете меня мучить...

— Придется.

— Мой отец пошлет за вами убийц, и они дойдут хоть до самого ада. Они распнут вас вверх ногами и поджарят на медленном огне.

— Мне не страшны гвозди, — ответил я. — Или пламя. Убийцы не найдут меня в аду, так что не трудитесь отправлять их на поиски. Их там съедят заживо. Или того хуже.

— А что может быть хуже, чем съедение заживо? — спросила девушка, и глаза ее широко раскрылись, но не от страха, а от удивления.

Вопрос воззвал к моей памяти, и память откликнулась с готовностью. В детстве все сорок семь мук ада у меня от зубов отскакивали, в порядке возрастания мучительности и без ошибок. Меня считали очень одаренным. Но теперь я едва мог вспомнить с десятков мучений из списка.

— Просто поверь, — сказал я, — есть участь похуже, чем быть съеденным. И если ты хочешь спасти невинных от страданий, держи рот на замке и сделай вид, что никогда меня не видела.

Она смотрела на меня, и в этом взгляде я увидел всю силу ее ума — не больше, чем у личинки. Мне стало ясно, что не надо терять с ней время. Я подобрал с земли ее одежду.

— Забираю это с собой, — сказал я.

— Я замерзну насмерть.

— Нет, не замерзнешь. Солнце уже пригревает.

— Но я голая!

— Да, ты голая. И если не хочешь пройти перед толпой в таком виде, останешься здесь, пока кто-нибудь не придет за тобой.

— Никто за мной не придет!

— Придет, — заверил я. — Через полчаса я пошлю кого-нибудь сюда, когда дойду до дальнего конца поля.

— Обещаешь?

— Демоны не дают обещаний. А если дают, то не держат слово.

— Ну хоть раз пообещай! Ради меня.

— Ладно, обещаю. Оставайся здесь и жди, пока принесут твою одежду. — Я показал на платье, которое она так охотно сняла несколько минут назад. — А пока почему бы тебе не пролить бальзам на собственную душу, вознося молитвы святым мученикам и милосердным ангелам?

К моему изумлению, она тут же повалилась на колени, сложила руки, закрыла глаза и сделала, как я посоветовал.

— О ангелы, внимлите мне! Душа моя в опасности...

Я оставил ее за этим занятием и, одетый в краденую одежду, выбрался из-за камня и пошел вниз по склону на поле.

Итак, теперь вы знаете, как я оказался на поверхности земли. Некрасивая история, но каждое слово — правда.

Теперь-то вы удовлетворены? Достаточно выпытали признаний? Я сознался в отцеубийстве. Я рассказал вам о том, как влюбился, как быстро и драматично разбились мои мечты о пылкой любви. И о том, как удержался от убийства дочки архиепископа хотя большинство моих соплеменников прикончили бы ее на месте. И были бы правы, как оказалось. Но этого вам слышать не нужно. Я рассказал достаточно. А про архиепископа и костры на поле Иешуа вам слышать не стоит. Поверьте, это не доставит вам удовольствия. Почему? Весьма неприглядная картинка для вас, людей.

С другой стороны... может быть, именно поэтому я и должен все рассказать. Почему бы нет? Вы вынудили меня раскрыть тайны моей души. Возможно, теперь стоит услышать чистую правду о ваших братьях. И прежде чем возражать и напоминать мне, что речь идет о давних временах, когда люди были куда более грубыми и жестокими, — задумайтесь.

Вспомните, что геноцид вершится в разных местах вашей планеты и сейчас, пока вы читаете это. Деревни, племена, целые нации стираются с лица земли. Хорошо. Слушайте, я расскажу вам о достославных ужасах поля Иешуа. С меня причитается.

Спускаясь по холму, я рассматривал открывающийся внизу вид. К восьмичасовому костру собрались сотни людей. Их сдерживала шеренга солдат, направивших алебарды на

толпу, словно обещая вспороть от пупка до горла любого, кто сдуру дерзнет подобраться поближе. На обширном открытом пространстве под охраной солдат полукругом возвышались груды хвороста — вдвое выше тех, кто их сложил. Три кучи хвороста в центре были отмечены перевернутыми крестами на вершушках.

Перед этой мрачной шеренгой стояли две трибуны для зрителей. Та, что побольше, была простой конструкции — как пролет лестницы с высокими и широкими ступенями. Она уже заполнилась богобоязненными лордами и леди, хорошо заплатившими за право посмотреть на казнь с комфортом. Другая конструкция была поменьше, с драпировками и балдахином из роскошного красного бархата, защищавшим тех, кто будет там восседать, от дождя и ветра. Над балдахином водрузили высокий крест, дабы никто не усомнился, что именно здесь расположится новый архиепископ со своей свитой.

Когда я спустился к подножию холма, я перестал что-либо видеть. Почему? Потому что, как ни противно это признавать, ростом я был ниже всех окружавших меня крестьян. И пострадало не только мое зрение, но и обоняние: со всех сторон меня подпирали грязные завшивевшие тела. Дыхание людей было тошнотворным, а газы — к их источникам я, увы, был очень близко — казались ядовитыми.

На меня накатила паника, как будто змея ползла по позвоночнику из живота в мозг, превращая мои мысли в испражнения. Я дико забился, и с моих уст сорвался вопль — пронзительный, как крик зарезанного ребенка. Так кричала моя мать в ночных кошмарах. От этого вопля грязь под моими ногами пошла трещинами.

Мой крик неизбежно привлек нежелательное внимание тех, кто стоял неподалеку и знал, откуда исходит звук. Люди отшатнулись от меня. В их глазах, где до этого момента светился лишь тусклый отблеск невежества и вырождения, засверкал суеверный ужас.

— Гляньте, земля трескается у него под ногами! — взывала какая-то женщина.

— Его ноги! Боже милосердный, поглядите на его ноги! — завопила другая.

Грязь густо облепила мои ноги, но все-таки не могла скрыть правду.

— Это не человек!

— Ад! Это тварь из ада!

Отчаянный страх обуял толпу. Женщина, с которой началась суматоха, снова и снова выкрикивала одно и то же слово: «Демон! Демон! Демон!» — а другие бормотали молитвы и крестились.

Воспользовавшись их оцепенением, я испустил еще один вопль из маминых кошмаров, такой громкий, что из ушей близко стоявших крестьян заструилась кровь. Потом я устремился к той женщине, которая все это начала. Она все еще голосила про демона, когда я подбежал к ней. Я схватил эту женщину за шею и бросил на растрескавшуюся землю, поставил облепленную грязью когтистую ногу на ее лицо, чтобы утихомирить и удушить. Она уже задыхалась, потратив слишком много сил на свои обличительные выкрики. Жизнь покинула ее за полминуты.

Сделав дело, я углубился в толпу. На моих устах еще не замер разрывавший уши крик, и люди расступались передо мной. Я шел, опустив голову и не разбирая дороги, я не сомневался, что если двигаться вперед, неизбежно доберешься до открытого пространства перед зрителями. Когда гул голосов вокруг меня внезапно стих, я решил, что толпа осталась позади. Но народ рассеялся не потому, что я выбрался из его гущи, а потому что два солдата, в шлемах и при оружии, подошли и направили на меня алебарды. Я поскользнулся и резко затормозил в грязи, в считанных сантиметрах от клинков. Последний отголосок крика моей матери захрипел и смолк.

Первый солдат был почти на полметра выше своего товарища. Он поднял забрало шлема, чтобы получше меня рассмотреть. Лицо солдата было таким же тупым, как у окружавших меня крестьян. В его глазах я видел только одно: как он собирается сбить меня с ног, пригвоздить к земле и оставить на растерзание толпе.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Джакабок Ботч, — ответил я. — Пожалуйста, поверьте мне...

— Ты демон?

Чернь разразилась обличительными криками: я убил невинную женщину, из-за меня ей уготована дорога в ад! А еще я издавал звуки, от которых многие люди оглохли!

— А ну все заткнитесь! — рявкнул солдат.

Шум утих, и он повторил вопрос. Нелепо было отрицать то, что стало бы явным, если бы он заставил меня раздеться. Поэтому я признался.

— Да. — Я поднял руки, словно решил сдаться. — Я демон. Но меня выволокли сюда обманом.

— Ох, бедненький, — отозвался солдат. — Несчастливого маленького дьявола обманули.

Он ткнул в меня концом алебарды, целясь в кровавое пятно над раной, нанесенной прежним хозяином моей одежды. Рана была невелика, но от удара снова открылась. Я не издал ни единого стога. Из подслушанных досужих разговоров папаша Г. и его друзей я знал ничто не приносит палачу большего удовлетворения, чем крики и мольбы тех, чьи нервные окончания они терзают тупыми клинками и раскаленным металлом.

К сожалению, мое молчание подвигло солдата на поиск новых способов добиться ответа. Он вонзил алебарду поглубже и повернул клинок. Кровь хлынула потоком, но я сдержался и не вымолвил ни слова.

Солдат снова ткнул и повернул лезвие; снова полилась кровь; снова я молчал. Мое тело сотрясала дрожь, так упорно я подавлял в себе желание закричать. Люди из толпы, по большей части ведьмы лет двадцати и моложе, приняли эти спазмы за агонию и осмелели. Они приблизились ко мне и вцепились в мою одежду, чтобы сорвать ее.

— Давай-ка посмотрим на тебя, демон! — завопила одна из женщин. Она ухватила за мой воротник и оторвала его.

Шрамы от ожогов на моей груди были неотличимы от таких же на человеческом теле; но моя спина выдавала истину рядами желтых и матово-алых чешуек, посреди которых вдоль позвоночника до самого затылка тянулся черный гребень.

Вид чешуи и гребня вызвал у людей крики отвращения. На этот раз солдат уперся кончиком алебарды мне в горло, откуда тоже потекла кровь.

— Убей эту тварь! — заорал кто-то из толпы. — Отпили ему голову!

Призывы казнить меня множились, и солдат перерезал бы мне глотку на месте, если бы другой стражник, пониже ростом, не подошел к нему и не прошептал что-то на ухо. Видимо, он взял верх, потому что мой мучитель поднял руку с оружием и прокричал толпе:

— Тихо! Я говорю, замолчите, или мы арестуем всех!

Угроза подействовала. Все мужчины и женщины, кольцом окружавшие меня, закрыли рты.

— Так-то лучше, — сказал солдат. — Теперь отойдите все назад и освободите место, потому что мы отведем демона к его преосвященству архиепископу, а он сам решит, каким способом казнить это существо.

Другой солдат, чье лицо скрывало забрало, подтолкнул товарища. Тот на пару секунд умолк, слушая его слова, а потом ответил достаточно громко, чтобы я расслышал.

— Я как раз к этому подхожу, — сказал он. — Я знаю, что делаю!

Потом он снова обратился к толпе:

— Мы официально арестовали этого демона именем его преосвященства. Если кто-нибудь встанет у нас на пути, он будет противостоять воле архиепископа, а значит, и воле самого Господа. Вы поняли? Будете гореть в вечном адском пламени, если помешаете нам отвести эту тварь к его преосвященству.

Толпа разорвала бы мой труп после казни на мельчайшие кусочки, и каждый взял бы с собой лоскуток в качестве сувенира, если б им дали волю. Но они поняли стражника и стихли. Родители закрывали рты детям, чтобы никто не издал ни единого лишнего звука.

Нелепо гордый после этой жалкой демонстрации силы, солдат оглянулся на товарища. Они обменялись кивками, после чего второй стражник вытащил меч (явно краденый, потому что клинок был необычайной величины и красоты), обошел меня с тыла и ткнул острием

меча в спину, прямо над луковицей моих хвостов. Ему не нужно было приказывать — я шагнул вперед, едва не упав, и пошел за первым солдатом. Тот сначала пятился, не отворачиваясь от меня, все еще держа оружие у моей шеи. Чернь притихла, было слышно лишь шарканье ног, когда люди отступали, чтобы пропустить стражников. Самодовольно радуясь тому, что его угрозы подействовали, и убежденный в том, что бояться теперь нечего, мой мучитель развернулся и двинулся сквозь толпу.

Он вышагивал уверенно, не сомневаясь, что выбрал правильную дорогу. Но он ошибся, и вскоре, когда толпа поредела, мы вышли по другую сторону поля Иешуа. Там возвышался еще один холм, пониже того, с которого я спустился. Он так же густо порос лесом, как и на другой стороне долины.

Наш предводитель замер, обдумывая свою ошибку, а я почувствовал, что второй солдат уколол меня несколько раз в спину, но не больно, а чтобы привлечь внимание. Я повернулся. Солдат поднял забрало, чтобы я мог разглядеть часть его лица. Потом, опустив меч, так что клинок едва не уткнулся в грязь, он кивнул в сторону холма.

Я понял намек и в третий раз за день бросился бежать. Задержался я лишь на миг, чтобы ткнуть своего мучителя его же алебардой. Он потерял равновесие и со всего маху шлепнулся в грязь.

Тогда я помчался по краю поля и вверх по склону к деревьям.

Всплеск криков донесся из толпы позади меня, но их перекрыл голос моего спасителя, приказавшего простолюдинам не вмешиваться.

— Это дело архиепископа — крикнул он. — Не вмешивайтесь!

Почти добравшись до вершины холма, я обернулся и увидел, что не все люди выполнили приказ. Несколько мужчин и женщин бросились за мной по склону, на пару-тройку шагов отставая от солдат.

Я добежал, до деревьев и нырнул в чащу. Перепуганные птицы, тревожно крича, снимались с ветвей над моей головой, чтобы укрыться в глубине леса, а грызуны и змеи прятались в норы. Даже дикие кабаны с визгом разбежались.

Теперь слышался только шум моего хриплого натужного дыхания и треск выдираемых из земли кустов — тех, что вставляли у меня на пути.

Но в тот день я слишком много бегал, при этом ничего не ел и не выпил даже пригоршни дождевой воды. В голове у меня было пусто, в глазах темнело. Я больше не мог бежать. Пора было обернуться и встретиться с преследователями лицом к лицу.

Так я и поступил. Остановился посреди небольшой прогалины, освещенной светлеющим небом. Сделав последние несколько шагов по усыпанной цветами траве, я прислонился усталым телом к древнему-древнему дереву, наверняка помнившему времена Великого потопа. Я с достоинством ждал того, что уготовили мне солдаты и идущая по их стопам толпа линчевателей.

Первым появился солдат, в грязи и в доспехах. Он снял шлем, чтобы лучше меня разглядеть, и открыл свою грязную, потную и свирепую физиономию. Волосы его были сострижены настолько, что от них осталась лишь тень; темной бороде было позволено прорасти.

— Ну, ты преподал мне урок, демон, — сказал он. — Я ничего не знал о твоём народе.

— Демонация.

— Чего?

— Мой народ. Мы — демонация.

— По названию больше похоже на болезнь, чем на народ — Он презрительно скривил губы. — К счастью, у меня есть от этого средство. — Направив на меня алебарду, он отшвырнул шлем и вынул меч из ножен. — Даже два средства. Чем тебя пронзить сначала?

Я поднял взгляд от корней деревьев, отвлеченно размышляя о том, глубоко ли они уходят в землю, достигают ли до самого ада. Солдат прошел половину прогалины.

— Чем же тебя пронзить, демон?

Мой усталый взгляд скользнул от одного оружия к другому.

— Твой меч...

— Ладно. Ты сделал выбор.

— Нет, твой меч... он выглядит совсем дешево. У твоего друга клинок гораздо лучше. Лезвие почти вдвое длиннее, и он такой тяжелый, такой огромный! Наверное, этот меч может поразить тебя со спины насквозь, прорубить доспехи, выйти наружу, и даже его конец будет длиннее твоего нелепейшего обрубка.

— Я тебе покажу обрубок! — вспыхнул солдат. — Я тебя раз...

Он умолк на полуслове и забился в конвульсиях — мое пророчество внезапно сбылось, и клинок его товарища прошел сквозь доспехи, прикрывавшие живот. Лезвие пламенело от крови. Раненый солдат уронил алебарду, но не выпустил меч из трясущейся руки.

Лицо его побелело, и вместе с румянцем ушла его ярость. Он даже не попытался оглянуться на своего палача. Просто поднял свой игрушечный меч, будто сравнивал его по длине с видимой частью пронзившего тело клинка. В последний раз глубоко вдохнул, захлебываясь кровью, и еще несколько секунд держал одно лезвие возле другого.

Потом он поднял взгляд и, едва удерживая налившиеся свинцовой тяжестью веки, сказал мне:

— Я бы убил тебя, демон, будь у меня меч побольше.

Его рука упала и выронила короткий клинок.

Стоявший за его спиной второй солдат вытащил свое мощное оружие, и труп рухнул вперед, причем голова оказалась в метре от моих покрытых грязевой коркой ног.

— Как тебя зовут? — спросил меня солдат.

— Джакабок Ботч. Но все зовут меня мистер Б.

— А меня — Квитун Патеа. Все зовут меня сэр.

— Я запомню это, сэр.

— Тебя выловил Рыбак, могу поспорить.

— Рыбак?

— На самом деле его зовут Коули.

— Ах, этот. Да. Как вы догадались?

— Ну, ты явно не из свиты архиепископа.

Я не успел расспросить его подробнее, потому что он прижал палец к губам, заставляя меня умолкнуть, и прислушался. Чернь, бросившаяся за мной в погоню, не повернула назад у опушки леса. Судя по голосам, они сбились в небольшую толпу, одержимую единственной мыслью:

— Убить демона! Убить демона!

— Плохо дело, Ботч. Я здесь не для того, чтобы спасти твой хвост.

— Хвосты.

— Хвосты?

— У меня их два, — сказал я, сорвал штаны мертвого героя любовника и расправил хвосты.

Квитун засмеялся.

— Это самая чудная пара хвостов, какую мне доводилось видеть, мистер Б.! — сказал он с искренним восхищением — Я почти решил позволить им прикончить тебя, но теперь...

Он оглянулся на переломанные деревца подлеска, где вот-вот должна была появиться чернь. Потом обернулся ко мне.

— На. — Он небрежно бросил мне свой великолепный меч.

Я поймал его. Вернее сказать, меч поймал меня. Он пролетел по воздуху от уверенной руки своего владельца до моих дрожащих пальцев и угодил прямо в мою ладонь. Солдат уже отвернулся.

— Куда вы уходите?

— Распалить вот это, — сказал он, стукнув кулаком по нагрудной планке своих доспехов.

— Я не понимаю.

— Просто спрячься, когда я назову твое имя.
— Подождите! — крикнул я. — Пожалуйста. Подождите! Что мне делать с вашим мечом?

— Драться, мистер Б. Драться за свою жизнь, за свои хвосты и за демонацию!

— Но...

Солдат поднял руку. Я заткнулся. И Квитун исчез в тени деревьев слева от пролеска, оставив меня, меч, труп, уже привлёкший жадных до крови мух, и шум приближавшейся толпы.

Дайте мне немного передохнуть. Мне нужно набраться сил и описать все дальнейшие события. К тому же, вспоминая эти события, я вижу все яснее, как тогдашние слова и действия изменили меня.

Я был существом очень незначительным, даже для себя самого. В моей жизни не было ничего примечательного (кроме разве что отцеубийства). Но внезапно я понял, что не собираюсь так же бессмысленно умирать.

В том самом месте, в тот самый миг изменилось мое представление о мироздании. Мир всегда казался мне дворцом, в который я не могу войти, потому что причислен к париям еще во чреве матери. Но я ошибался, ошибался! Я сам был дворцом, и каждая моя зала была полна неисчислимых сокровищ, известных лишь мне одному.

Это откровение снизошло на меня в краткий промежуток времени между уходом Квитуна Патеа и появлением банды преследователей. Даже сейчас, обдумав эти события бесчисленное количество раз, я не знаю, почему это произошло. В тот день я столько раз чудом избежал смерти: я мог погибнуть в лапах шайки Коули, мог умереть от ножа мальчишки-любовника или от рук черни на поле Иешуа; теперь у меня было оружие, но я не владел им и потому снова готовился умереть. Возможно, именно поэтому я впервые позволил себе свободно и ясно взглянуть на собственную жизнь.

Я помню, как затрепетал от утонченного удовольствия, когда новое видение мира расцвело в моем мозгу. Этот трепет не спугнуло даже появление моих врагов. Они появились и впереди на прогалине, и с обеих сторон. Их было одиннадцать, все с оружием. У нескольких человек были ножи, а у остальных самодельные деревянные дубины, только что выломанные.

— Я дворец, — сказал я им, улыбаясь.

Мои палачи озадаченно уставились на меня.

— Этот демон сошел с ума, — заметил один из них.

— У меня есть для него лекарство, — сказал другой, размахивая длинным зазубренным лезвием.

— Лекарство, лекарство, — повторил я, вспомнив хвастовство покойного солдата — У всех сегодня есть лекарство от болезней. Знаете, что я вам скажу?

— Что? — спросил человек с зазубренным лезвием.

— Не думаю, что мне нужно лечиться.

Беззубая мегера выхватила клинок из рук мужчины.

— Болтовня! Одна болтовня! — бормотала она, подходя ко мне.

Женщина остановилась, чтобы подобрать маленький меч, выпавший из руки мертвого солдата. Она подняла и алебарду, а затем перекинула оружие назад в толпу, где его поймали двое из квартета, только что присоединившегося к банде: Коули, Сифилитик, Шамит и отец О'Брайен. Сифилитик схватил алебарду и очень обрадовался такой удаче.

— Эта тварь убила мою дочь! — воскликнул он.

— Я хочу, чтобы его взяли живым, — заявил Коули. — Щедро заплачу любому, кто поймает его.

— Забудь о деньгах, Коули! — заорал Сифилитик. — Я хочу, чтоб он сдох!

— Подумай о цене...

— К черту цену, — сказал Сифилитик и пихнул Коули в грудь с такой силой, что тот

упал спиной в колючий кустарник, обильно росший в подлеске.

Священник попытался поднять Коули с этого ложа из терний. Пока он тянул, Сифилитик бросился ко мне, нацелив алебарду, которой меня сегодня уже кололи.

Я посмотрел на меч Квитуна. Мое усталое тело позволило ему упасть так низко, что клинок спрятался в траве. Я поднял глаза на Сифилитика, потом снова посмотрел на меч и пробормотал слова из явленного мне откровения:

— Я дворец.

Разбуженный этими словами, меч поднялся из травы. Клинок, вошедший в сырую землю, очистился от крови. Солнце появилось над деревьями и заиграло на острие меча, в то время как мои мускулы выполняли свой долг — поднимали оружие. Каким-то чудом, известным лишь мечу, солнечный свет отразился от него и пронзил весь лес ослепительной вспышкой. Она заставила всех замереть на несколько секунд, и я увидел происходящее с такой ясностью, что ей позавидовал бы сам Создатель.

Я увидел все — небо, деревья, траву, цветы, кровь, меч, копье, толпу — как единый вид из окна моих глаз. Глядя на эту картину как на единое целое, я различал и каждую деталь, даже самую незначительную. Видение было столь ясным, что я мог бы составить его опись. Каждая часть была прекрасна. Каждый листок, идеальный или объединенный, каждый цветок, нетронутый или растоптанный, каждая мокнущая рана на лице Сифилитика, каждая ресница над его заплывшими глазками — мой пробудившийся от сна взгляд не делал между ними различий. Все они были совершенны, все были абсолютно самими собой.

Видение продлилось недолго — несколько ударов сердца, и оно исчезло. Но это неважно. Мне оно принадлежало навеки, и с радостным криком влюбленного в смерть я бросился на Сифилитика, подняв над головой меч Квитуна. Сифилитик встретил меня клинком, выдвинутым вперед. Я описал мечом великолепную дугу и отсек почти полметра его копья. Сифилитик замедлил бег и отступил бы, если бы ему представился шанс, но у нас с мечом были другие планы. Я поднял меч и опустил его снова, вдвое сократив длину алебарды, которую все еще держал Сифилитик. Он не успел отбросить останки оружия, когда я сделал третий выпад и отрубил его кисти.

О демонация, что за вопль он издал! Его цвета — синий и черный, подернутые оранжевой рябью, — были яркими, как кровь, бившая из обрубков рук. Его агония была прекрасна, она доставила мне безграничное наслаждение. В толпе поднялись мстительные разъяренные крики, и я нашел еще большую прелесть в колорите их злобы — зелень незрелого яблока, желчная желтизна, — и опасность показалась мне отдаленной, несущественной. Когда угроза станет неминуемой, она тоже, я знал, будет прекрасна.

Великолепный меч Квитуна не отвлекали эти видения. Он выстрелил мне в руку и плечо сильнейшим разрядом, дошедшим до моей замечтавшейся головы. Было так больно, что я очнулся от задумчивости. Цвета, которыми я упивался, поблекли, и я остался один во лжи этой жизни, растерянный и расстроенный. Я попытался глубоко вдохнуть, но у воздуха был привкус мертвечины, он свинцовой тяжестью отзывался в легких.

Сморщенная, но настойчивая карга подстрекала мужчин.

— Чего вы боитесь? — кричала она — Он один! Нас много! Неужто вы позволите ему вернуться в ад и похвастаться, как вы тут стояли перед ним, перепуганные до смерти? Гляньте на него! Он маленький уродец! Он ничто! Он никто!

Ее обличения звучали смело, нужно это признать. Не дожидаясь, пока остальные послушаются и перейдут к действиям, она сама двинулась ко мне, размахивая кривой веткой. Старуха явно была безумной, но ее слова, унижающие меня — я ничто, я никто! — подействовали на чернь как новый глоток ярости. Они пошли за ней, все до единого. Только Сифилитик стоял между злобной шайкой и мной, протягивая к людям свои истекающие кровью руки, будто кто-то мог его исцелить.

— Прочь с дороги! — заорала старая ведьма и врезала ему суком прямо в широкую грудь.

Этого удара хватило, чтобы ослабевший раненый споткнулся и зашатался, заливая

кровью тех, кто оказался рядом с ним. Еще одна женщина из шайки разозлилась, когда Сифилитик запачкал ее кровью, обложила его последними словами и ударила. На этот раз он упал, и я его больше не видел. Я вообще больше ничего не видел, кроме злобных лиц, выкрикивавших то молитвы, то ругательства, пока они окружали меня со всех сторон.

Я обеими руками поднял меч Квитуна, чтобы не подпустить этот сброд ближе чем на расстояние длины клинка. Но у меча были более амбициозные планы. Он вытянулся у меня над головой, хотя мои мышцы с трудом удерживали его вес. В таком виде, с высоко поднятыми руками, я стал идеальной мишенью для нападения, и люди немедленно воспользовались этой возможностью.

Удар за ударом обрушились на мое тело. Нападавшие молотили меня так яростно, что суковатые дубины ломались; ножи рассекали мой живот и чресла.

Я хотел защититься с помощью меча, но у него была собственная воля — он отказался подчиниться. Порезы и удары множились, мне приходилось терпеть.

Внезапно, без предупреждения, меч вывернулся у меня из рук и начал стремительное падение. Будь на то моя воля, я бы нацелился на толпу сбоку и прорезал их всех насквозь. Но меч сверхъестественно точно выбрал момент для атаки: сейчас передо мной стоял Коули с двумя сверкающими клинками, наверняка украденными у какого-то богатого убийцы. К моему изумлению, он улыбнулся мне, показав два ряда пятнистых десен. После чего вонзил оба клинка мне в грудь, дважды пронзив мое сердце.

Это было его предпоследнее земное деяние. Меч Квитуна, более озабоченный совершенством своих действий, чем здоровьем своего хозяина, сделал последнее элегантное движение, быстрое как молния, так что Коули даже не перестал улыбаться. Клинок вошел в его череп точно посередине, ни на волос не отклонившись в сторону, и рассек все его тело донизу: разрезал голову, шею, туловище, таз и мужское достоинство. Коули распался на две части, каждая с половиной улыбки, и упал на землю. В пылу атаки на рассечение Коули никто не обратил внимания. Все были слишком заняты — пинали, кололи и терзали меня.

Но мы, дети демонации, выносливая порода. Да, наши тела истекают кровью точно так же, как ваши, и раны болят, как у вас. Разница в том, что мы выживаем, изувеченные и искалеченные — как было со мной и в детстве, и после сожжения на костре слов, — а вы сгинете, если вас раз пырнут в нужное место. Однако меня утомили бесконечные атаки. Я превысил свою порцию порезов и ударов.

— Хватит, — пробормотал я про себя.

Битва заканчивалась, и я угасал вместе с ней. Я хотел бы схватить меч Квитуна и порубить всех нападавших на куски, но мои руки были изранены в мясо, они не могли управлять чудесным оружием Квитуна. Меч как будто понимал, насколько я изможден, и не рвался в бой. Я позволил ему выпасть из моих окровавленных дрожащих пальцев. Никто из шайки не пытался подобрать его. Эти люди были вполне довольны, разрушая мою жизнь медленно и постепенно, ударами, порезами, пинками, проклятиями и плевками.

Кто-то вцепился в мое правое ухо и стал отрезать его тупым лезвием. Я поднял руку, чтобы отвести толстые пальцы, но другой нападавший поймал меня за запястье. Я мог лишь корчиться от боли и истекать кровью, пока палач отпиливал мое ухо, желая забрать его на память.

Все поняли, что я ослабел и потерял способность защищаться, и воодушевились. Они стали высматривать, что бы отрезать от меня в качестве трофея: соски, пальцы на руках и ногах, половые органы или даже хвосты.

Нет, нет, молча взмолился я, только не хвосты!

Возьмите мои уши, мои лишённые ресниц веки, мой пупок, но, пожалуйста, не трогайте хвосты! Это абсурдное и иррациональное проявление тщеславия, но пускай — мне не было жалко своего лица и даже тех частей тела, которые делали меня мужчиной, я хотел умереть, сохранив свои хвосты. Разве я просил слишком многого?

Судя по всему, да. Я не мешал охотникам за трофеями кромсать самые чувствительные места моего тела, сквозь боль умоляя их удовлетвориться тем, что они уже забирали, но мои

мольбы пропали втуне. И неудивительно: мое горло, несколько раз выплеснувшее всю мощь маминого голоса ночных кошмаров, теперь не могло изречь ничего, кроме едва слышного бормотания. Уже не один, а два ножа пилили репицу моих хвостов, вгрызаясь в мышцы. Кровь хлестала из ширившегося пореза.

— Довольно!

Команда прозвучала достаточно громко, чтобы прорваться сквозь крики и смех шайки и заставить сброд стихнуть. Впервые за долгое время люди отвернулись от меня. Они озирались в поисках источника этого командного голоса, приготовив ножи и дубинки.

Приказ отдал Квитун. Он выступил из тени, где исчез совсем недавно. Как и прежде, в доспехах, с опущенным забралом, скрывавшим его демонические черты.

Нападавших было не меньше дюжины, а он один, но шайка отнеслась к нему с уважением. Или не к нему самому, а к силе, которую, по их мнению, он олицетворял: к власти архиепископа.

— Вы двое, — Квитун указал на парочку, пытавшуюся отделить меня от моих хвостов, — отойдите от него.

— Но он демон, — тихо возразил один.

— Я вижу, что он такое, — ответил Квитун. — У меня есть глаза.

Его голос звучал необычно, отметил я. Казалось, что он едва сдерживает какое-то сильное переживание, будто готов разрыдаться или зайтись от смеха.

— Руки... прочь... от... него... — сказал Квитун.

Мои мучители послушались и отступили назад по траве, которая уже стала не зеленой, а красной. Я осторожно завел руку за спину, опасаясь того, что мог обнаружить, но с облегчением понял: они пропилили чешуйки до мышц, но далее не продвинулись. Если мне повезет и я переживу свою первую встречу с человечеством, хвосты останутся при мне.

Квитун вышел из тени деревьев и зашагал к центру прогалины. Он дрожал, но не от слабости. В этом я был совершенно уверен.

Но шайка решила, что он ранен и ослабел. Люди самодовольно переглянулись исподтишка и как будто невзначай стали окружать его. Они не выпускали из рук оружие, которым меня ранили.

Вскоре они встали по местам и сомкнули круг. Квитун медленно повернулся и оглядел их, словно подтверждал этот факт. Такое простое действие далось ему нелегко. Его дрожь усиливалась. Еще несколько секунд, и его ноги подогнутся, он упадет на землю, и чернь...

Не успел я додумать эту мысль, как меня прервал Квитун.

— Мистер Б.? — Его голос прерывался, но в нем еще была сила.

— Я здесь.

— Исчезни.

Я уставился на Квитуна (все остальные тоже), пытаюсь понять, что он задумал. Предлагал ли он себя в качестве мишени, чтобы я мог ускользнуть, пока шайка будет срывать с него латы и забивать его до смерти? И что это за неестественная дрожь?

Он опять приказал, и в его голосе звучало нечто вроде паники:

— Исчезни, мистер Б.!

На этот раз его тон вывел меня из ступора. Я вспомнил, как Квитун учил меня: «Спрячься, когда я назову твое имя».

Потеряв полминуты, я попытался отыграть потерянное время, насколько позволяло мое израненное тело. Отступил на пять или шесть шагов, пока не почувствовал спиной заросли. Дальше идти было некуда. Я поднял пульсирующую от боли голову и посмотрел на Квитуна. Он по-прежнему стоял посреди прогалины, и его тело под латами содрогалось неистовее, чем прежде. Под забралом разрастался крик, становился все громче и пронзительнее, все выше и выше. Этот крик мало походил на обычный голос, рожденный человеческими легкими и горлом, — как и тот вопль, что я перенял у мамы. Наивысшие из слышимых нот напоминали птичьи крики, а низшие сотрясали землю под ногами, от крика ныли зубы, живот и все внутренности.

Но мне недолго пришлось страдать от его воздействия. За считанные секунды крик Квитуна достиг предела высоты и глубины, и в момент кульминации внутри лат вспыхнуло сильное пламя, выплеснувшее языки огня сквозь каждый стык и шов.

И тогда — слишком поздно, конечно, — я понял, почему он хотел, чтобы я исчез. Я попытался протиснуться в густые заросли и искал лазейку среди колючих ветвей, когда Квитун взорвался.

Его латы разлетелись, как скорлупа яйца от удара молота, и на кратчайший миг я уловил пламенеющие очертания его тела. Потом волна силы, разорвавшей доспехи в клочья, дошла до меня и ударила так мощно, что я перелетел через густые заросли и приземлился среди вереска в паре метров от подлеска. В воздухе висел плотный едкий дым, не позволявший мне видеть прогалину. Я попытался подняться с колючей травяной подстилки и пополз к прогалине. Моя голова кружилась, я был избит и окровавлен, но жив. Шайке моих противников повезло меньше — они лежали на траве, все до одного мертвые. Кто-то был обезглавлен, другие свисали с ветвей, израненные и растерзанные. Кроме целых трупов имелаась коллекция запасных частей — ноги, руки, клубки кишок и прочие внутренности празднично украшали деревья вокруг поляны.

Посреди этого странного сада стоял Квитун. Голубоватый дымок поднимался от его нагого тела, пока плоть скрепляли сияющие швы. Они медленно гасли и пропадали. Лишь глаза Квитуна горели неизменно ярко, как две лампы под сводом черепа.

Осторожно пробираясь среди свалки тел, я содрогался от омерзения. Меня отвращали не кровь и оторванные конечности, а паразиты, тучами кишевшие на телах и одежде отребья. Они спешили покинуть мертвецов в поисках живых хозяев. Я не собирался помогать им и все время стряхивал наглых блох, взбиравшихся по мне.

На мой оклик Квитун не ответил. Я остановился поодаль от него и попытался вывести его из оцепенения. Мне было тревожно смотреть в его огненные очи. Пока не явлен знак, что сам Квитун вернулся и готов погасить этот огонь, меня пугала сила, которую он призвал. Поэтому я выжидал. На прогалине было тихо, если не считать стука капель крови, стекавших с листвы на промокшую землю.

Однако за пределами леса слышался шум, оттуда же шел и запах, хорошо знакомый мне с детства; вонь паленой плоти. Этот запах вполне объяснял два вида звуков, сопровождавших его: вопли поджариваемых мужчин и женщин и одобрительный гул толпы, собравшейся поглазеть на казнь. Мне никогда не нравилось человеческое мясо, оно кисловатое и жирное, но я ничего не ел с тех пор, как заглотил приманку Коули, и от духа жареных содомитов с поля Иешуа мой рот заполнился слюной. Слюна потекла из углов рта вниз по подбородку. Я поднял руку, чтобы вытереться — нелепо утонченный жест, учитывая мое общее состояние, — а Квитун спросил.

— Проголодался?

Я взглянул на него. Сияние в его черепе угасло, пока я мысленно перенесся на поле Иешуа. Я очнулся, и Квитун тоже.

Его зрачки, как у каждого отпрыска демонации, были узкими и вертикальными, лучики роговицы цвета жженой умбры с золотыми крапинками. Золото поблескивало и в симметричном узоре бирюзовых и фиолетовых оттенков, расцвечивавших его тело. Эту безупречную симметрию нарушали шрамы, приобретенные за много лет.

— Ты так и будешь тарашиться или ответишь на мой вопрос?

— Прости.

— Ты проголодался? Я так голоден, что готов съесть даже рыбу.

Рыба. Мерзость. Рыба — христианская тварь. «Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков», — сказано в Писании. Брр. Неудивительно, что я подавился костью оба раза, когда пытался ее есть.

— Ну ладно, не рыбу. Хлеб и мясо. Как насчет этого?

— Это лучше.

Квитун встряхнулся, как мокрый пес. Крупницы сияния, остатки призванной силы,

застывшие между его чешуйками, разлетались в разные стороны и гасли в солнечном свете.

— Так-то лучше, — заметил он.

— Я... должен... ну, в смысле... я очень...

— Что?

— Благодарен.

— А. Пожалуйста. Нельзя позволять человеческому отребью нас шпынять.

— Они не оставили на мне живого места.

— Все заживет, — спокойно ответил Квитун.

— Даже при том, что мое сердце пронзили два кинжала?

— Да. Вот если бы они расчленили тебя, было бы сложнее. Даже Люцифер вряд ли способен отрастить себе новую голову. — Он ненадолго задумался. — Хотя мне уже кажется, что ничего невозможного нет. Если о чем-то можно мечтать, можно это и сделать. — Он взгляделся в меня. — У тебя хватит сил идти?

Я попытался ответить таким же небрежным тоном, как его собственный:

— Конечно. Без вопросов.

— Тогда пойдем посмотрим на архиепископское жаркое.

Костры. Они отмечали каждый важный момент моей жизни.

Ну, готовы ли вы зажечь мой последний костер?

Вы же понимаете, что я помню об этом. Я увлекся повествованием, но все время думал о том, что буду чувствовать, когда вы исполните свое обещание.

Вы обещали, не отпирайтесь.

И не говорите, что забыли. Это меня только разозлит. И я имею право злиться — после всего, что я сделал, после погружения в болезненные воспоминания и рассказа о моих переживаниях. Я не сделал бы этого для первого встречного. Только для вас.

Знаю, знаю, что говорить легко.

Но я открыл вам свое сердце. Мне непросто было признаться, как я был изранен, как я был глуп и легковверен. Но я рассказал вам об этом, потому что вы открыли двери моей темницы, я увидел ваше лицо, и оно заставило меня довериться вам. Я до сих пор вам доверяю.

И очень скоро вы разведете под этой книгой костер.

* * *

Я принимаю ваше молчание как знак согласия.

* * *

У вас озадаченный вид. Почему? А, погодите, понимаю. Вы ожидаете, что все будет изложено четко и ясно, как в повести. Но это не повесть. У повестей есть начало, середина и конец.

Здесь у нас все не так. Это просто обрывки памяти. Впрочем, нет, не верно. Я рассказал о самом важном для меня, именно эти эпизоды я вспоминаю: «Костер», «Ловушка», «Убийство папаша», «Моя первая любовь» (хотя и не последняя), «Что произошло на поле Иешуа», «Встреча с Квитуном» и «Как он спас мою жизнь». Вот, кажется, и все.

Но по вашему лицу я вижу, что вы ожидали чего-то другого. Неужели вы ждете, что я поведаю вам о великой войне между раем и адом? Это легко: такой войны не было. Сплошная папская пропаганда.

А я? Что ж, я выжил после ранений, это понятно. Иначе не сидел бы между этих страниц и не беседовал с вами.

Хм. Это заставляет задуматься... Мысль о том, что я беседую с вами, заставляет меня задуматься: чей голос звучит у вас в голове? Голос того, кого вы всю жизнь ненавидели, или,

наоборот, голос вашей любви?

Или, возможно, вы слышите свой собственный голос? Это было бы странно, очень странно. Как будто я не существую на самом деле, а только живу в вашем воображении.

Я, мистер Джакабок Ботч, ныне пребывающий внутри вашего черепа..

Нет, мне это не нравится. Мне это совсем не нравится по очевидным причинам.

По каким? Ну, догадайтесь сами, не разжевывать же мне для вас все, мой друг. Иначе придется сказать правду, которая не всегда привлекательна. Я могу ранить ваши нежные человеческие чувства, а нам это ни к чему.

Однако я не собираюсь лгать вам сейчас, когда мы почти готовы сжечь эту книгу.

Ладно, я скажу. Дело в том, что никто в здравом уме не сочтет вашу голову наилучшим местом жительства. Вот и все.

Ваш мозг — настоящая помойка. Я пробыл здесь достаточно долго, чтобы убедиться в этом. Ваш череп по макушку полон грязи и отчаяния. О, я уверен, вы можете обмануть легковверных родных и друзей. Я видел это по вашему лицу, не пытайтесь отрицать. Не представляете, сколько всего я узнал, глядя на вас с этих страниц. Вы притворно улыбаетесь, когда в чем-то сомневаетесь. Вы не хотите признаваться в своем невежестве, и вот на ваших губах появляется глупая улыбка, прикрывающая смущение. Вы улыбаетесь так даже тогда, когда читаете о чем-то, что вызывает ваши сомнения. Ручаюсь, вы этого не знали. Вы натягиваете эту улыбочку ради какой-то книги.

Но меня вам не провести. Я вижу все ваши тайны с оттенком вины: они мелькают в глубине ваших глаз, отчаянно пытаюсь скрыться. Поэтому ваши глаза бегают. Взгляд начинает метаться, едва разговор заходит о том, о чем вам неудобно говорить. Когда я впервые это заметил? Кажется, когда рассказывал о ссорах в семье и о том как я взял кухонный нож, чтобы защититься от отца. Или когда я впервые упомянул о продажном священнике, отце О'Брайане? Не могу припомнить, мы о многом успели поговорить. Поверьте, ваши глаза устраивают целое представление, когда вы нервничаете.

Я вижу вас насквозь. Вы ничего не скроете от меня. Каждая злобная порочная идея, родившаяся в вашем мозгу, отражается на лице напоказ всему миру. Нет, не стоит говорить про мир — это видно мне одному. Мне открывается свой, отдельный вид. Лучше меня вас знает только ваше зеркало.

Подождите-ка. С чего я вдруг заговорил о вашем разуме? Ах да, ведь я обитатель вашего черепа, вашего захламленного черепа.

Найдется ли в нем еще местечко? Во имя демонации, я рассказал вам очень много. Конечно, некоторые детали я опустил. Многое понятно само собой: ясно, что я не умер даже от двух ударов в сердце. Как и предсказал Квитун, все ножевые раны зажили, сломанные кости срослись, и созвездие мелких шрамов дополнило мой большой ожог.

Кстати, об ожогах. Когда мы, Квитун и я, посмотрели на поле Иешуа, мы выяснили, что большинство приговоренных уже погибли в огне, но трое грешников, прибитые вверх ногами к крестам, еще ждали казни в полукружье костров. Архиепископ обращался к ним, перечисляя их грехи перед законом небесным. Там были двое мужчин и женщина, очень молодая и беременная. Ее раздутый живот, туго обтянутый гладкой кожей, украшали ручейки крови, сбегавшие с прибитых гвоздями ног. Только когда архиепископ закончил свою речь и три палача подожгли три кучи хвороста, кресты начали медленно поворачивать и опускать вниз.

— Умно, — заметил я.

Квитун пожал плечами.

— Я видел и получше.

— Где?

— Везде, где они стремятся друг друга извести. Вот там действительно виден человеческий гений; военные махины, инструменты для пыток, приспособления для экзекуций. Они невероятно изобретательны. Вращающиеся кресты придумали в прошлом октябре, для казни прошлого архиепископа.

— Его женщин тоже прибили к крестам?

— Нет, только самого архиепископа. Но тогда все прошло неудачно. Крест вращался рывками, а на полпути остановился. Но умельцы решили проблему за несколько месяцев. Эти кресты вращаются безупречно. — Он улыбнулся. — Посмотри на них.

— Я смотрю.

— Машины, Ботч, сделают за людей то, что им самим не под силу! Готов поклясться, человечество создаст машину для полета, если достаточно долго проживет.

— У людей есть враги?

— Только один враг — сам человек. Но машины, которые он придумывает, умнее изобретателей. Обожаю механизмы, для чего бы они ни были предназначены. Никогда не стану изучать их. О демонация, только послушай эти вопли! — Его улыбка стала еще шире.

— Это девушка.

— Само собой. Она кричит за двоих. — Он хмыкнул — И все же у меня от этого зубы сводит. Думаю, мне пора. Денек удался, мистер Б. Спасибо тебе.

— Куда ты пойдешь?

— Сейчас — подальше отсюда.

— А потом?

— У меня нет определенных планов. Если услышу про интересное изобретение — все равно, усовершенствованную мышеловку или механизм для порки непочтительных жен, — то отправлюсь посмотреть на него. У меня полно времени. Вчера, например, прошел слух, что в Нижних землях¹ поймали ангела, помогавшего кому-то изобрести цветок.

— А ты знаешь, как выглядит ангел?

— Не имею понятия. А ты? Когда-нибудь видел ангела?

Я покачал головой.

— Хочешь посмотреть на него? — спросил Квитун.

— Что ты имеешь в виду?

— Демонация, ну ты и тупица! Я спрашиваю тебя, хочешь ли ты пойти со мной. Нас ждет кочевая жизнь, зато время от времени будем встречать тех, кто работает над изобретениями. Над тайными изобретениями.

Слово прозвучало странно. Квитун осознал это и произнес:

— На самом деле это неважно. Тайны, тайны! Я интересуюсь не тайнами, а изобретениями.

— Нет, не изобретениями, — ответил я. — Ты интересуешься одним-единственным изобретением. Меня не обманешь.

Квитун был явно впечатлен.

— Да, — признался он. — Это единственная тайна, о которой все шепчутся. Кто-то работает над тайным изобретением, которое...

Он оборвал фразу.

— Которое?.. — Я ожидал продолжения.

— Ты идешь со мной или остаешься? Мне нужен ответ, Ботч!

— Которое *что*?..

— Которое изменит природу человечества навсегда.

Теперь я был заинтригован. Квитун знал тайну. Очень важную тайну.

— Это самая великая тайна после той истории с Христом, — продолжал Квитун. — Я не шучу.

Я обернулся и посмотрел на лес на том краю поля. Я знал, что легко отыщу среди деревьев дорогу к той расселине в скалах, откуда Коули и его шайка вытащили меня. Спуститься вниз тоже будет нетрудно. Через пару часов я бы оказался в родном подземном мире.

— Ну, Ботч?

¹ Нижние земли — по историческим причинам этим термином принято называть территорию, примерно соответствующую сегодняшним Нидерландам, Бельгии и Люксембургу (Бенилюкс).

— Ты вправду думаешь, что в Нижних землях есть ангел?
— Кто знает? Неизвестность — это само по себе забавно.
— Мне нужно время, чтобы переварить это.
— Тогда я оставлю тебя переваривать это, Джакабок Ботч. Кстати, ты знаешь, что твое имя трудно выговорить?

Я собирался ответить, что он не первый говорит мне об этом, но Квитун не стал ждать. Он повернулся спиной к полю и сказал, что больше не может слушать вопли девушки.

— Ее волосы загорелись.

— Это ее не извиняет, — отозвался Квитун и направился в лес.

Настал важный момент, я понимал это. Если выбрать неверный путь, всю оставшуюся жизнь будешь жалеть о решении, принятом здесь и сейчас. Я снова посмотрел вниз на поле, а потом в сторону деревьев. Чешуя Квитуна была ярко окрашена, и все же тени скрывали ее. Еще несколько шагов, и он пропадет из вида, а я упущу шанс на приключение.

— Поймай! — закричал я. — Я иду с тобой!

* * *

Теперь вы знаете, как я отправился в путь с Квитуном. В последующие годы мы замечательно проводили время, путешествовали и занимались тем, что он называл «старыми играми»: заставляли мертвых говорить, а грудных младенцев — превращаться в пыль у материнской груди; искушали святош, мужчин и женщин (чаще всего сексом); даже забирались в Ватикан по сточным трубам и мазали экскрементами новые фрески, при написании которых художник использовал новое приспособление, позволявшее добиться иллюзии глубины. Квитун не видел, как действует это приспособление, и в раздражении кидался дерьмом с особым жаром.

Я многому научился у него. Не только «старым играм», но и тому, что погоня за изобретениями становится гораздо интереснее, если у человека есть шанс — пусть крохотный, но все же реальный шанс — перехитрить тебя. Квитун всегда говорил об этом.

— Но тогда, в лесу, ты оставил людям мало шансов на победу, — напомнил я. — Вообще-то ни единого шанса не оставил.

— Потому что они превосходили нас числом. У меня не было выбора. Если бы мы могли сойтись с каждым один на один, вышла бы совсем другая история.

Это был единственный раз, когда я настойчиво расспрашивал его о важных материях. Оказалось, что мы очень подходим друг другу. Как два разлученных брата, которые наконец-то сошлись.

Ну вот и конец. Не моей жизни, но моей исповеди. Я не собирался рассказывать вам так много, но дело сделано, и я не жалею об этом. Мне стало легче, будто сбросил груз с плеч — так вы говорите?

Наверное, я должен поблагодарить вас. Если бы вы не пялились на меня с озадаченным лицом, я бы никогда не выдал вам один из моих маленьких грешных секретов. Не самую главную тайну, конечно. Главную тайну я открыл во время странствий с Квитуном, и если я ее выдам, то выдал и его самого. Или большую часть его.

Нет, эту тайну вы не узнаете. Не надейтесь. Я не обещал вам ее и не упоминал бы о ней, если бы речь ни зашла о словах Квитуна.

Хорошо? Все понятно? Никакой тайны. Просто сожгите книгу.

Пожалуйста

* * *

Пожалейте меня.

* * *

Будьте вы прокляты! Прокляты!
Чего вы хотите от меня?

* * *

ЧЕГО, ВО ИМЯ ДЕМОНАЦИИ, ВЫ ХОТИТЕ?

* * *

Остановитесь, перестаньте читать. Разве я слишком многого прошу? Я заплатил сполна за то, чтобы попасть в эту адскую книгу. Вы извели меня, требуя признаний.

Не говорите, что вы их не требовали. Вы читали без остановки, и что мне было делать? Я мог бы стереть слова. Или, того хуже, я мог бы стереть слова частично, чтобы _____ не смогли _____ что _____ хотел _____ вам _____ только _____ вы _____ будете _____ чтобы _____ была _____ игра _____ бы _____ понравился _____. Он _____ так _____ справедлив _____ отношению человечеству шанс _____ победить _____ склонил _____ к _____ армиллов.

Видите, как легко вывести вас из себя? Надо было так сделать, когда вы начали читать. Но слова поймали меня на крючок, я начал говорить правду и не мог остановиться. Перед моими глазами плыли очертания историй. Не только большие события — «Как я обгорел», «Как я выбрался из ада», «Как я встретил Квитуна», — но и мелкие анекдоты, и второстепенные герои, которые появлялись по ходу действия, совершали какие-то дела, добрые или кровавые, и отправлялись жить своей жизнью. Если я был настоящим рассказчиком, профессионалом, я придумал бы какой-нибудь хитрый поворот сюжета, чтобы закончить все линии. Вам бы не пришлось гадать, что случилось с тем или иным персонажем. Например, с Шамитом. Или с архиепископом, который сжег своего предшественника. Но я не умею выдумывать события. Я говорю только о том, что видел и чувствовал сам. Что бы ни случилось с Коули или архиепископом, отцом той девушки за камнем, я этого не знаю. И не могу вам рассказать.

А вы опять смотрите на меня. Вы водите глазами по строчкам, словно надеетесь, что я внезапно превращусь в заправского сочинителя и выдумаю какой-то ловкий ход, чтобы связать все сюжетные линии и привести их к развязке. Но вы же знаете, что я весь выжжен, если можно так сказать. Во мне ничего не осталось.

Почему бы вам не облегчить мое положение. Пожалейте меня, умоляю. Стою на коленях прямо здесь, в переплете, и прошу вас.

Сожгите книгу, пожалуйста! Просто сожгите книгу. Я устал Я хочу в последний раз раствориться во тьме, и только вы можете преподнести мне этот дар. Я слишком много плакал я видел слишком много я устал я потерял готов идти к смерти так пожалуйста, пожалуйста, дайте мне сгореть.

Пожалуйста...

дайте...

мне...

сгореть...

* * *

Нет?

Понятно. Ладно, вы выиграли.

Я знаю, чего вы хотите. Вы хотите знать, как после странствий с Квитуном я попал на страницы этой книги. Да? Именно этого вы ждете? Мне не надо было говорить об этой

проклятой тайне. Но я сказал. И вот мы опять смотрим друг на друга.

Что ж, вас можно понять. Если бы мы поменялись местами, если бы я взял в руки книгу и обнаружил, что кто-то ею овладел, я захотел бы узнать все — почему, когда, где и кто.

Где — в Германии, в маленьком городке под названием Майнц. Кто — парень по имени Иоганн Гутенберг. Когда — на этот счет я не совсем уверен, у меня плоховато с датами. Помню, было лето, стояла неприятная духота. Что касается года, то предположу, что это 1439-й, но могу промахнуться на пару лет. Вот они — где, кто и когда. Что еще осталось? Ах да — почему. Конечно. Самое главное. Почему.

Это просто. Мы отправились туда, поскольку Квитун прослышал, что этот Гутенберг создал какую-то новую машину. Он захотел увидеть ее, и мы пошли. Как я уже сказал, у меня всегда было плоховато с датами, но предположу, что к тому времени мы с Квитуном пропутешествовали около сотни лет. Это недолго, по меркам жизни демона. Некоторые из нас почти бессмертны, потому что происходят от слияния Люцифера и Первых Падших. Я, к сожалению, не такой чистой породы. Моя мать всегда гордилась тем, что ее бабка была одной из Первых Падших. Если это правда, то я мог бы прожить пять тысячелетий, если бы не втянулся в месиво слов. Так или иначе, но ни я, ни Квитун не старились. Наши мышцы не болели и не атрофировались, глаза нас не подводили, на слух мы не жаловались. Мы прожили век, наслаждаясь всеми излишествами, доступными в подлунном мире, ни в чем себе не отказывая.

За первые месяцы Квитун научил меня, как избегать неприятностей. Мы путешествовали ночью, на краденых лошадях, меняя их каждые несколько дней. Я не очень-то люблю животных. Не знаю демона, который бы их любил. Наверное, мы боимся того, что их положение слишком близко к нашему, и по прихоти грозного Бога из Книги Бытия и Апокалипсиса, творца и разрушителя, нас тоже могут поставить на четыре конечности, повесить нам на шею хомут и запрячь нас, как лошадей. Постепенно я стал чувствовать некую симпатию к этим животным, которые были чуть больше, чем рабами, но в своей бессловесности не могли протестовать против рабства или хотя бы рассказать свою историю. Историю скотины, которая тянет плуг по неподатливой земле; историю ослепленных птиц, которые поют до изнеможения в маленьких клетках и верят, что услаждают голосом бесконечную ночь; историю нежеланных отпрысков собак или кошек, которых отбирают у матерей и убивают на их глазах, а те не в силах постичь смысл этого ужасного приговора.

К людям жизнь была не менее жестока: они устало тащились за запряженной скотиной, ловили певчих птиц и выкалывали им глаза, вышибали мозги из новорожденных котят и думали лишь о предстоящих трудах, бросая трупы свиньям.

Единственная разница между представителями вашего вида и животными, чьи страдания я видел каждый день на протяжении сотни лет, заключалась в том, что у людей, хотя они были крестьянами и не знали грамоты, имелось очень ясное понятие о рае и аде, о грехах, навеки лишаящих их милости Создателя. Обо всем этом они узнавали по воскресеньям, когда колокольный звон собирал их в церкви. Квитун и я по возможности приходили на службу, прятались в укромном месте и слушали речения местного священника. Если он внушал пастве, что они бессовестные грешники, и рассказывал, какие бесконечные муки ожидают людей за их преступления, мы считали своим долгом тайно понаблюдать за этим священником день-другой. Если ко вторнику он не впадал ни в одно из преступлений, которые клеймил в воскресенье, мы отправлялись дальше. Но если священник предавался обжорству за закрытыми дверями и пил вино, какое его пастве не достанется вовек, если он совращал детей на исповеди и запугивал обесчещенных девочек или мальчиков вечным проклятием и геенной огненной, то мы считали своим долгом избавить его от дальнейшего лицемерия.

Убивали ли мы таких священников? Иногда, но мы так диковинно запутывали обстоятельства убийства, что ни один из прихожан не мог быть обвинен в этом преступлении. Наше умение мучить и отправлять на тот свет священников за десятилетия поднялось на высочайший уровень и приблизилось к гениальности.

Помню, мы прибили одного особенно развратного и зажавшегося святого отца к потолку его церкви — так высоко, что никто не мог понять, каким образом это сделано. Другого, удовлетворявшего свой извращенный голод за счет крошечных детей, мы разрезали на сто три части. Квитун справился с этим делом — его жертва оставалась живой (и молила о смерти), пока он не отделил от нее семьдесят девятый кусок.

Квитун хорошо знал мир. Не только человечество и его деяния, но и вещи иного рода, без явной связи между ними. Он разбирался в пряностях, парламентах, саламандрах, колыбельных, проклятиях, ораторском искусстве и болезнях; в загадках, цепях и вменяемости; в способах изготовления леденцов, в любви и вдовах; в сказках, которые рассказывают детям, в сказках, которые рассказывают родителям, и в сказках, которые человек рассказывает самому себе, когда все, что он знал прежде, теряет смысл. Кажется, не было такой темы, в которой Квитун был бы несведущ. А если он все-таки оказывался несведущим, то лгал так непринужденно, что я верил каждому слову, как Писанию.

Больше всего он любил руины, разоренные места, опустошенные войнами и забвением. Со временем я стал разделять его вкусы. Для нас такие места очень подходили, поскольку ваша братия избегала руин, веруя, что их населяют злые духи. Порой суеверия недалеко от истины.

То, что привлекало нас в разоренных местах, подчас влекло и других ночных бродяг, которых не пустили бы на порог христианского дома. Там собирались шайки злодеев и кровопийц. Мы без труда прогоняли их, очищая для себя облюбованное место.

Странно об этом говорить, но когда я вспоминаю ту нашу жизнь в разоренных домах, она напоминает мне семейную жизнь. Наша дружба длиной в век и стала неосвященным браком на середине отпущенного ей срока

* * *

Другого счастья я не знал

* * *

Когда я говорил о кратких и тяжких годах тех, кто пахал поля и ослеплял певчих птиц, мне казалось, что жизнь — любая жизнь — не так уж отличается от книги. Например, у нее тоже есть пустые страницы в начале и в конце.

В начале их не много. Через какое-то время появляются слова «В начале было Слово», — например. Хотя бы в этом мы согласны с Писанием.

Короткую историю моей длинной жизни я начал с мольбы о пламени и скором конце. Но я просил слишком многого. Теперь я это понимаю. Не стоило надеяться, что вы выполните мою просьбу. Зачем вам уничтожать то, чего вы еще не видели?

Вам нужно попробовать на вкус кислую мочу, прежде чем разбить горшок. Вам нужно увидеть язвы на теле женщины, прежде чем прогнать ее из вашей постели. Теперь я это понимаю.

Но всепожирающее пламя не может гореть вечно. Я расскажу вам еще одну историю, чтобы заслужить этот огонь. Она не похожа, поверьте мне, на предшествующие рассказы. Мое последнее откровение — ни от кого больше вы такого не услышите. Единственная, уникальная история закончит эту книгу. И я расскажу вам — если будете хорошо себя вести — о природе великой тайны, о которой я говорил ранее.

Итак, однажды — точную дату я, как уже сказано, позабыл — Квитун сообщил мне:

— Мы должны отправиться в Майнц.

Я никогда не слышал про Майнц, а в тот момент вообще не горел желанием куда-либо идти. Я отмокал в ванне, наполненной кровью младенцев. На ее наполнение я потратил немало времени, поскольку ванна была немаленькая, а младенцев нелегко добыть (и сохранить живыми, чтобы ванна была горячей) в необходимом количестве. Мне

понадобилось полдня, чтобы найти тридцать одного младенца, и еще час или более, чтобы перерезать их питающие глотки и сцедить кровь. Справившись с этим делом, я наконец уселся в смягчающую влагу, вдыхая медово-медный аромат младенческой крови, и тут появился Квитун.

Он отшвырнул ногой останки тех, кто стал источником моего удовольствия, подошел ко мне и велел одеваться. Мы отправляемся в Майнц.

— К чему такая срочность? — возразил я. — Этот дом подходит нам как нельзя лучше — в лесу, далеко от людских глаз. Когда нам в последний раз удавалось прожить столько времени на одном месте, чтобы нас не потревожили?

— Так ты представляешь себе жизнь, Джакабок? — (Он называл меня Джакабоком, только когда напрашивался на спор; в приливе теплых чувств он звал меня мистером Б.) — Сидеть на месте, где никто не тревожит?

— А что в этом ужасного?

— Демонация стыдилась бы тебя.

— Мне дела нет до демонации! Мне есть дело только... — Я посмотрел на него, зная, что он может закончить эту фразу сам. — Мне нравится это место. Здесь тихо. Я подумывал, не купить ли козу.

— Зачем?

— Будет молоко. Сыр. С ней веселее.

Он поднялся и пошел назад к двери, пиная перед собой обескровленные трупы.

— Твоя коза подождет.

— Потому что тебе вдруг понадобилось тащиться в какой-то Майнц и смотреть, как очередной урод изобретет очередную уродскую машину?

— Нет. Потому что один из этих обескровленных недоносков под моими ногами — внук лорда Людвига фон Берга, который собрал небольшую армию мамаш, потерявших своих детей, плюс сотню мужчин и семерых священников. И они сейчас идут прямо сюда.

— Откуда они знают, что мы здесь?

— Один из твоих мешков дырявый. Ты оставлял след из плачущих детей на всем пути от города до леса.

Проклиная свою неудачливость, я вылез из ванны.

— Итак, козы не будет, — произнес я. — Может, в следующий раз?

— Смой кровь.

— Это необходимо?

— Да, мистер Б., — ответил он, снисходительно улыбаясь. — Необходимо. Я не хочу, чтобы по нашему следу пустили собак, потому что от нас разит...

— Мертвыми младенцами.

— Так мы пойдем в Майнц или нет? — спросил Квитун.

— Если ты хочешь пойти.

— Хочу.

— Почему?

— Там есть машина, которую мне нужно увидеть. Если она может делать то, о чем говорят, то она изменит мир.

— Правда?

— Правда.

— Ну, говори скорей, — попросил я. — Что за машина?

Квитун лишь улыбнулся.

— Мойся скорее, мистер Б., — сказал он. — Нас ждут новые места и новые зрелища.

— Что-то вроде конца света?

Квитун оглядел груды невинных детей вокруг ванны.

— Я говорю об изменении, не о конце.

— Каждое изменение — это конец, — сказал я.

— Вы только послушайте его. Голый философ.

— Ты насмехаешься надо мной, мистер К.?

— А тебя это обижает, мистер Б.?

— Только если ты хочешь меня обидеть.

Он оторвал взгляд от мертвых детей. Золотые искорки в его глазах сияли, как солнце, высветляя темные зрачки. Все было золотым — в его глазах и в его мире.

— Обидеть тебя? — повторил он. — Никогда. Я готов мучить кого угодно — хоть Папу, хоть святых, хоть мессию, пока мозг не взорвется. Но тебя — никогда, мистер Б., никогда.

* * *

Мы вышли из дома через заднюю дверь, когда фон Бергов легион солдат, священников и одержимых мщением мамаш входил в парадную. Если бы я не изучил чащу леса во время долгих блужданий по ней, наивно мечтая об идиллической жизни с Квитуном и козой, нас бы непременно поймали и изрезали на куски. Но я знал лабиринт лесных троп даже лучше, чем сам предполагал, и вскоре мы оторвались от легиона фон Берга на безопасное расстояние. Мы немного замедлили шаг, но не остановились, пока последний крик преследователей не замер вдали.

Мы немного передохнули, не говоря ни слова. Я слушал голоса птиц, чьи мелодии сейчас были более замысловатыми, чем простые ясные ноты, выпеваемые в залитых солнцем рощицах у опушки леса. Тьма изменяет все. Квитун, видимо, думал о Майнце. Позже, когда мы вышли из леса с другой стороны, за тридцать миль от того места, где вошли в чащу, он высмотрел троих охотников на лошадях и сразу предложил поохотиться на охотников, забрать их одежду, оружие, хлеб и вино, а также лошадей.

Мы сделали это и уселись среди голых мертвецов поесть и выпить.

— Наверное, надо их похоронить, — предложил я.

Я знал, Квитун не захочет тратить время попусту на рытье могил. Но я не ожидал того, что пришло ему в голову. Впечатляющая идея, я признаю. Мы протащили мертвецов метров на пятнадцать в глубь леса, где росли высокие деревья с плотным пологом листвы, после чего, к моему изумлению, Квитун подхватил один из трупов на руки, присел на корточки, потом внезапно подскочил и подбросил тело кверху с такой силой, что оно пролетело сквозь густую крону. Труп пропал из виду, но я слышал, что он продолжал лететь вверх еще несколько секунд, пока не застрял на какой-то высокой ветке. Птицы побольше и поголоднее тех, что пели внизу, быстро склюют его плоть.

Квитун проделал то же самое с двумя другими телами, выбрав для каждого свое место. Он слегка запыхался, но был явно доволен собой.

— Когда их найдут, будут долго искать причину смерти, — сказал он. — Что означает это выражение лица, мистер В.?

— Просто я изумлен, — ответил я. — Мы уже сто лет вместе, а ты все время выдумываешь новые фокусы.

Квитун не скрыл своего удовлетворения и самодовольно улыбнулся.

— Что бы ты без меня делал, — произнес он.

— Умер бы.

— От голода?

— Нет. От жажды твоего общества.

— Если бы ты не был знаком со мной, у тебя не было бы причин оплакивать мое отсутствие.

— Но мы встретились, и теперь причина есть, — сказал я, отворачиваясь.

Мои и без того обгоревшие щеки вспыхнули от таких вопросов, и я пошел обратно к лошадям.

* * *

Мы забрали всех троих лошадей, что позволяло каждой отдыхать от всадника в пути и ускоряло наш путь. Был конец июля, и мы путешествовали ночью не только из осторожности, но и ради того, чтобы делать остановки в потаенных местах днем, когда недвижимый воздух становился неистово жарким.

Оттого что наше путешествие ограничивалось короткими летними ночами, у Квитуна портилось настроение, и я согласился ехать и днем и ночью, чтобы скорее добраться до Майнца. Лошади вскоре выбились из сил, и одна буквально пала подо мной. Мы оставили двоих живых рядом с мертвой (к трупу они не проявили ни малейшего интереса) и, взяв оружие и то немного, что осталось от украденной вчера еды, побрели дальше пешком.

Лошадь пала сразу после рассвета. Пока мы шли, жар восходящего солнца, поначалу мягкий, становился все более гнетущим. Пустая дорога, простиравшаяся перед нами, не обещала никакой тени под крышей или деревом. По обочинам тянулись поля недвижных колосьев.

Одежда, взятая у охотников, богатая и подходящая по размеру, душила меня. Я хотел сорвать ее и идти нагишом, как в подземном мире. Впервые после того, как мы с Квитуном покинули пропитанную кровью лесную поляну, я захотел вернуться в Девятый круг, вновь очутиться среди мусорных гор и долин.

— Ты так же себя чувствовал? — спросил Квитун.

Я бросил на него озадаченный взгляд.

— В огне, — пояснил он, — где ты получил свои шрамы.

Я покачал головой, в которой словно стучал молот.

— Глупо, — пробормотал я.

— Что?

В его голосе звучала угроза. Мы с ним бесконечно спорили, зачастую неистово, но наши перепалки никогда не доходили до насилия. Я слишком преклонялся перед ним, чтобы дойти до этого. Целое столетие мы воровали, убивали, путешествовали, ели и спали вместе, но этот век не изменил моей горькой уверенности в том, что если звезды расположатся нужным образом, Квитун без колебаний убьет меня. Сегодня в небе была всего одна звезда, но как же она пылала! Она была подобна сияющему немигающему глазу, поджаривавшему ярость в котелках наших мозгов, пока мы шли по пустой дороге.

Если бы я не чувствовал на себе огненного взгляда, если бы в этом взгляде не было осуждения, я бы унял свой гнев и извинился перед Квитуном. Но не сегодня. Сегодня я ответил честно.

— Я сказал «глупо».

— Ты говоришь обо мне?

— А как ты думаешь? Глупый вопрос, глупая голова.

— Кажется, ты сошел с ума от перегрева, Ботч.

Мы уже стояли лицом друг к другу на расстоянии вытянутой руки.

— Я не безумец, — сказал я.

— Тогда зачем ты поступаешь как идиот, называя меня глупым? — Его голос понизился до шепота — Или ты так устал от пыли и жары, что хочешь разом избавиться от всех невзгод. Да, Ботч? Ты устал от жизни?

— Нет. Только от тебя, — сказал я. — От тебя и твоих вечных скучных разговоров о машинах. Машины, машины! Кому интересно, что изобретают люди? Мне — нет!

— Даже если машина изменит мир?

Я засмеялся.

— Ничто не изменит это, — сказал я. — Звезды. Солнце. Дороги. Поля. И многое, многое другое. Мир без конца.

Мы пристально посмотрели друг другу в глаза, но мне больше не нужно было ловить его взгляд, даже во всем его золотом сиянии. Я повернулся назад, туда, откуда мы пришли, хотя дорога в ту сторону тоже была пуста и неприветлива. Мне было все равно. Мне совершенно не хотелось идти в Майнц и смотреть на то, что Квитун считал таким

интересным.

— Куда ты идешь? — спросил он.

— Куда угодно. Главное — подальше от тебя.

— Ты умрешь.

— Нет, не умру. Я жил до того, как узнал тебя, проживу и дальше, когда тебя забуду.

— Нет, Ботч. Ты умрешь.

Я был от него в шести или семи шагах, когда внезапно почувствовал страх и осознал, что значат его слова. Я уронил мешок с едой и, даже не поглядев на Квитуна, чтобы подтвердить свои страхи, бросился к единственному укрытию — к зарослям пшеницы. За спиной я услышал звук, похожий на щелканье бича, и почувствовал волну жара, догнавшую меня. Она была достаточно сильна, чтобы подтолкнуть меня вперед. Мои ноги, закованные в эти чертовы модные сапоги, запнулись друг о друга, и я упал в мелкую канаву между дорогой и полем. В этом было мое спасение. Если бы я остался стоять, меня бы снесло волной жара, которую Квитун изрыгнул в моем направлении.

Жар миновал меня и дошел до колосьев. Они почернели в один миг, а после расцвели огнем, роскошным оранжевым пламенем, поднимавшимся на фоне безупречно синего неба. Если бы у огня было больше добычи, чем пожухлые стебли, я бы сгорел дотла в той самой канаве. Но огонь пожрал их за половину удара сердца, и пламя в поисках пищи побежало по краям поля в обе стороны. Завеса дыма поднялась от почерневшего жнивья, и под ее прикрытием я пополз по канаве.

— Я думал, что ты демон, Ботч, — сказал Квитун. — Посмотри на себя. Ты всего лишь червь.

Я замер, оглянулся и сквозь разрыв в пелене дыма увидел, что Квитун стоит в канаве и наблюдает за мной. На его лице застыла гримаса отвращения. Я видел такое выражение его лица, но нечасто. Он приберегал его для самой низкой и безнадежной мрази, которую мы встречали на пути. Теперь и я был причислен к ней, и этот факт жалил больнее, чем то, что он мог убить меня взглядом, а я не успею напоследок вздохнуть.

— Червь! — призвал он меня. — Готовься сгореть.

В следующий миг должен был вырваться убивающий огонь, но две случайности спасли меня. Во-первых, со стороны поля раздались крики — скорей всего, хозяева бежали сюда в надежде затушить пламя. Во-вторых, совсем неожиданно внезапно сгустившийся дым от горевших колосьев полностью закрыл просвет, в который Квитун смотрел на меня.

Я не стал дожидаться второго шанса. Выбрался из канавы под покровом сгущавшегося дыма и побежал по дороге, чтобы уйти от Майнца как можно дальше и как можно быстрее. Я не оглядывался, пока меня и Квитуна не разделило полмили, на каждом шагу опасаясь его преследования.

Но нет. Когда я наконец дал отдохнуть своим разрывающимся легким и остановился, чтобы посмотреть назад на дорогу, Квитуна и след пропал. Только клякса дыма скрывала место нашего безрадостного прощания. Насколько я мог видеть, крестьянам не удавалось справиться с пламенем Квитуна уничтожавшим иссушенный урожай. Пламя перекинулось через дорогу и пожирало колосья на другой стороне.

Я побежал, дальше, уже в более спокойном темпе. Задержался лишь для того, чтобы снять эти пыточные сапоги, после чего швырнул их в канаву и позволил своим демоническим ногам вольготно понежиться на воздухе. Сначала казалось странным идти по дороге вот так, босиком, после многих лет стреноженного ковыляния в обуви. Но самые большие удовольствия всегда просты. Даже проще, чем ходить босиком.

Когда расстояние между мной и Квитуном увеличилось еще на четверть мили, я снова остановился и оглянулся. Поля по обе стороны дороги неистово пылали, ничто не сдерживало огонь, и с обеих сторон валили столбы черного дыма. Однако дорога не была задымленной — ее освещали снопы солнечного света, пробивавшиеся сквозь дым. В одном из снопов стоял Квитун, глядя прямо на меня. Ноги его были широко расставлены, руки сложены за спиной. Он откинул капюшон, обычно скрывавший его демонические черты, и

сила моего inferнального взгляда, а также яркое солнце позволяли мне рассмотреть выражение его лица, несмотря на приличное расстояние. Точнее, отсутствие всякого выражения. В его взгляде больше не было ненависти или неодобрения, и я заметил — или хотел бы заметить — тень озадаченности, как будто он не понимал, почему после стольких лет, прожитых вместе, мы расстались так быстро и так нелепо.

Тут сноп света погас, и Квитун пропал из виду.

* * *

Возможно, будь я посмелее, я бы тут же вернулся. Я бы бросился к нему, призывая по имени, рискуя получить новый огненный заряд или прощение.

Слишком поздно! Солнце скрылось, и дым заволок все в том направлении, включая Квитуна.

Я стоял посреди дороги добрых полчаса, надеясь, что он появится из дымной тучи и пойдет прямо ко мне, оставив позади все наши вздорные перепалки.

Но нет. К тому времени, когда дым рассеялся, открыв вид на дорогу до самого ускользающего горизонта, Квитун ушел. То ли он ускорил шаг и быстро вышел из поля моего зрения, то ли предпочел добраться до Майнца извилистыми полевыми тропами, но он исчез, поставив меня перед горчайшей дилеммой. Если я побегу туда, куда собрался бежать, я вернусь в мир, где за сотню лет не встретил ни одного сородича-демона, которому мог бы доверять. С другой стороны, если я развернусь и пойду в Майнц в надежде помириться с Квитуном, я поставлю на карту свою жизнь. С рациональной точки зрения мое будущее зависело от того, действительно ли он собирался сжечь меня волной огня или всего лишь хотел напугать в отместку за то, что я назвал его глупым. В пылу ссоры мне показалось, что он решил убить меня, но теперь я отважился думать иначе. Ведь я видел его лицо в солнечном свете, и на этом лице не было ни тени отвращения и гнева.

На самом деле не имело значения, простил он меня или нет. У меня была одна простая причина не выяснять истинные намерения Квитуна. Я просто не мог представить себе жизни на земле без него.

Так был ли у меня выбор? Мы оба вели себя так, будто нам солнце голову напекло: сначала Квитун задал глупый вопрос, потом мне не хватило здравого смысла пропустить это мимо ушей и идти дальше. После первой перепалки события развивались с безумной скоростью и яростью, чему способствовал тот факт, что занявшаяся пламенем пшеница за считанные секунды превратилась в апокалипсическую преисподнюю.

Так или иначе, все уже случилось. А теперь, как я глубине души понимал, предстоит это исправить. Мне нужно пойти за ним и с готовностью принять любые последствия нашего воссоединения.

* * *

Итак, в Майнц.

Но сначала надо разобраться с вопросом, наверняка возникшим у вас по поводу происшествия на дороге. Почему Квитун мог изрыгать огонь или изобразить разорвавшуюся топку, как он сделал сотню лет назад, истребив банду моих преследователей, а я был способен только на урчание в животе?

Все дело в породе. У Квитуна она была, а у меня нет. Он вел свою родословную от Первых Падших, а высшая каста ада от рождения обладает особыми силами, недоступными остальным. Мы не можем овладеть тем, чего не дала нам природа.

Это не зависит ни от желания, ни от старания. На тридцать восьмом (или около того) году нашего совместного путешествия, посреди беседы о растущей как на дрожжах численности человечества и об угрозе, которую оно для нас представляло, Квитун вдруг спросил, не пора ли поучить меня «огненным фокусам», как он это называл.

— Ведь не предскажешь, когда тебе захочется кого-нибудь быстро сжечь.
— Ты говоришь о человечестве?
— Я говорю о любом живом существе, которое встанет у тебя на пути, мистер Б. Человеческом, демоническом, ангельском.
— Ты сказал «ангельском».
— Правда?
— Да. Оговорился?
— Почему?
— Тебе же не приходилось убивать ангелов?
— Троих. Ну, двоих точно, а одного — почти наверняка. Он остался наполовину парализованным.

Он не лгал. К тому времени я уже изучил признаки — опущенные глаза, чуть прижатые красные чешуйки вокруг его шеи, — подтверждавшие, что он не лукавит.

Да, Квитун убил одного, двоих или троих ангелов своим немилосердным огнем. И ничто не воодушевляло меня больше, чем перспектива научиться убивать так, как убивал он. Демонация знает, как он старался! Лет пять он пытался научить меня изрыгать огонь. Но навык не давался мне, и чем настойчивее я заставлял свое тело подчиняться новым командам, тем сильнее оно сопротивлялось. Вместо умения рождать убийственный огонь в лимфе и внутренностях я получил камни в почках и язву. Камни я вывел за день-два ослепляющей боли несколько месяцев спустя. А язва со мной по сей день.

Вот и все обучение «огненным трюкам». Мое генеалогическое древо, со временем решил мой учитель, настолько отдалено от чистокровной породы, что приемы Квитуна неприменимы к моему строению и происхождению. Я до сих пор помню его слова, когда мы наконец пришли к выводу, что понапрасну стараемся передать мне зажигательный талант.

— Ничего, — сказал Квитун. — Тебе ведь и не нужно учинять пожары. У тебя всегда есть я.

— Всегда?
— Я сказал не так?
— Так.
— Или я лгун?
— Нет, — солгал я.
— Значит, ты всегда будешь в безопасности. Если не сумеешь сам зажечь огонь, стоит лишь позвать меня — я встану на твою сторону и испепелю твоих врагов, не спрашивая о причинах размолвки.

* * *

Итак, в Майнц. Найти дорогу было легко: Квитун оставил след из пожарищ, и идти за ним было проще, чем прокладывать путь по карте. Я потерял счет разрушенным деревням и обезлюдевшим селениям. С той же дотошностью он стирал с лица земли одинокие фермы и церкви.

Что до людей, то они либо горами валялись на улицах выжженных деревень, либо — так было на фермах — лежали возле почерневших домов, притянув руки и ноги к телу, как обугленные эмбрионы. В двух церквях он сумел уговорить паству собраться на улице и сжечь всех вместе, так что прихожане легли рядами, протягивая руки к родным и близким — особенно к детям, — пока огонь изничтожал их тела.

Это неистовство опустошило земли, по которым я шел. Если там и остались выжившие, они предпочли бежать, а не хоронить мертвых.

Потом пепелища стали встречаться реже, вдали замелькали фигуры, и я слышал звуки марширующих ног. Я спрятался за обгорелыми руинами каменной стены и смотрел на батальон военных под предводительством командира сидевшего верхом на лошади. Его лицо, невидимое для солдат, выдавало сильную тревогу. Он обозревал задымленное небо и вдыхал,

как и я, вонь поджаренной человечины.

Когда батальон мрачных солдат под командованием встревоженного капитана протопал мимо, я вышел из укрытия и вернулся на дорогу. Впереди виднелся клочок леса, и те, кто прокладывал дорогу, решили не продираться сквозь неподатливые заросли. Дорога шла в обход непринужденными изгибами. Я не видел больше никаких следов фейерверков Квитуна и понял почему, когда обогнул лес. Окраины Майнца находились в сотне метров от меня. Этот городок ничем не отличался от великого множества других городков, которые мы с Квитуном уже повидали. Не было ни единого признака, что здесь задумано нечто способное изменить мир, а тем более что это нечто уже создано. Но о Вифлееме в свое время можно было сказать то же самое.

Я не торопился, а наоборот, замедлил шаг и едва ковылял по улицам, всем своим видом убеждая любого жителя Майнца что мое тело изранено под стать обожженному лицу. У ваших сородичей уродливое и изломанное вызывает суеверный ужас; вы боитесь, что это плачевное состояние заразно. Богобоязненные граждане Майнца не были исключением из общего правила. Они звали детей с улиц, когда я ковылял мимо, и натравливали на меня собак. Правда, я не видел ни одной такой послушной собаки, чтобы она повиновалась приказу и кинулась на меня.

А если кто-то из людей оказывался слишком близко, когда мои своенравные хвосты начинали шевелиться в штанах, у меня был ряд гротескных причуд, чтобы отвести любопытных. Я разевал рот, как безумец, и оттуда капала слюна, а серо-зеленые сопли пузырились в запаршивевших дырах посреди моего лица, где когда-то, много-много пожаров тому назад, был нос.

Ха! Вам противно? Я уловил тень отвращения на вашем лице. Вы пытаетесь это скрыть, но ваш самоуверенный вид меня не обманет — будто вам известны все тайны под луной. Вам не провести меня. Я изучаю вас очень давно. Я чувствую запах вашего дыхания, нажим ваших пальцев, когда вы переворачиваете страницы. Я знаю больше, чем вы когда-либо сможете себе представить, и гораздо больше, чем вы хотели бы мне показать. Могу описать одну за другой все маски, которые вы надеваете, чтобы скрыть от меня то, что я, по-вашему, не должен видеть. Но поверьте, я все равно все вижу. И ложь, и гадкую правду под нею.

Раз уж мы говорим по душам, я должен сообщить вам: это последняя часть истории, больше я вам ничего не расскажу. Почему? Потому что больше мне нечего рассказывать. Дальше история будет в ваших руках, буквально. Вы подарите мне огонь. Последний из многочисленных костров моей жизни. И все закончится, для нас обоих.

Мистер Б. исчезнет.

Но сначала мне нужно поведать о секретах дома Гутенберга — секретах, спрятанных за несколькими крепкими деревянными дверьми. А за другой дверкой, сотканной из света, скрывалась тайна более великая, чем все, что мог изобрести Гутенберг.

* * *

Я надеюсь, вы не подведете меня после того, как я выложу вам всю правду. Понимаете, о чем я? Демон, рожденный в низших кругах, не имеет склонности к великим магическим деяниям, но время, одиночество и гнев дают силу даже самой ничтожной твари. Эта сила накапливается за долгую жизнь, а вместе с ней увеличиваются вред и боль, которые она способна причинить. Адские профессора мучений называли эти пытки «пятью муками»: боль, скорбь, отчаяние, сумасшествие и опустошение.

Прожив века, я накопил достаточно сил, чтобы познакомить вас с любой из пяти мук, если вы пожалеете для меня обещанного огня.

Воздух между этими словами и вашими глазами опасно затрепетал. В начале нашей беседы вы искренне верили, что вам уготовано место в раю и никто из демонации не

доберется до вас, однако теперь вся уверенность улетучилась, забрав с собой и ваши мечты о непорочности.

Я вижу по вашим глазам — у вас не осталось и следа чистой радости. Лучшая пора жизни прожита. Дни, когда божественное прозрение внезапно снисходило на вас, открывая вам справедливость мироздания и ваше собственное место в нем, — те дни уже в прошлом. Они канули во тьму, которую вы сами выбрали, а вместе с вами и я — мелкий демон со шрамами вместо лица и тошнотворным телом, убивавший вашего брата бесчисленное количество раз и готовый убить снова, если представится возможность. Подумайте об этом. Не странно ли, что ваша душа — та самая, знавшая моменты прозрения, облегчавшие унижительную скуку вашей жизни, — ушла в небытие? Когда вы были невинны, вы не стали бы продираться сквозь байки об отцеубийстве, пытках и побоищах. Вы отмахнулись бы от этого, решительно отвергнув такую безнравственность и распутство.

Ваш разум — сточная труба куда стекают грязь, боль и гнев. В ваших глазах, в вашем поту, в вашем дыхании сквозит злоба. Вы так же испорчены, как я, но вы тайно гордитесь этим безграничным запасом злобы.

Не смотрите на меня так, будто не понимаете, о чем я. Вы знаете свои грехи наперечет. Вы знаете свои желания и знаете, на что пойдете ради их утоления. Вы грешник. И если по несчастливому стечению обстоятельств вы умрете раньше, чем сумеете искупить всю причиненную вами боль и выплеснутую ярость, если вы при жизни не расплатитесь за собственное зло, то вам уготовано место в подземном мире, а не пристанище в раю.

Я говорю об этом сейчас, чтобы вы не подумали, будто это игра — закончил играть и забыл. Все происходит всерьез с самого начала и, поверьте мне, до конца.

Я начал мысленный отсчет. Позже объясню вам зачем.

Пока просто знайте, что я считаю, и конец близится. Я говорю не о конце книги, а о КОНЦЕ всего, что вы знаете. Иными словами — о вашем собственном конце. Ведь это и есть все, что мы знаем. Когда замирает ритм танца, мы остаемся одни; все мы, и проклятое человечество, и демоны, без различий. Объекты наших желаний давно отошли в иные миры. Мы один на один с пустыней, где бушует ветер и звонит мощный колокол, призывая на Страшный суд.

Ну, хватит бреда. Вы хотите знать, что случилось дальше? Конечно, конечно. Расскажу с удовольствием.

Я еще не говорил вам, что Майнц, где жил Гутенберг, был построен на берегу реки. Город располагался по обоим берегам, соединенным деревянным мостом, на вид довольно хлипким. Если бы река разбушевалась, течение смыло бы мост.

Я не пошел через мост сразу, хотя после быстрого осмотра понял, что большая часть города находится на другом берегу. Сначала я обежал улочки и аллеи по эту сторону реки, стараясь остаться в тени и держать ухо востро. Я услышал обрывки слухов, бессвязное испуганное бормотание — явные признаки того, что Квитун здесь уже потрудился. Я искал кого-нибудь, кто был в курсе событий, чтобы выследить его на тихой улочке, прижать к стенке и выпытать все подробности. Люди быстро выкладывали свои секреты, если я обещал оставить их в покое после исповеди.

Но поиски не увенчались успехом. Я подслушал кое-какие сплетни, но это были обычные злобно-тоскливые пересуды, составляющие суть жизни кумушек везде и всюду: толки об изменах, жестокости и болезнях. Я не услышал ничего, что намекало бы на меняющее мир открытие, сделанное в этом убогом городишке.

Я решил перейти через реку, задержавшись на пути к мосту только затем, чтобы взять пирожков с мясом у пирожника и пива у местного лоточника. Пиво оказалось скверным, а пироги мне понравились, мясо в них — собачье или крысиное, мне показалось — было не пресное, а сочное и вкусное. Я пошел обратно к лоточнику и сказал ему, что пиво омерзительно и мне очень хочется убить торговца за то, что он позволил мне взять такую дрянь. Торговец пришел в ужас и отдал мне все свои деньги, которых хватило, чтобы купить еще три пирога с мясом у пирожника, явно озадаченного тем, что разбойник и грабитель

вернулся к нему как законопослушный покупатель да еще заплатил за отнятый пирог.

Он был рад получить деньги, но как только я с ним расплатился, велел мне идти своей дорогой.

— Может, ты и честный, — сказал, он, — но от тебя разит чем-то скверным.

— Насколько это скверное скверно? — спросил я, набив рот мясом и тестом.

— Ты не обидишься?

— Клянусь.

— Ладно, скажу так: у меня достаточно всякого в пирогах, от чего моих покупателей вывернуло бы наизнанку, узнай они об этом. Но если бы ты был последним куском мяса в христианском мире и без тебя моему делу настал бы конец, я бы лучше подался в мусорщики, чем попытался бы сделать что-то вкусное из тебя.

— Интересно, я должен обидеться? — спросил я. — Потому что если да, то...

— Ты обещал, что не станешь, — напомнил пирожник.

— Правда, правда — Я откусил еще пирога и произнес: — Гутенберг.

— Что с ними?

— С ними?

— Это большая семья. Я мало что о них знаю, только обрывки сплетен от жены. Она говорила что старше Гутенберг при смерти, если ты за этим пришел.

Я бросил на него озадаченный взгляд, хотя был менее озадачен, чем делал вид.

— Почему ты решил, что я пришел в Майнц к умирающему?

— Ну, я просто предположил, поскольку раз ты демон, а у старика Гутенберга та еще репутация... Не поручусь, что это правда, просто повторяю то, о чем твердит Марта, моя жена, а она говорит, что он...

— погоди, — прервал его я. — Ты сказал «демон».

— Не думаю, что старик Гутенберг демон.

— Господь всемогущий! Нет. Я не утверждаю, что кто-либо из клана Гутенбергов — демон. Это я демон.

— Знаю.

— Вот и я к тому. Откуда ты знаешь?

— А, все из-за твоего хвоста.

Я обернулся за спину, чтобы посмотреть на то, что видел он. Пирожник был прав. Один из моих хвостов выбился из штанины.

Я приказал хвосту вернуться в укрытие, и он насмешливо удалился. Тем временем дурень пирожник искренне веселился над тем, какой у меня послушный хвост.

— Разве ты совсем не боишься того, что увидел?

— Нет, не боюсь. Марта, моя жена, говорила, что на прошлой неделе видела в городе много небесных и адовых существ.

— А с головой у нее все в порядке?

— Она вышла за меня замуж, так что сам посуди.

— Значит, не все, — решил я.

Пирожник выглядел озадаченным.

— Ты что, оскорбил меня? — спросил он.

— Цыц, я думаю! — шикнул я на него.

— Тогда можно мне идти?

— Нет, нельзя. Сначала отведешь меня к дому Гутенбергов.

— Но я весь в грязи и в крошках пирогов.

— Значит, будет что рассказать детям, — отрезал я. — Как ты вел через весь город самого ангела смерти — господина Джакабока Ботча, или мистера Б.

— Нет, нет, нет. Умоляю вас, мистер Б., мне неостанет сил. Меня это доконает. Мои дети осиротеют. Моя жена, моя бедная жена..

— Марта.

— Я знаю, как ее зовут!

- Она овдовеет.
- Понятно. Значит, у меня нет выбора.
- Ни малейшего.

Тогда он пожал плечами и повел меня по улицам. Я шагал вслед за пирожником, положив руку ему на плечо, как слепой.

— Расскажи мне кое-что, — сказал пирожник как бы между прочим. — Настал тот самый конец света, о котором нам читает священник? Из Откровения?

- О демонация! Нет!
- Откуда тогда взялись существа небесные и адовы?
- Если подумать, это оттого, что сделано очень важное открытие. Оно изменит мир навсегда.
- Как?
- Я не знаю. Чем занимается этот Гутенберг?
- Он золотых дел мастер, мне кажется.

* * *

Хорошо, что он меня проводил, но лучше было бы обойтись без разговоров. Все улицы городка были похожи одна на другую — грязь, народ, черно-серые дома, подчас более убогие, чем развалины, в которых мы с Квитуном ночевали во время странствий.

Квитун! Квитун! Почему я все время помнил о нем и о том, что его нет рядом? Вместо того чтобы освободиться от этой одержимости, я превратил ее в игру, перечисляя пирожнику самые примечательные кушанья, какие мы с Квитуном попробовали в пути: акула, сом, рыба-пузырь, кроваво-картофельный суп, суп из святой воды с вафлями, крапивно-игольный суп, тюрю из мертвеца, приправленная прахом сожженного епископа, и так далее. Память подбрасывала мне новые воспоминания, больше, чем я ожидал.

Я наслаждался воспоминаниями и с радостью поделился бы и другими незабываемыми сценами, если бы меня не прервал нарастающий страдальческий вой, донесшийся с улиц. Он сопровождался ни с чем не сравнимым запахом горячей человеческой плоти.

Мгновение спустя источники шума и тошнотворного запаха появились перед нами: мужчина и женщина, над чьими пышными прическами пламя поднималось почти на метр, с энтузиазмом пожирая их волосы, спины, ягодицы и ноги. Я отступил, но пирожник стоял посреди дороги и пялился на них, пока я не потянул его за руку и не отодвинул в сторону.

Я посмотрел на него и понял, что он уставился на узкую полоску небес между карнизами крыш по обеим сторонам улицы. Я проследил за его взглядом и увидел, что там двигались какие-то фигуры, сияющие даже на фоне яркой голубизны летнего неба. Это были не облака, хотя по чистоте и непредсказуемости они не уступали облакам и стайкой бесформенных очертаний плыли в одном направлении с нами.

— Ангелы, — сказал пирожник.

Я был искренне изумлен тем, что он знает о таких вещах.

— Ты уверен?

— Конечно уверен, — ответил он, и в его голосе послышалось легкое раздражение. — Гляди. Сейчас они проделают то, что всегда делают.

Я поглядел. И увидел, к своему изумлению, что все бесформенные массы сошлись в одну точку, превратились в единую сияющую фигуру и стали вращаться против часовой стрелки по спирали. Центр фигуры разгорался все ярче, а потом взорвался, выплевывая пятна света, как лопнувший стручок. Горошины опустились, вращаясь, вниз на крыши домов и растаяли без следа, как снег ранней весной.

— Должно быть, происходит что-то очень важное, — сказал я себе. — Квитун был прав.

— Уже недалеко, — сообщил пирожник. — Можно, я отсюда покажу вам, куда идти?

— Нет. Доведи меня до самой двери.

Без лишних слов мы двинулись дальше. Вокруг было много народу, но я больше не добавлял к своему обычному облику гротескные штрихи, такие как вывалившийся язык и сопли, бегущие из ноздрей. Не было нужды. Передо мной шел измазанный навозом пирожник, и мы вместе представляли собой достаточно отвратительную пару, чтобы горожане держались от нас подальше и отводили взгляд, когда проходили мимо.

Люди чувствовали смутное беспокойство, и вовсе не из-за нашего вида. Даже те, кто еще не заметил нас, опускали глаза и смотрели себе под ноги. Казалось, все знали, что ангелы и демоны посетили здешние улицы, и спешили по делам, не желая замечать солдат этих двух армий.

Мы свернули за угол, потом еще раз, и после каждого поворота прохожих становилось все меньше. Наконец мы вышли на улицу, где было полно мелких лавок и мастерских: заведение сапожника, лавка мясника, торговля мануфактурой. Все было закрыто, кроме лавки мясника, что оказалось кстати, потому что мой желудок требовал съестного. Пирожник пошел со мной, но вряд ли его интересовал ассортимент лавки мясника. Он как будто боялся остаться в одиночестве на этой зловеще пустынной улице.

В лавке было не убрано, опилки на полу впитывали кровь, а в воздухе роились мухи.

И тут из-за прилавка послышался сдавленный от боли голос.

— Берите что угодно... — хрипло сказал этот голос — Мне все это... уже... не нужно.

Мы с пирожником заглянули за прилавок. Мясник лежал на опилках по другую сторону прилавка, все его тело было сплошь исколото и изрезано. Вокруг него разлилась широкая лужа крови. Смерть смотрела на нас из его маленьких голубых глазок.

— Кто это сделал? — спросил я.

— Один из ваших, — ответил пирожник. — Видишь, как его мучили.

— Не стоит судить скоропалительно, — парировал я. — У ангелов прескверный характер. Особенно в приступе праведности.

— Оба... ошибаетесь... — выговорил умирающий.

Пирожник обошел прилавок и подобрал два ножа, валявшиеся возле тела мясника.

— От них, нету толка, — сказал мясник. — Я думал, одного хорошего удара в сердце хватит. Но нет. Я истекал кровью, но не умирал, поэтому исколот себя всего. С женой, надо сказать, было проще. Пырнул хорошенько...

— Вы убили вашу жену? — спросил я.

— Она вон там — Пирожник кивнул на дверь, ведущую в глубь помещения. Он подошел туда и, застыв на пороге, присмотрелся. — Он вырезал ей сердце.

— Я не хотел, — сказал мясник. — Я хотел, чтобы она умерла и ее охраняли ангелы. Но я не хотел рубить ее на куски, как свиную тушу.

— Почему же вы это сделали? — спросил его пирожник.

— Так захотел демон. У меня не было выбора.

— Здесь был демон? — сказал я. — Как его звали?

— Ее звали Мариаморта. Она приходила сюда, потому что настал конец света.

— Сегодня?

— Да. Сегодня.

— Ты не сказал об этом, — обратился ко мне пирожник. — Если бы я знал, я бы пошел к своей семье.

— Если самоубийца-мясник утверждает, что наступил конец света это не означает, что мы должны ему верить.

— Но мы верим, поскольку это правда, — произнес кто-то у двери.

Это был Квитун. Какой-то знатный человек лежал сейчас где-то мертвый и раздетый, потому что Квитун нарядился в богатый костюм алого, золотого и черного цвета, явно с чужого плеча. Его облик стал еще более впечатляющим оттого, что длинные черные волосы были уложены в тугие блестящие локоны, а усы и борода подстрижены.

Его новый облик выбил меня из колеи. Он снился мне несколько ночей назад как раз таким, до последней черточки, до мельчайшего камушка на ножнах кинжала. Во сне у него

была причина так разодеться, но сейчас мне отвратительно говорить об этом. Мне стыдно. Но почему бы нет? Мы зашли так далеко, вы и я, и я скажу правду. Он так разоделся в моем сне, потому что мы собирались пожениться. Какие лакомые сны создает наш разум! Это бессмысленный вздор, конечно. Но он волновал меня, даже когда я проснулся.

Теперь я обнаружил, что сон был вещим. Квитун из плоти и крови стоял в дверях, одетый точь-в-точь как тогда, перед заключением нашего союза. Было лишь одно отличие — он совершенно не интересовался женитьбой. У него были апокалипсические замыслы.

— Разве я не говорил тебе, мистер Б.? — злорадно спросил он. — Разве я не говорил тебе, что в Майнце происходят события, приближающие конец света?

— Видите? — простонал мясник у моих ног.

— Стихия, — приказал я ему.

Он поймал меня на слове и умер. Я был рад. Мне не нравилось, когда рядом со мной кто-то страдал от боли, а теперь все кончилось. Больше не нужно о нем думать.

— Кто твой новый друг? — лениво спросил Квитун.

— Он просто продавал пироги. Не надо его обижать.

— Нынче конец света, каким мы его знаем, мистер Б. Разве имеет значение, умрет пирожник или нет?

— Нет. Тем более если он останется жить.

Квитун улыбнулся своей свирепой сияющей улыбкой и пожал плечами.

— Ты прав. Не имеет значения.

Он отвел злобный взгляд от пирожника и обратился ко мне.

— Что заставило тебя пойти за мной? — поинтересовался он. — Я думал, мы расстались на дороге и все между нами кончено.

— И я так думал.

— Что же произошло?

— Я ошибся.

— Когда?

— Когда решил идти дальше без тебя. В этом... нет... никакого смысла.

— Я тронут.

— А по твоему тону не скажешь.

— Я разочаровал тебя. Бедный Джакабок. Ты уповал на великий миг воссоединения? Может, ты надеялся, что мы бросимся, рыдая, в объятия друг друга? И я скажу тебе все нежные слова, которые говорю тебе во сне?

— Что ты знаешь про мои сны?

— О, гораздо больше, чем ты предполагаешь.

«Он был в моих снах, — подумал я. — Он прочел книгу моих ночных дум».

Он даже вписывал туда себя, если это его забавляло. Может быть, это подстроил он сам — нашу странную свадьбу во сне. Может быть, это не мое естественное желание, а его.

В этой догадке заключалось странное успокоение. Если наша идиллическая свадьба придумана Квитуном, то я, возможно, надежнее защищен от его гнева, чем мне представлялось. Только влюбленный может вместить в себя ту радость, которая мне приснилась: деревья, окаймлявшие аллею к алтарю, пышно цвели, ветер колыбал благоухающие ветви, и в воздухе, подобно однокрылым бабочкам, кружился вихрь осыпающихся лепестков.

Надо напомнить Квитуну об этом видении, когда мы останемся вдвоем. Как бы он ни сопротивлялся, я вытащу его из убежища, где он маскируется и прячется; из того места, где он старался обрести власть надо мной.

Но пока у меня имелось другое неотложное дело: отвлечь моего недавнего приятеля от намерения испепелить меня прямо здесь и сейчас. Я не мог забыть, как он глядел на меня, лежавшего в грязной канаве. На его губах не было и тени улыбки, только четыре холодных слова.

— Червь, — сказал он, — приготовься к сожжению.

Не об этом ли он сейчас думал? Не разгоралось ли в его внутренней топке убийственное пламя, готовое извергнуться, как только Квитун решит, что время пришло?

— Ты, кажется, нервничаешь, мистер Б.

— Не нервничаю, просто удивлен.

— Что тебя удивляет?

— Ты. Здесь. Я не ожидал увидеть тебя так скоро.

— Тогда я опять спрошу тебя, зачем ты пошел за мной?

— Я не шел.

— Ты лжец. Закоренелый лжец. Ужасный лжец — Квитун покачал головой. — Похоже, ты безнадежен. Ничему не научился за годы? Если не можешь нормально соврать, говори правду. — Он кивнул на пирожника — Или ты пытаешься сохранить достоинство ради этого недоумка?

— Он не недоумок. Он печет пироги.

— Ах да — Квитун засмеялся, искренне развеселившись. — Если он печет пироги, тебе точно не стоит раскрывать ему свои секреты.

— У него вкусные пироги, — сказал я.

— Наверное, раз он все распродал. Пора напечь новых.

В этот момент пирожник заговорил и, на беду, привлёк к себе взгляд Квитуна.

— Я испеку пирогов для вас, — сказал он. — Я могу напечь пирогов с мясом, но все любят мои сладкие пироги. Особенно тот, что с медом и абрикосами.

— Но как же ты их печешь? — спросил Квитун.

Я знал этот певучий насмешливо-восхищенный тон, он был дурным признаком.

— Оставь его в покое, — попросил я Квитуна.

— Нет, — возразил он, не отводя глаз от человека. — Вряд ли я оставлю его в покое. Даже точно не оставлю. Ты говорил, — обратился он к пирожнику, — про свои пироги.

— Про сладкие пироги, они мне больше удаются.

— А прямо здесь ты их испечь не можешь?

Пирожник растерялся — ответ на вопрос казался очевидным. Я молча желал, чтобы оторопь сковала ему язык и смертельная игра, затеянная Квитуном, закончилась бескровно.

Но нет. Квитун начал игру и не успокоится, пока сам не захочет ее прекратить.

— Я имею в виду, можно ли печь холодные пироги?

— Боже правый, нет! — засмеялся пирожник. — Мне понадобится печка.

Если бы он на этом остановился, худшего можно было бы избежать. Но он еще не закончил. Ему понадобится печка и...

— И жаркий огонь, — добавил он.

— Огонь, говоришь?

— Квитун, прошу тебя! — взмолился я. — Пусть живет.

— Но ты слышал, чего он хочет, — ответил Квитун. — Из его собственных уст.

Я оставил уговоры. Они были бесцельны, я знал. Странная волна, похожая на легкую дрожь, уже прошла по телу Квитуна.

— Он хотел огня, — сказал он мне. — Да будет огонь.

В тот момент, когда пламя вырвалось из его рта, я вдруг сделал нечто нелепое. Я бросился между пламенем и его жертвой.

Мне уже случалось гореть. Я знал, что даже в такой день, как сегодня, когда вокруг происходит много маленьких апокалипсисов, огонь не причинит мне особого вреда. Но пламя Квитуна обладало собственным разумом, и оно сразу устремилось туда, где могло причинить мне наибольший ущерб, — к тем участкам моего тела, которые не тронул первый костер. Я повернулся спиной, крикнул пирожнику, чтобы он бежал, бежал отсюда, и бросился за прилавок, где лужа крови вокруг мясника увеличилась в три раза. Я кинулся в эту лужу, как в родник чистой воды, и стал в ней кататься. Вонь стояла ужасная, но мне было все равно. Я слышал удовлетворенное шипение собственной обгорелой плоти, затушенной даром

доброго мясника, и через несколько секунд поднялся, дымящийся и окровавленный, из-за прилавка.

Я не успел вступить за пирожника — Квитун настиг его в дверях. Пирожника охватило пламя, голова его запрокинулась назад, рот широко раскрылся, но голос был задушен на корню, потому что он вдохнул пламя. Квитун невозмутимо расхаживал вокруг горящего человека, выхватывая самые яркие языки пламени, позволял им поплясать на ладони, а потом тушил в кулаке. Пока он так развлекался, пирожник пылал, и Квитун задавал ему вопросы, суля в качестве награды за ответ (один кивок — да, два — нет) скорое окончание мучений. Сначала он захотел знать, подгорали ли когда-нибудь у пирожника пироги.

Один кивок.

— Дочерна сгорели?

Еще кивок.

— Но они не мучились. Уверен, именно на это ты надеялся, как добрый христианин.

Снова утвердительный кивок, хотя пламя быстро пожирало способность пирожника управлять собой.

— Но ты и ошибался, — продолжал Квитун. — Все на свете страдает. Все в мире. Так что будь счастлив на этом костре, пирожник, ибо...

Квитун умолк, на его лице отразилось недоумение. Он склонил голову, как будто прислушивался к чему-то сквозь треск огня. Но даже если он уловил не всю мысль, а только общий смысл, он был потрясен.

— Проклятье! — прорычал он, небрежно оттолкнул пылающего человека и пошел к двери.

Но когда он добрался до порога, дверь озарилась ослепительным светом, ярче солнца. Я видел, как Квитун отступил, а потом прикрыл голову руками, как будто защищался от града камней, и выбежал на улицу.

Я не мог пойти за ним. Было слишком поздно. Ангелы входили в эту убогую маленькую лавку, и все мысли о Квитуне вылетели у меня из головы. Небесные духи были со мной не телесно и говорили не такими словами, которые можно записать.

Они двигались, словно поле бесчисленных цветов, где каждый цветок освещали огни тысячи свечей. Их голоса многократно отражались в воздухе, когда они призывали к себе душу пирожника. Я увидела, как тот поднялся, стряхнул черные останки своего тела — его душа хранила облик младенца, мальчика, юноши и мужчины, которыми он был, всех разом — и пошел к ним, светлым и любящим.

Стоит ли говорить, что я не мог пойти с ними? Я был экскрементом там, где вращались лучезарные, и среди них пирожник. Его сияющая душа сразу узнала тот танец смерти, в который он призван. Он был не единственным человеческим существом среди них. Те, кого жена пирожника Марта называла небесными существами, собрали и других, в том числе двух прежних жертв Квитуна, которых я видел в пламени на улице, и мясника с супругой. Они плясали повсюду вокруг меня, равнодушные к законам материального мира, поднимались ввысь сквозь потолок, устремлялись вниз, как ликующие птицы, грациозно проплывали внизу, где в грязи разлагались тела мертвецов.

Даже теперь, по прошествии столетий, я вспоминаю их блаженный свет, их танец, их песню без слов — этот свет, этот танец и эта песнь каким-то утонченным способом неразрывно связаны друг с другом, — и мой желудок корчится от боли, я едва сдерживаю позывы рвоты. В вибрирующем воздухе разливалось горькое красноречие, а в ангельском свете смешались нежность и ярость. Как хирурги с лучами вместо скальпелей, они прорезали дверку из плоти и костей в середине моей груди, чтобы духи проникли внутрь и изучили напластования грехов, накопившихся во мне. Я не был готов к этому тщательному изучению и к приговору по его результатам. Я хотел уйти оттуда — и отовсюду, где они могли бы найти меня. Возможно, я хотел умереть, потому что понял, узнав их голоса и свет, что в мире для меня больше нет безопасного места, только в объятиях забвения.

А потом они сделали нечто худшее, чем просто прикоснулись ко мне своей сущностью. Они удалились и оставили меня одного. Это было самое ужасное. Нет тьмы мрачнее, чем дневной свет, в котором они бросили меня, и нет звука более убийственного для души, чем тишина после их исчезновения.

Я ощутил гнев. Господи! Такого гнева я не чувствовал никогда, да и ни один демон, клянусь, с самого момента Падения не знал ярости, равной той, что обуяла меня после ухода ангелов.

Я осмотрелся. Мой взор, заостренный ангельским сиянием, увидел лавку мясника во всей отвратительной ясности. Мириады крошечных деталей, прежде не привлекавшие моего взгляда, потребовали своей дани уважения, и мне пришлось их изучить. Каждая трещина в стене или на потолке мечтала соблазнить меня своим милым своеобразием. Каждая капля крови мясника, разлитая на полу, просила меня подождать, покуда она не свернется. А мухи! Прожорливые полчища, слетевшиеся на запах смерти, кружили по комнате, преисполненные собственной разновидностью той же ярости, что обуяла меня. Их мозаичные глаза требовали уважительного внимания, с каким они сами меня разглядывали.

Все, что осталось от пирожника, — дымящееся обугленное тело с конечностями, прижатыми к груди силой огня, сократившего мускулы. Его сущность, конечно, отправилась с гостеприимным ангелом смотреть на неземную красоту, коей мне не увидеть, и пребывать в радости, коей мне не испробовать.

Пока я стоял там, полубезумный, меня настигло внезапное озарение, более болезненное, чем любая рана. Я никогда не присоединюсь к ангельскому сословию. Меня никогда не будут обожать и прославлять. А раз так, раз я не могу избежать своей мерзкой уродливой сути, я решил стать самым жутким существом, когда-либо исторгнутым адом. Я буду тем, чем был Квитун, но в тысячу раз страшнее. Я буду разрушителем, мучителем, гласом смерти в чертогах величайших и лучших. Я буду убивать всех, кто воплощает любовь и невинность: младенцев, девственниц, любящих матерей, благочестивых отцов, верных псов, воспевающих новый день птиц. Все они падут предо мною.

Если ангелам сопутствовал свет, то со мной будет его отсутствие. Я буду тем, что воображают, но не видят; голосом, у которого вместо слов — узор теней. Мои руки, те самые, что я протягиваю к вам, будут с радостью творить простые жестокости: выдавливать глаза, щипать ногтями нервы, словно струны, сплющивать сердца между ладонями. Они не дадут мне забыть, кем я был до того, как стал воплощением тьмы.

Я увидел все это не так, как записал, не одно прозрение за другим, но все разом, поэтому был одновременно и тем Джакабоком Ботчем, который вошел в лавку мясника несколько минут назад, и совершенно другим. Я был убийством и предательством; я был обманом, нетерпимостью и добровольным невежеством; я был виной, я был стяжательством, я был местью; я был отчаянием, ненавистью и гниением. Со временем я стану подстрекать людей забивать жертв камнями в разгар дня и линчевать в полночь. Я научу детей выискивать острейшие камни, а юношей — затягивать медленно захлестывающиеся петли. Я усядусь рядом со старухами у очага и, глядя на пламя, умолю их рассказать мне, какие обличья принимал Старик¹ в стародавние времена, чтобы выбрать самую кошмарную личину и вселить ужас в сердца нерожденных.

И когда я наконец стану Богом — когда вечно вращающееся колесо бытия исчерпает все души, превосходящие мою, и наступит мой день обожествления, — я буду знать, как свести вашего брата с ума призраками ужасов, с которыми они не в силах примириться.

Неужели в тот краткий миг, когда тошнотворное воинство ангелов вступило в лавку мясника, отодвинув с порога Квитуна, истребовало душу пирожника и вместе с нею отбыло в неведомые прекрасные выси, я изжил в себе прежнюю жалкую тварь, вялого труса, увязшего в грезах неразделенной любви, и стал вместилищем безграничных мерзостей?

Нет. Конечно нет. Джакабок Ботч, только что появившийся на свет, рос в утробе моего гнева почти век, как дитя, которое я вынашивал вопреки всем законам природы. В этом

¹ Одно из имен дьявола.

убогом месте, под взглядами мух, я позволил отвратительному дитяти убить своего отца, как я убил своего. И он освободился, безжалостный и неумолимый.

Сейчас вы говорите с тем самым существом — кровожадным, испорченным, мстительным, исполненным ненависти зачинщиком кровавых побоищ и семейных убийств; насильником, душителем, вместилищем трупных мух и их личинок, подлецим среди самых подлых. Новое младенчество излечило меня от усталой мудрости возраста. Я никогда не зачахну, как дряхлый усталый старик, я поклялся себе. Я навсегда останусь сморщенным мокрым младенцем, ядовитым источником, чьи воды текут медленно, но постоянно, пока не отравят все живое в пределах досягаемости.

Теперь-то вы видите, почему для всех будет лучше, если вы сделаете то, о чем я просил вас в самом начале?

СОЖГИТЕ эту книгу.

О, я знаю, о чем вы думаете. Вы думаете: он почти закончил свою идиотскую исповедь. Что изменится от нескольких оставшихся страниц?

Я вам кое-что расскажу. Помните, как я просил вас вести счет страницам? Я отсчитал, сколько страниц осталось до конца этого завещания, и сейчас стою за столько же шагов от вас, за вашей спиной. Сейчас, когда вы читаете эти самые слова. Да. Я сейчас прямо за вами.

Я чувствую, что ваши пальцы сжали книгу покрепче. Да или нет?

Вы не хотите мне верить, но у вас есть суеверие, которое старше человека внутри вас и старше обезьяны внутри вас. Сколько ни повторяйте себе, что я лишь лгун демон, а все мои слова — вранье, суеверие нашептывает вам в ухо совсем иное:

— Он здесь. Будь очень осторожен. Он давно преследует тебя.

Этот голос знает правду.

Если вы хотите доказательств, нужно просто игнорировать меня и дальше, переворачивая страницы. За каждую страницу, которую вы перевернете, отрицая меня, я буду приближаться к вам на один шаг. Вы понимаете?

Одна страница — один шаг. Пока не дойдете до конца.

Что будет тогда?

Тогда я подойду достаточно близко, чтобы перерезать ваше отрицающее горло.

Так

я

и

сделаю.

Не обольщайтесь ни на минуту, что я передумаю.

Я завел вас так далеко, чтобы вы поняли: я потерял последние крохи надежды и стал противоположностью всему, что обращено к добру и свету; всему, как вы сказали бы в своей идиотской манере, что свято.

Я завел вас так далеко, чтобы вы увидели, как часть меня, желавшая любить — нет, любившая! — была убита в лавке мясника в Майнце, а когда она исчезла, я осознал, кем был на самом деле. Кто я есть на самом деле.

Доверяйте голосу, который шепчет от страха внутри вас. Он знает правду. Если вы не хотите, чтобы я приблизился к вам еще на шаг, даже не думайте переворачивать страницу. Сделайте то, что должны.

Сожгите книгу.

Вперед.

СОЖГИТЕ ЭТУ ПРОКЛЯТУЮ КНИГУ!

* * *

Что с вами? Вы хотите умереть? Неужели? Смерть — это ответ? На какой же вопрос, обезьяна? Или дела так плохи, что вы не хотите просыпаться завтра? Да, понимаю. Все мы

цепляемся за эту древнюю землю, когда падаем в пропасть. Я понимаю это лучше, чем вы думаете. Все понимаю. Вы хотели бы избавиться от нависшей над вашей жизнью тени; от тьмы, подбирающейся к вам как раз в тот момент, когда вы считаете, что все идет хорошо.

Вы хотите счастья.

Конечно хотите. Конечно. И вы его заслуживаете.

Итак...

Никому не рассказывайте, что я вам об этом рассказал, потому что я не должен говорить. Но мы уже так много пережили вместе, и я знаю, как больно вам было, как вы страдали. Я видел это по вашему лицу, по вашим глазам, по тому, как опускаются уголки вашего рта, когда вы это читаете.

Представьте, что я могу это исправить. Представьте, что я могу обеспечить вам долгую здоровую жизнь в доме на высоком холме с растущим рядом высоким деревом. Дому не меньше тысячи лет, и когда дует ветер с юга, напоенный ароматом апельсинов, дерево шелестит, как зеленое грозное облако, но молния в нем не сверкает, только блистают цветы.

Представьте, что я могу подсказать, где вас дожидаются ключи от этого дома и документы, конечно, тоже. Вам надо только подписать. Я могу подсказать.

Как я уже говорил, вы это заслужили. Да, заслужили. Вы страдали. Вы видели чужую боль, и вам самому бывало больно. Очень больно, так что не корите себя за то, что взяли в руки безумную книгу.

Это было маленькое испытание. Вы сможете меня понять, я уверен. Когда награда — жизнь без боли в доме, которому позавидовали бы ангелы, нужно быть осторожным в выборе. Я не могу подарить это первому встречному.

Но вы... о, вы — совершенство. Дом откроется перед вами, и вы подумаете: а этот мистер Б. оказался не таким уж человеконенавистником. Ладно, он заставил меня прыгнуть через пару обручей и сжечь ту маленькую книжку, но разве это имеет значение теперь? У меня есть такой дом, что мне позавидуют ангелы.

Я уже говорил вам об этом? Говорил или нет? Простите, я всегда чересчур увлекаюсь, когда речь заходит о доме.

Никаких слов не хватит, чтобы описать красоту того места. Там вы будете защищены от всего, даже от Бога. Подумайте над этим. Защищены даже от Бога, который жесток так, как были бы жестоки мы сами, будь мы богами, избавленными от страха смерти и осуждения.

В этом доме вы неуязвимы. Никто не приказывает вам, нет никаких заповедей, никаких горящих, но неопалимых кустов за окном. Только вы и ваши любимые, и в вашей жизни больше нет места боли. За очень умеренную плату — за огонь. Огонь, который сожжет эти страницы навсегда.

Ведь именно этого вы сами захотите, когда поселитесь в доме на холме.

К чему вам эта грязная старая книжонка, что запугивала и терроризировала вас? Лучше избавиться от нее навсегда. К чему вам лишние напоминания?

Дом ваш. Клянусь утренней зарей. Ваш.

Нужно сделать только одно — сжечь эти слова и меня вместе с ними, навеки стереть нас с лица земли.

* * *

Не могу понять, вы самоубийца, идиот или то и другое разом? Вы знаете, что я совсем рядом. Вы хотите, чтобы я приставил нож к вашему горлу? Нет. Вы хотите жить. Без сомнений.

Так берите дом на холме и будьте счастливы. Забудьте, что когда-либо слышали имя Джакабока Ботча. Забудьте, что я рассказал вам свою историю и... О!

Моя история. Все из-за нее? Из-за тени моей жалкой жизни, мерцающей в пещере вашего черепа? Вам не терпится узнать, как я перебрался из лавки мясника в Майнце в те слова, что вы сейчас читаете, и ради этого вы готовы отказаться и от дома на холме, и от

скрипучего дерева, и от жизни без боли, которой даже ангелы...

Ах, да о чем я беспокоюсь!

Я предлагаю вам уголок рая на земле и жизнь, за которую большинство людей отдали бы свои души, а вы продолжаете читать слова да переворачивать страницы, читать слова да переворачивать страницы.

Меня от вас тошнит. Вы тупая, эгоистичная, неблагодарная мразь. Ладно, читай эти проклятые слова! Давай. Переворачивай страницы, а мы посмотрим, куда это тебя заведет. Не в дом на холме, а в деревянный ящик и в яму под грязными комьями. Хотите такого? Пора бы понять, что дважды я предлагать не буду.

Этот дом — исключительное, единожды выпавшее вам предложение. Вы понимаете? Конечно да. Зачем я переспрашиваю? Все мои слова абсолютно ясны, до последнего слога. Так вы согласны или нет? Решайтесь. Мое терпение вот-вот лопнет. Уговаривать я больше не могу. Вы слышите?

Дом ждет вас. Еще три слова, и он исчезнет.

Перестаньте.

Это.

Читать.

Знаете что? Я вижу этот дом прямо отсюда. Боже, какой сегодня ветер! Листья на дереве колыхаются, точно как я описал. Порывы ветра очень сильны. Не помню, чтобы раньше здесь поднимался такой ветер.

Дерево стонет и ломается. Не верю глазам! Какая буря! Сколько снега! Ветви пригнулись к земле. Дерево не выдерживает, корни выворачивает из земли. Господи милосердный, неужели никто ничего не сделает, ведь дерево сейчас упадет на дом!

Ах, конечно. Там никого нет. Дом пуст. Защитить его некому.

Боже, какая жалость! Смотрите, дерево падает, падает...

Вот и стена дома треснула, как яйцо под ударом молота. Настоящая трагедия. Такая красота не должна погибать в одиночестве, без любви. О, теперь крыша не устояла. На нее навалились ветви, обремененные веками и болью, и все здание обрушилось под упавшим деревом. Стены, и окна, и дверь. Завеса пыли скрыла все.

Что ж. Теперь и смотреть не на что. Дома больше нет.

Как я уже сказал, это был исключительный, единожды представившийся вам шанс. Так можно сказать о каждом из нас, если вы сентиментальны. Но не обо мне.

В любом случае дома больше нет. Мне больше нечем вас соблазнять. Отныне, боюсь, нас не ждет ничего, кроме слез.

Это все, о чем мне осталось вам рассказать: слезы, слезы, слезы.

Когда я уходил из лавки мясника, небо разукрасилось странными цветами. Словно северное сияние поймали и потащили к югу, пока оно не повисло над обшарпанным городком, как обещание чего-то большего, что скоро наступит.

Я сразу его возненавидел. Можно было бы об этом не говорить — вы меня уже знаете. Разумеется, я возненавидел его красоту, но еще сильнее я возненавидел его безмятежность. Мне хотелось залезть на ближайшую колокольню и попытаться стащить его вниз. Но у меня не было времени. Нужно было найти Квитуна и показать ему, в кого я превратился после посещения ангелов. Ведь я не сбежал от них, в отличие от него. Я стал гением жестокости и божественных мук; во мне могла отложить личинки любая муха, чье потомство питалось пороком и разрушением; под сводом моего черепа таились скорпионы, я испражнялся змеями и змеиным ядом. Я шагал, и воздух вокруг меня пронизывали осколки ярости.

Мне хотелось, чтобы он увидел мое преображение. Чтобы он понял кем бы он ни был для меня прежде, теперь я вырвал из сердца эту любовь (если это была любовь) и скормил жестоким детям Майнца.

Идти по его следам было легко. Я с ходу замечал все тайные знаки мира, как никогда раньше. Казалось, я вижу перед собой его фантом, он оглядывался через плечо на бегу, словно

боялся, что ангелы догоняют его.

Постепенно этот страх утих, призрак уже не бежал, а спокойно шагал. Наконец он остановился, чтобы отдышаться. Дальше я пошел один, не нуждаясь в призрачном провожатом. Я знал дорогу.

Не только я — многие другие тоже отправились в путь и сошлись в том месте, куда меня привел инстинкт. Я видел, как они то тут, то там пробивались сквозь людскую толпу. За головами одних летели целые рои пчел, другие бесстыдно обнажились, бросая вызов праведным богобоязненным жителям Майнца не желавшим признавать их присутствие. Некоторые избирали необычные способы передвижения: искорками огней проносились в густой грязи под ногами и внутри стен домов или летели, почти невидимые, то взвиваясь к крышам, то ныряя к самой земле. Были и такие, чьи кости светились сквозь колышущиеся одеяния прозрачной плоти. Были существа без голов и конечностей, пробивавшие кирпич и древесину на пути к тому, что созывало нас всех. Откуда они, я не мог достоверно судить. Я никогда не видел подобных существ в кругах ада, но это ни о чем не говорило, поскольку я плохо знал области преисподней. Возможно, это были высшие формы демонов или низшие формы ангелов — или и то и другое одновременно. Это не казалось невероятным. В тот день ничто не казалось невероятным.

Итак, я сделал последний поворот и вступил на ту улицу, где располагалась мастерская Иоганна Гутенберга, лучшего в Майнце золотых дел мастера.

Это было обычное здание на обычной улице, и если бы вокруг не собирались такие силы, оно не привлекло бы моего внимания. Но не осталось никаких сомнений, что в этом непримечательном месте таится что-то очень важное. Иначе зачем воины неба и ада сошлись бы в жестокой битве на крышах и в воздухе над этим местом? Они перемешались, дети солнца и тьмы, и это были не шуточные бои, но битва не на жизнь, а на смерть. Я видел, как величественный демон упал с небес — макушка его черепа была снесена ангельским мечом; еще одного разорвала на части банда небесных духов, каждому из которых досталось по конечности. Другие силы сражались на огромной высоте, пронзая облака молниями; оторванные части тел падали вниз дождем из экскрементов и золота. Граждане Майнца упорно не желали замечать то, что происходило в вышине. Единственным признаком того, что день выдался необычный, было молчание горожан, обходивших мастерскую Гутенберга. Они изучали свои облепленные грязью ноги, шагая мимо с выражением фальшивой решимости на лицах, как будто эта сосредоточенность могла защитить их от любого дождя, хоть серного, хоть ангельского.

Я интересовался сражением не больше, чем жители Майнца. Для меня не имело значения, кто одержит верх — небо или ад. На этом переполненном поле брани я выступал за самого себя: капитан, солдат и мальчишка-барабанщик, целая армия в одном.

Но я воспользовался возможностями, которые подарила мне битва. Первая из них представилась, когда я поднялся по трем каменным ступеням от грязной мостовой к двери мастерской. Я трижды легонько стукнул в дверь костяшками пальцев. Дверь осталась закрытой. Меня подмывало применить к ней силы, зревшие во мне; они удваивались с каждым поворотом на пути к этой двери. Но если я это сделаю, воюющие стороны поймут, что я из их числа, и меня заставят присоединиться к армии ада или убьют воины неба. Лучше уж пусть принимают меня за обгоревшую человеческую развалину, выпрашивающую милостыню у дверей золотых дел мастера.

Немного погодя я постучал еще, на этот раз не костяшками пальцев, а кулаком. Я стучал, пока не услышал звук отодвигаемых засовов, внизу и вверх. Дверь открылась ровно настолько, чтобы мужчина лет двадцати пяти увидел меня; на его бледном веснушчатом лице я заметил черные потеки. Несмотря на свою боевую раскраску, он глядел на мое изувеченное лицо с явным ужасом.

— Мы не подаем нищим, — сказал он.

В ответ я произнес три слова:

— Я не нищий.

Эти слова прозвучали так властно, что изумили меня самого, их сказавшего. Если они поразили меня, то какое потрясение должен был испытать человек по другую сторону двери? Его рука, вцепившаяся в дверную коробку, преграждая мне путь, упала, а серые глаза наполнились скорбью.

— Это конец? — спросил он.

— Конец?

— Да или нет? — сказал человек.

Он отступил от двери, и она распахнулась, как будто на нее подействовало само мое присутствие на пороге. Я увидел удалявшегося молодого человека; он выронил нож, который держал в руке, не видной мне из-за двери, и пошел по коридору в хорошо освещенную комнату, где трудились несколько человек.

— Иоганн! — позвал он одного из них. — Иоганн! Твой сон! О боже! Твой сон!

По всей видимости, меня здесь ожидали.

Не стану обманывать вас и говорить, что я не удивился. Удивился, даже очень. Но я уже научился притворяться человеком и поэтому стал вести себя как желанный гость — неважно, человека они ждали или нет.

— Закрой дверь, — велел я юноше.

В моем голосе прозвучала повелительная интонация, которой нельзя было ослушаться. Юноша опустил на четвереньки и прополз мимо меня с низко опущенной головой, потупив глаза, чтобы закрыть дверь.

Я не осознал, пока дверь не захлопнулась, каким значимым стал этот дом, где Гутенберг работал над своим тайным изобретением. Возможно, здесь я узнаю ответ на вопрос, волнующий каждого, если он честен сам с собой: «Зачем я живу?» Пока у меня не было ответа, но после нескольких прозвучавших слов меня переполняло легкомысленное чувство радости. Путь сюда был долог, я много раз терял веру и отчаивался достигнуть цели, но в этом доме находился человек, способный освободить меня от разлагающего душу страшного подозрения, что никакой цели у меня вообще нет: я снился Иоганну Гутенбергу.

— Кто из вас Иоганн Гутенберг? — спросил я. — Мне кажется, у нас есть общее дело.

В ответ на мой призыв поднялся впечатляюще высокий широкоплечий человек с крупной головой и волосами цвета соли с перцем. Он смотрел на меня покрасневшими и припухшими изумленными глазами.

— Вы говорите те самые слова, — сказал он, — которые говорили в моем сне. Я уверен, потому что проснулся и спросил жену, что вы могли иметь в виду, когда сказали про наше дело. Я подумал, что мы забыли оплатить какие-то счета. Она ответила, что лучше мне заснуть и забыть об этом. Но я не мог заснуть. Я пришел сюда, в то самое место, где я встретил вас во сне и где вижу вас теперь.

— И что вы ответили мне во сне?

— Я сказал: добро пожаловать в мою мастерскую, мистер Б.

Я наклонил голову в легчайшем из поклонов.

— Я Джакабок Ботч.

— А я...

— Иоганн Гутенберг.

Человек на миг улыбнулся. Он явно нервничал в моем присутствии, что было естественно. Ведь перед ним стоял не один из купцов города Майнца, зашедший в гости посплетничать и выпить пива. Это был сон, пробравшийся из мира снов в мир яви.

— Я не причиню вам вреда, сэр, — заверил я.

— Легко сказать, — ответил Гутенберг, — но трудно доказать.

Я поразмыслил немного, потом медленно, чтобы никого не напугать, наклонился и поднял нож, оброненный молодым человеком. И подал нож ему, ручкой вперед.

— Вот, — предложил я, — возьмите. Если мои слова или действия встревожат вас, отрежьте мне язык и выколите глаза.

Юноша не шевельнулся.

— Возьми нож, Питер, — сказал Гутенберг. — Но тебе не понадобится ни резать, ни колоть.

Юноша взял свой нож.

— Я умею им пользоваться, — предупредил он. — Мне уже случалось убивать людей.

— Питер!

— Я говорю правду, Иоганн. Именно ты хотел превратить этот дом в крепость.

— Да, я хотел этого, — отозвался Гутенберг почти виновато. — Но мне есть что защищать.

— Я знаю, — кивнул Питер. — Так почему ты впускаешь это... это существо?

— Не будь жестоким, Питер.

— Разве убить его — жестокость?

— Нет, если бы я заслужил, — вмешался я. — Если бы я хотел причинить вред кому-то или чему-то под этой крышей, вы были бы вправе вспороть меня от паха до глотки.

Юный Питер смотрел на меня потрясенно. Он открывал и закрывал рот, словно хотел ответить, но не издавал ни звука.

А у Гутенберга было что сказать.

— Давайте не будем говорить о смерти, когда то, о чем мы мечтали, наконец-то близится.

Он улыбался, и я увидел его молодым и счастливым — таким он когда-то был, пока изобретение и необходимость охранять его от хищения или копирования не превратили его в недосыпающего и вечно настороженного усталого человека.

— Пожалуйста, друг мой, — произнес я, подходя ближе, — считайте меня выходцем из ваших грез, где вас впервые посетило видение.

— Вы знаете о видении, из которого родился мой станок?

— Конечно.

Я ступил на зыбкую почву, поскольку не знал, что за станок придумал Гутенберг: то ли машинку для ловли вшей, то ли механизм для разглаживания стрелок на брюках. Но в его доме я оказался не случайно, это уж точно. Я снился Гутенбергу. Ему снились слова, которые он говорил мне, и мои ответы.

— Я буду весьма польщен, — продолжал я, — если смогу увидеть тайну крепости Гутенберга.

Я говорил так, как на моей памяти говорили знатные люди, — отстранение, будто ничто не имело для них особого значения.

— Это честь для меня, мистер Ботч.

— Просто мистер Б., этого достаточно. А я буду звать вас Иоганн, потому что мы уже встречались.

— Уже встречались? — переспросил Гутенберг, проводя меня через первую комнату мастерской. — Я вам тоже снился, как вы мне?

— К превеликому сожалению, мне редко снятся сны, — ответил я. — Опыт мирской жизни с ее жестокостью и разочарованием истребил мою веру в подобные вещи. Я скитаюсь по миру, скрываясь за этим обожженным лицом, чтобы испытать человеческое милосердие.

— Отсутствие милосердия, хотели вы сказать.

— Это еще мягко сказано.

— Но, сэр, — заговорил Гутенберг неожиданно страстно, — скоро начнется новая эпоха. Можно избавить мир от жестокости, если дать людям лекарство от невежества, потому что с невежества и начинается жестокость.

— Смелое утверждение, Иоганн.

— Но ведь вы знаете, почему я так говорю? Вас бы здесь не было, если бы вы не знали.

— Все здесь, — сказал очень грубый голос.

Он принадлежал невероятно тучному человеку — архиепископу, если судить по роскошному облачению и инкрустированному драгоценными камнями кресту. Крест висел на толстой шее с жирными складками, усеянными пятнами от неумеренного употребления вина.

Но его аппетит к еде и выпивке не утолил иного голода, призвавшего его служить Отцу, и Сыну, и Святому Духу. Глаза под тяжелыми веками лихорадочно блеснули. Этот человек болен большой властью. Его плоть была белой, как обескровленное мясо, лицо покрывала пленка пота, оставившего темные пятна на алой ермолке. В одной руке он держал посох из чистого золота, изогнутый сверху наподобие пастушьего, украшенный множеством рубинов и изумрудов. На их стоимость можно было бы купить десять тысяч овец. В другой руке, благоразумно опущенной вниз, архиепископ держал большую свиную кость с ломтем недоеденного окорока.

— Итак, — продолжал он, — неизбежно следует вопрос: на чьей вы стороне?

Я, должно быть, выглядел ошеломленным, но лишь одно мгновение. Я тут же ответил, и в моих словах опять слышалась неоспоримая властность.

— Конечно, на вашей, ваше преосвященство.

Мой голос источал такой избыток преданности, что архиепископ должен был понять мою издевку. В довершение шутки я бросился на колени и потянулся к руке со свиной костью (я притворился, что не замечаю эту кость и испытываю непреодолимое желание простереться перед ним). Не зная, какое из многочисленных колец надо целовать по церковному обычаю, я перецеловал их все, а самое крупное — дважды. После этого я отпустил руку архиепископа, чтобы она смогла поднести свинину ко рту. Не вставая с колен, я поднял свое изуродованное лицо и сказал:

— Я счастлив сослужить вам любую службу, ваше преосвященство.

— Ну, во-первых, встаньте, мистер Ботч, — ответил архиепископ. — Вы уже доказали свою преданность. У меня есть только один вопрос.

— Да?

— Ваше изуродованное тело...

— Несчастный случай, еще в младенчестве. Мать купала меня, двухнедельного, стоя на коленях. Я родился в сочельник, стояли ужасные холода, и она боялась, что я простужусь. Поэтому она разожгла посильнее огонь в очаге, чтобы я не замерз. От мыла я стал скользким, как рыба, и выскользнул у нее из рук.

— Нет! — воскликнул Иоганн.

Я поднялся и повернулся к нему со словами:

— Это правда. Я упал в огонь и, прежде чем мать выхватила меня, успел обгореть.

— Полностью?

— Полностью, ваша милость. Вся кожа сошла.

— Какой ужас!

— Моей матери это дорого стоило. Я выжил, но она не могла смотреть на меня. И умерла, чтобы не видеть такого. Когда мне исполнилось одиннадцать, я оставил отчий дом, потому что братья были жестоки ко мне, и отправился искать хоть кого-то, кто увидит не мои раны — отвратительные, я знаю, — а мою душу.

— Какая история! — воскликнул другой голос.

На этот раз он принадлежал весьма пышной женщине, приблизившейся ко мне сзади во время беседы с Гутенбергом. Я обернулся и поклонился ей.

— Это моя жена Ханна. Ханна, это мистер Б.

— Тот человек, который тебе приснился, — откликнулась Ханна.

— С точностью до последнего... — Казалось, Гутенберг не находит подходящего слова — Последнего...

— Шрама, — подсказал я ему, улыбкой умеряя ужас своего обличья.

— Он много выстрадал, — сообщил Гутенберг жене. — Его рассказ стоит услышать. Пусть Питер принесет вина.

— Не мог бы я нижайше попросить еще и хлеба? — обратился я к Гутенбергу. — Я не ел с тех пор, как пробудился от сна об этом доме.

— И не только хлеба, — ответила Ханна — Я принесу остатки свинины. — Тут она окинула архиепископа совсем не любящим взглядом. — Еще сыра, к хлебу и вину.

— Более чем щедро, — проговорил я.

Благодарность была не наигранной: я страдал от жажды и зверского голода.

— Я вернусь через несколько минут, — сказала Ханна.

Было заметно, что она очень неловко чувствует себя в моем присутствии. Жена Гутенберга быстро удалилась, тихо бормоча молитву.

— Боюсь, моей жене немного не по себе, — произнес Гутенберг.

— Из-за меня?

— Ну... из-за вас тоже, если честно. Я описал вас ей, когда пробудился от сна, и вот вы в моей мастерской.

— Я говорил, что бояться нечего, — вставил архиепископ. — Я здесь, чтобы защитить этот дом от происков сатаны. Конечно, у него свои хитрости, но я вижу адские маски так же ясно, как вижу вас перед собой, мистер Б.

— Это утешает, — отозвался я.

Разговор на время увял и я услышал, как за дальней дверью кто-то шепотом переговаривается.

— Я слышал, вы золотых дел мастер, — заметил я.

— Был им. Пока не понял, что мне предстоит более значительная работа.

— И что это за значительная работа, если мне позволено спросить?

Гутенберг выглядел встревоженным. Он поглядел на архиепископа, потом снова на меня, потом уставился в пол между нами.

— Понимаю, — сказал я, — вы изобрели что-то очень важное. И это нужно хранить в тайне.

Гутенберг оторвал глаза от пола и посмотрел мне в глаза.

— Думаю, это изменит все, — произнес он очень тихо.

— Уверен, так и будет, — ответил я, вторя его спокойному тону утешительным спокойствием своего. — Мир никогда уже не будет прежним.

— Но повсюду шпионы, вы же знаете.

— Да.

— И воры.

— Конечно. Везде. Нечто подобное, столь же важное, выманивает хищников наружу. Так и должно быть. Но у вас есть друзья.

— Меньше, чем я думал — Гутенберг помрачнел, его лицо напряженно застыло. — Все продается, куда ни посмотри.

— Небо вам помогает, — сказал я. — Я видел оба воинства. Они сейчас на вашей крыше.

— Оба воинства, хм.. — Его взгляд ненадолго поднялся к потолку.

— Да, оба, клянусь вам. Вы не одиноки.

— Вы клянетесь?

— Я уже поклялся. А другие воины бьются на улицах. Они движутся в земле, под людскими ногами.

— Он говорит правду? — спросил Гутенберг у архиепископа.

Чтобы ответить на вопрос, его преосвященству пришлось прожевать и проглотить изрядный кусок свинины, от которой он все время тайком откусывал. Он попытался заговорить с наполовину набитым ртом, но слов было не разобрать. Мы ждали еще с минуту, пока он не прожует. Архиепископ положил свиную кость на тарелку, вытер руки и рот тонкой льняной салфеткой, лежавшей возле тарелки, и завершил все хорошим глотком вина. Потом он провозгласил:

— Несмотря на свое ужасное обличье, твой гость говорит правду. И я знаю достоверно, что ангельские силы с нами. Они собрались вследствие моего обращения к Папе. Их присутствие неизбежно возбудило интерес Падших. Нас это не должно удивлять. Не стоит удивляться и тому, что адский сброд вступил в бой с теми, кого Папа послал защитить тебя.

— И теперь они бьются на крыше моей мастерской, — молвил Гутенберг, недоверчиво

качая головой.

— И на улицах, — добавил архиепископ, используя деталь из моего рассказа, дабы оживить свой.

По правде говоря, я сомневался, что его взгляд мог задержаться на каком-либо существе, если оно не было предварительно замариновано и поджарено по его вкусу. Но словам священнослужителя придавала вес тяжесть его одеяния, крестов и колец.

— Мы окружены солдатами Господа, — сказал он Гутенбергу. — Единственная цель ангельских воинств, Иоганн, — защитить тебя и то, что ты создал.

— Кстати...

— Я не закончил! — одернул меня архиепископ.

Волокно жирной свинины вылетело у него изо рта и приземлилось на мою щеку. Это заставило меня пересмотреть мой список ожидавших казни: плюющееся свининой преосвященство поднялось на второе место, сразу после Квитуна.

Квитун. Ха! Я пришел сюда, преследуя его, но столько всего уже произошло или происходило в тот самый момент, когда я на время забыл о нем. Это стало приятным отдохновением. Слишком много лет подряд я думал о Квитуне и только о нем: вечно заботился о его удобстве, тушевался во время приступов его ярости, мучился, когда он разыгрывал расставание, и был самым жалким образом благодарен ему, когда он возвращался. Но вот парадокс: последняя погоня за Квитуном вывела меня на сцену, где разыгрывалась драма посерьезнее, чем любовь. Адепт разрушения, коего создала из меня моя скорбь, занял там идеальное место для причинения наибольшего вреда. Если хотя бы часть того, что говорили о творении Гутенберга, окажется правдой, то уничтожение этого творения — боже, как странно облекать это в слова, не говоря уж о реальности, — позволит мне причинить боль миру.

Какая сладкая мысль.

— Что вы думаете, мистер Б.?

Я ненадолго потерял нить разговора, замечтавшись о любви и разрушении. Чтобы выиграть время, я повторил вопрос:

— Что я думаю? Раз вы спрашиваете, что же я и вправду думаю?

— Какие могут быть сомнения? — воскликнул архиепископ, стукнув пастушьим посохом в голые доски пола мастерской, дабы подчеркнуть свои чувства. — Дьяволу не одержать победы.

Теперь я понял, что пропустил Гутенберг высказал сомнения по поводу того, чем окончится битва, разгоревшаяся вокруг его дома, на крыше до самого неба и в подвале до самого ада. Судя по его взволнованному лицу, он не был безусловно убежден, что ангельский легион одержит верх. Архиепископ ответил без колебаний.

— Не сомневайся в силе Господа, Иоганн, — выдохнул он.

Гутенберг не ответил, что лишь распалило архиепископа, снова застучавшего по половицам своим великолепным посохом.

— Вы! — Он повернулся в мою сторону и стукнул посохом в третий раз, напоминая, что на меня снизошла благодать его внимания. — Да, мистер Б., вы! Каково ваше мнение по этому поводу?

— Мы в полной безопасности, ваше преосвященство. Да, битва идет жесточайшая. Но она снаружи. Внутри нас защищает ваше присутствие. Ни один солдат ада не дерзнет войти в эту крепость, их отпугнет священное присутствие вашего преосвященства.

— Видишь? — сказал архиепископ. — Даже гость из твоего сна понимает это.

— Кроме того, — добавил я, не в силах отказать себе в удовольствии, — как бы он вошел? Просто постучался бы в дверь?

Гутенберг нашел это разумным и успокоился.

— Значит, ничто не сможет уничтожить то, что я сделал?

— Ничто, — подтвердил архиепископ.

Гутенберг посмотрел на меня.

— Ничто, — согласился я.

— Наверное, стоит показать это вам, — предложил он.

— Да, если вы хотите, — ответил я небрежно.

Он улыбнулся.

— Хочу.

Он повел меня к тяжелой двери с вырезанными на ней словами: «НЕ ВХОДИТЬ». Постучал условным стуком, и дверь — вдвое толще любой двери, какую я когда-либо видел, — открылась. Я не мог разглядеть, что там внутри, Гутенберг стоял у меня на пути. Но я уловил маслянистый горьковатый запах, хлынувший из комнаты, как густая волна.

— Чем это пахнет?

— Краской, конечно, — ответил Гутенберг. — Чтобы печатать слова.

Стоило прислушаться к предупреждению, таившемуся в этом «конечно»: он ожидал, что мне известно нечто большее, чем сведения об обычном переписывании книг. Но я по глупости грубо просчитался.

— Так вы копируете книги? — ляпнул я. — Что вы изобрели? Новое перо?

Предполагалось, что это шутка, но Гутенберг не уловил моего юмора. Он застыл на нижней ступеньке, не давая мне ступить ни шагу дальше.

— Мы не копируем книги, — сказал он совсем не дружелюбным тоном.

Я почувствовал на своем плече вес длани архиепископа со всеми ее кольцами. Он стоял за мной, отрезая путь к отступлению посохом и огромным телом.

— К чему столько вопросов, Ботч? — молвил он.

— Мне нравится узнавать новое.

— Но вы являлись Гутенбергу во сне. Или смеее заявлять, что являлись. Как вы могли пройти сквозь разум человека, занятого великим творением, и не увидеть это творение?

Я был в ловушке: его преосвященство за спиной, гений впереди, а посередине — мой болтливый язык.

Именно язык завел меня в эту неразбериху, и я умолял его вывести меня оттуда.

— Полагаю, вы говорите о своем репродуктографе, — сказал я и заметил, что эта нелепица из шести слогов, нечаянно вырвавшаяся из моих уст, вызвала потрясение.

— Так вот как нужно называть это? — сказал. Гутенберг, и лед, звучавший в его голосе мгновением раньше, растаял без следа. Он перешагнул порог мастерской и повернулся ко мне. — А я думал назвать его печатным прессом.

— Ну, можно и так, — ответил я, оглядываясь на архиепископа с видом вельможного негодования. — Не будете ли вы любезны убрать руку с моего плеча, ваша разукрашенность?

Из огромной комнаты за спиной Гутенберга раздалась едва сдерживаемые смешки работников, и даже глаза сурового гения повеселели, когда он услышал, как я обращаюсь к архиепископу. Его преосвященство послушно убрал руку, но сначала больно стиснул пальцами мое плечо, давая знать, что не спустит с меня глаз. Гутенберг повернулся на нижней площадке лестницы, приглашая меня следовать за ним. Так я и сделал — спустился в мастерскую и наконец-то увидел машину, ставшую причиной баталий над и под домом Гутенберга.

Изобретение отдаленно напоминало виноградный пресс, изобретательно дополненный множеством новых деталей. Я смотрел, как один из работников, обслуживающих пресс, взял лист бумаги и аккуратно положил его на покрытую краской деревяшку.

— Что вы сейчас печатаете? — спросил я гения.

Он наугад выбрал страницу из дюжины других, развешанных на просушку над нашими головами.

— Я хотел начать с Библии...

— «В начале было Слово», — сказал я.

К счастью для меня, Гутенберг знал окончание стиха, потому что я помнил только лишь первые шесть слов из Евангелия от Иоанна. Прочитав их, я швырнул книгу в груды мусора Девятого круга, где ее и нашел.

— «И Слово было у Бога», — продолжил Гутенберг.

— Слово, — пробормотал я. Потом посмотрел на архиепископа и спросил: — Вы думаете, это было какое-то определенное слово?

Он молча фыркнул, как будто отвечать мне было ниже его достоинства.

— Я просто спросил, — пожал я плечами.

— Это мой старший мастер Дитер. Поздоровайся с мистером Б., Дитер.

Молодой лысый человек, работавший с прессом, в фартуке и с руками, щедро разукрашенными пятнами краски и отпечатками, поднял глаза и помахал мне рукой.

— Дитер убедил меня, что начать нужно с чего-то поскромнее. Поэтому я испытываю пресс, печатая школьный учебник грамматики...

— Это «Ars Grammatica»?¹ — спросил я, прочитав название на титульном листе, сохнувшем в другом конце комнаты. (Своим демоническим зрением я видел то, чего человеческим глазам ни за что не прочитать, а Гутенберг пришел в восторг, оттого что я угадал книгу.)

— Вы знаете ее?

— Я учился по ней, когда был помоложе. Копия, которая была у моего учителя, была очень ценной. И дорогой.

— Мой печатный пресс положит конец этой ужасной дороговизне книг. Он печатает много одинаковых копий с пластинки, на которой набраны буквы. Перевернутые, конечно.

— Перевернутые! Ха! — Это меня почему-то порадовало.

Гутенберг потянулся и снял с веревки еще один сохнувший лист.

— Я убедил Дитера, что мы можем напечатать что-нибудь повеселее, чем учебник грамматики. И мы выбрали стих из «Сивиллиных пророчеств».

Дитер слушал наш разговор. Он бросил мимолетный взгляд на Гутенберга и улыбнулся ему любящей братской улыбкой. Было видно, что работники обожают своего хозяина.

— Это прекрасно, — сказал я, посмотрев на поданную Гутенбергом страницу.

Строки были ровными и четкими. Первая буква не была украшена рисунками, подобно тем, что месяцами выписывали монахи на манускриптах. Но у печатной страницы имелись другие достоинства: промежутки между словами были абсолютно равными, а вид букв делал стих изумительно легкочитаемым.

— Бумага на ощупь чуть влажная, — заметил я.

Гутенберг выглядел довольным.

— Меня научили этому фокусу, — сказал он. — Слегка увлажнить бумагу перед тем, как на ней печатать. Но вы-то сами все знаете. Вы говорили мне об этом во сне.

— И я оказался прав?

— О да, сэр. Вы правы. Не знаю, что бы я делал без ваших подсказок.

— Я с удовольствием вам помог, — сказал, я и отдал лист со стихом обратно Гутенбергу.

Потом и пошел в глубь комнаты, где двое мужчин лихорадочно работали, собирая на деревянных досках строчки текста. Все составные части — буквы строчные и заглавные, промежутки между буквами, цифры и, конечно же, знаки препинания — были разложены на четырех столах, так, чтобы мастера могли работать, не мешая друг другу. Если Дитер и его товарищи у пресса отвлеклись от дела, чтобы посмотреть на нас и посмеяться, когда я поддразнил архиепископа, эти двое были полностью погружены в работу. Они сверяли набираемый текст с рукописной копией и даже не подняли глаз. Их занятие завораживало, потому что требовало сосредоточения. Я почти впал в транс, наблюдая за ними.

— Все работники дали обет молчания, — сказал Гутенберг, — поэтому никто, кроме нас, не знает возможностей этой машины.

— Это правильно, — ответил я.

* * *

¹ «Искусство грамматики» (лат. <гт.>) — общее название книг о грамматике латинского языка.

Кажется, все или почти все откровения позади; осталось рассказать лишь об одной более-менее значимой тайне. Учитывая это, такой мудрый человек, как вы, уставший от игрищ и детских страшилок, — да, я вовлекал вас в эти игры, *mea culpa*, *mea maxima culpa*! — может решить, что пора наконец избавиться от этой книги.

Я даю вам последний шанс, мой друг. Назовите меня сентиментальным, но у меня нет желания убивать вас, хотя мне придется это сделать, если вы доберетесь до последней страницы. Сейчас я ближе к вам, чем был тогда, когда рассказал о совпадении числа шагов и перевернутых вами страниц. Я слышу, как вы бормочете про себя, переворачивая страницу, чувствую ваш запах и вкус вашего пота. Вам тревожно. В глубине души вы хотите послушаться меня и сжечь книгу.

Я дам вам один совет, а вы задумайтесь. Та часть вашей личности, которая не желает покоряться и рискует жизнью ради того, чтобы проверить себя «на слабо», — это своевольное дитя, оно капризничает и требует внимания. Это можно понять. Внутри нас навсегда остаются части того, кем мы были в очень ранней молодости.

Но, пожалуйста, не слушайте этот голос. На этих страницах не осталось ничего, что могло бы вас сильно заинтересовать. Дальше будет про политику небесную и адскую.

История человека завершена. Теперь вы знаете загадку мастерской Гутенберга и наверняка думаете (я вас за это не виню): неужто вся суeta поднялась из-за печатного прессы? Нелепо. Нет, я не буду винить вас, если вы в ярости сожжете проклятую книжку с такой ничтожной концовкой. Но я вас предупреждал. Одному Богу известно, сколько раз я просил вас поступить разумно и расстаться с книгой, а вы настойчиво ждали чего-то. Вы принудили меня болтать о всякой всячине — например, о странном клубке моих чувств к Квитуну. Я предпочел бы об этом умолчать, но все-таки рассказал из уважения к истине как чему-то целому, не склеенному из обрывков.

Ну, теперь все кончено. Вы еще можете сжечь книгу и удовлетвориться тем, что прочли большую часть. Пора. Остается немного, но к чему тратить драгоценное время? Вы уже знаете, какое таинственное изобретение искал Квитун — то самое, что делает возможным существование вот этой книги.

Все в конце концов замыкается. Вы познакомились со мной на этих страницах. Мы стали понимать друг друга по пути из мусорных куч Девятого круга в поднебесный мир, потом по длинной дороге от поля Иешуа, где мы шли с Квитуном. Я не утомлял вас перечислением всех мест, куда мы заходили в поисках новых изобретений, которыми интересовался Квитун. Чаще всего это были военные орудия: пушки и длинные луки, осадные башни и стенобитные тараны. Иногда мы находили прекрасное произведение искусства. Кажется, в 1309 году я слышал музыку, сыгранную на первом в мире клавишине. События путаются у меня в голове; так много мест, так много изобретений.

Но суть в том, что путешествие закончилось. Больше не нужно отправляться в путь, не нужно искать изобретения.

Мы вернулись на те страницы, где встретились; или к устройству, впервые напечатанному эти страницы. Получился небольшой замкнутый круг — в него попал я. Не вы.

Уходите. Уходите, пока можете. Ведь вы увидели больше, чем ожидали увидеть.

А перед уходом вырвите эти страницы, разожгите костер и бросьте их туда. Потом займитесь своими делами и забудьте обо мне.

* * *

Я очень старался быть щедрым. Но это непросто. Вы отвергли все мои предложения. Вас не волнует, что я открываю перед вами сердце и душу, вам этого мало. Больше, больше — вы все время хотите больше! До вас только Квитун мог причинить мне такую боль. Вы изменили меня, я едва узнаю себя. Когда-то во мне жили доброта и безграничная любовь, но

они исчезли навсегда. Вы убили всю мою радость, все мои надежды. Все пропало, пропало.

Однако я нахожу силы, один дьявол знает как, обратиться к вам с этих мучительных страниц в последней попытке тронуть ваше сердце.

Фейерверк отгремел. Больше зрелищ не будет. Вы можете идти. Найдите себе другую жертву и расчленийте ее, как расчленили меня. Нет, нет, беру свои слова обратно. Вы не могли знать, как сильно это меня ранит, насколько углубляется мое отчаяние, когда мне приходится снова идти по пути, который привел меня сюда, и рассказывать о чувствах, которые мне сопутствовали, пока я путешествовал по миру.

Мой путь закончился в тюрьме, откуда я говорю с вами. Я рассказал вам много историй, и вы можете пересказывать их в подходящих ситуациях. Ах эти байки про клятых душ и воплощенной тьмы!

У меня больше ничего не осталось. Кончайте с этим, ладно? Мне не хочется причинять вам вред, но если вы будете и дальше забавляться моими горестями, я не ограничусь одним ударом ножа по вашей яремной вене. О нет. Я вас искромсаю. Первым делом отрежу вам веки, чтобы вы не могли закрыть глаза, а до конца смотрели на то, как я вас терзаю.

Наибольшее число ножевых ударов, которые я нанес человеку до того, как он умер, — две тысячи девять; жертвой была женщина. Что касается мужчин — тысяча восемьсот девяносто четыре удара. Очень трудно судить, сколько ударов понадобится вам. Я уверен в одном: вы будете умолять меня убить вас, вы предложите мне все, что угодно, вплоть до душ ваших любимых. Что угодно, что угодно, будете умолять вы, только убей меня скорее! Дай мне забвение, будете молить вы, любой ценой. Вы готовы на все, лишь бы мне не пришлось видеть ваши внутренности, фиолетовые, в венах, блестяще-влажные, проглядывающие в разрезах в нижней части вашего живота. Это обычная человеческая ошибка — думать, что когда внутренности вывалились на пол, счастливая смерть уже не за горами. Это часто бывает неправдой, даже с хилыми представителями вашего вида. Я убил двух пап, чьи грехи довели их до идиотизма (но они продолжали внушать своей пастве догмату святой матери-церкви), и оба умирали необычайно долго, хотя были хилыми.

Вы готовы терпеть муки из-за того, что вовремя не дали мне огня?

Ничего, кроме страданий, вы не получите, мой друг, если прочтете следующее слово.

* * *

Тем не менее вы читаете.

Что же мне делать? Я думал, вы хотите жить и после того, как мы покончим с этой книгой. Я думал, в мире есть люди, которые любят вас и будут скорбеть по вам, если я заберу вашу жизнь. Видимо, я ошибался. Вы предпочитаете прожить со мной эту ущербную жизнь еще на нескольких страницах, а после заплатить мне смертью.

Правильно я вас понял? Вы можете сойти с поезда-призрака даже сейчас. Подумайте хорошенько. Полночный час близится. Неважно, читаете вы это в восемь утра по пути на работу или в полдень, лежа на залитом солнцем пляже. На самом деле сейчас гораздо позже, чем вы думаете, и темнее, чем вам кажется.

Но вас не трогает мое желание быть милосердным. Вы не боитесь, что скоро станет совсем поздно. Вам все равно. У вас есть какая-то метафизическая причина? Или вы глупее, чем я думал?

Единственный ответ, который я слышу, это тишина.

Я сам отвечаю на свои вопросы, раз от вас ответа не добиться. И я выбираю...

Глупость.

Вы просто упрямый глупец.

Ну ладно, вот и весь мой дар милосердия. Больше не буду попусту тратить время на жесты сочувствия. Не вините меня, когда содержимое вашего мочевого пузыря брызнет наружу или когда будете жевать одну из ваших почек, пока я вытаскиваю вторую.

Вы даже не представляете, какие звуки могут вылетать из вашего горла. Когда вас тяжело ранит кто-то вроде меня, знающий свое дело, ваши крики звучат весьма неожиданно. Одни люди пронзительно визжат, как недорезанные свиньи. Другие, как бешеные собаки, издают хриплое рычание и режущий ухо вой.

Как только начнется глубокая проработка ножом, будет любопытно узнать, какое вы животное.

Наверное, тут нечему удивляться. Вы, люди, любите истории. Вы живете ради них. И вы готовы — о мой нездоровый, мой упрямый друг-самоубийца — умереть, лишь бы узнать, что же случилось по окончании осады дома Гутенберга.

Разве это не абсурдно? Что вы надеетесь найти? Может быть, вы ждете историю, где действуете сами?

О боже, все именно так! Вы думаете, что в этой книге есть ответ на вопрос, зачем вы родились. И от чего вы умрете.

Из-за этой книги, раз вам надо знать.

Я прав? В конце концов, вы тоже на этих страницах. Без вас эти слова были бы черными значками на белой бумаге, скрытыми во тьме. Я был бы заточен в одиночестве, говорил бы сам с собой, повторяя снова и снова одно и то же:

— Сожгите эту книгу. Сожгите эту книгу. Сожгите эту книгу.

Но как только вы открыли эту книгу, мое безумие прошло. Видения поднялись над переплетенными страницами, будто духи слетелись на призыв, подпитанные и моим желанием быть услышанным (его испытывают все исповедующиеся, даже если они каются в самых ничтожных грехах, как я), и вашим влечением ко всему сверхъестественному и еретическому.

Наслаждайтесь этим, пока можете. Вы знаете цену, которую придется заплатить.

Вернемся в мастерскую Гутенберга и посмотрим, какое последнее видение я отыщу для вас там, где воздух насыщен едким запахом типографской краски.

В каждой битве между силами неба и ада неизбежно наступает миг, когда солдат становится так много, что действительность, как ее понимает человечество, не выдерживает напора этого бурлящего внутри ее водоворота. Фасад реальности дает трещину, и как бы человечество ни старалось не видеть происходящего рядом, эти усилия несоразмерны задаче. Правду услышат, какой бы резкой она ни была. Правду увидят, какой бы грубой она ни была.

Первым признаком наступления момента стал внезапный взрыв криков на улице. Жители Майнца — мужчины и женщины, младенцы и старики — разом увидели, что покров, скрывавший небесную битву, сорван, и истерия распространилась мгновенно. Я радовался тому, что в это время находился внутри мастерской, хоть мне и составляли компанию его нелепое преосвященство, Гутенберг и его работники.

Как только разразилась какофония на улицах, Гутенберг-гений со вкрадчивым голосом исчез и его место занял другой Гутенберг — заботливый муж и друг.

— Я думаю, мы в беде, — сказал он. — Ханна? Ханна! С тобой все в порядке? — Он обернулся к рабочим — Если кто-то из вас опасается за себя или за жизнь своих близких, я призываю вас уходить сейчас, пока не стало хуже.

— Там же никто не бунтует, — сказал архиепископ. Люди в мастерской уже развязывали свои испачканные краской фартуки. — Нет никакой нужды беспокоиться за ваших жен и детей.

— Откуда вы знаете? — спросил я.

— У меня свои источники, — заявил архиепископ.

Меня тошнило от его самодовольства. Я страстно хотел сбросить свою человеческую личину и выпустить на волю Джакабока Ботча, демона Девятого круга. Возможно, я так и сделал бы, но в этот миг голос Ханны ответил на призыв мужа:

— Иоганн! Помоги мне!

Она вошла в мастерскую не с той стороны, откуда пришли мы с архиепископом и Гутенбергом, а через маленькую дверку в конце комнаты.

— Иоганн! Иоганн! О боже!

— Я здесь, жена. — Гутенберг бросился к запыхавшейся и напуганной супруге.

Ее ужас при виде мужа не отступил. Наоборот, она впала в еще большее отчаяние.

— Мы прокляты, Иоганн!

— Нет, дорогая. Это богобоязненный дом.

— Иоганн, подумай! Если здесь демоны, это все из-за них!

Она подошла к столу с разложенными буквами и изо всех своих немалых сил, навалившись тучным телом, толкнула и перевернула стол, рассыпав лотки и тщательно разложенный алфавит по полу.

— Ханна, остановись! — закричал Гутенберг.

— Это работа дьявола, Иоганн! — ответила она, заливаясь слезами. — Я должна уничтожить ее, или нас всех заберут в ад.

— Кто вбил тебе в голову эту блажь? — спросил Гутенберг.

— Я, — произнес знакомый мне голос.

И с полутемной лестницы, откуда пришла Ханна, спустился не кто иной, как Квитун, скрывший свои демонические черты под капюшоном.

— Зачем вы пугаете мою жену? — обратился к нему Гутенберг. — Она и так всего боится.

— Мне это не привиделось! — закричала Ханна, хватаясь за другой стол, где разместились цифры, пустые клеточки и знаки препинания.

Она перевернула его с той же легкостью, что и первый.

— Она переутомилась, — предположил Квитун, шагая наперерез Гутенбергу, который мягко звал жену и приближался к ней.

— Ханна., дорогая моя... пожалуйста, не плачь... Ты знаешь, я не могу видеть, как ты плачешь.

Квитун откинул капюшон, показывая всем свое демоническое обличье. Никто ничего не сказал. Да и к чему? Подобные ему существа бились в жесточайшей схватке с ангелами прямо за окном.

Там были такие legionеры, каких я раньше не видел даже в манускриптах, где монахи запечатлели неведомые обличья ангелов и демонов.

Крупные создания, крылатые и бескрылые, но все выведенные, выращенные и обученные именно для того, что происходило сейчас: для сражений. Прямо на моих глазах демон-воитель, сойдясь в смертельном бою с ангелом, вцепился в голову врага обеими руками и раздавил ее, как яйцо. Крови в божественном анатомическом устройстве небесного существа не обнаружилось. Только свет излился из обломков черепа.

Тут демон-воитель повернулся и посмотрел в окно мастерской. Я видел множество диких тварей, рыскавших по Девятому кругу, но даже мне этот демон показался отвратительным. Его глаза размером с апельсин выпячивались из красных, как сырое мясо, складок мягкой плоти. Разверстый рот был как туннель, окруженный игольчатыми зубами, откуда высовывался и лизал оконное стекло черный змееподобный язык. Огромные скрюченные когти, с которых капал свет последнего убитого ангела, скребли стекло.

Рабочие Гутенберга больше не могли сдерживать страх. Некоторые пали на колени, вознося молитвы, другие вооружились инструментами, предназначенными для укрощения пресса, если он вел себя своенравно.

Но ни молитвы, ни оружие не могли отвратить взгляд этой твари или отогнать ее от окна. Она прижала лицо к окну и издала такой вопль, что стекло задрожало. Потом оно треснуло и внезапно осыпалось, забросав осколками мастерскую. Несколько осколков, запятнанных слюной демона и подвластных его воле, с безошибочной точностью направились проливать кровь внутри мастерской. Один узкий осколок впился в глаз лысому

мастеру, другие два перерезали горло работникам, набравшим шрифт. Я видел столько смертей за последние годы, что меня не тронуло это зрелище. Но люди закричали от горя и бесплодной ярости, потому что ужас вторгся на территорию, где они были счастливы. Один из уцелевших решил помочь первой жертве демона — тому, чей глаз пронзил осколок. Невзирая на опасность и близость убийцы, рабочий присел и уложил голову раненого себе на колени. Он бормотал обычную молитву, а умирающий, сотрясаемый судорогами и спазмами, пытался повторить ее за своим другом. Нежная печаль этого зрелища разъярила демона, он вылупил свои глаза-шары, чтобы обозреть осколки стекла, остановленные в полете его волей, и выбрал не самый крупный, но самый разрушительный на вид.

Своей сверхъестественной силой он направил осколок к потолку, и тот послушно взлетел. Стекло повернулось, и острейший конец обратился вниз. Я знал, что последует дальше, и хотел в этом поучаствовать. Осколок завис прямо над человеком, баюкавшим голову раненого товарища на своих коленях. Ему предстояло умереть. Я шагнул туда, ухватил плачущего человека за волосы и повернул его лицо кверху как раз в тот миг, чтобы он успел увидеть устремившуюся к нему смерть. У него не осталось времени и сил вырваться из моих рук. Стекланный клинок вонзился в его исчерченную слезами щеку под левым глазом.

Демон не сумел вонзить оружие глубоко, и я понял: вот самый подходящий момент, чтобы выказать себя нераскаявшимся злодеем. Нужно действовать здесь и сейчас. Я крепко прижал голову раненого к своему животу, схватился за полоску стекла, хотя она разрежала мне ладонь, и вонзил ее поглубже. Жалобные всхлипы сменились хрипами агонии, пока я всаживал толстое стекло под глазницу и кверху, выдавливая глаз изнутри наружу. Он свисал из кровавой пустой глазницы, лениво покачиваясь на сплетении нервов. Я втолкнул лезвие в средоточие человеческих мыслей, от души наслаждаясь музыкой мучений: всхлипами, обрывками молитвы, мольбами о пощаде. Стоит ли упоминать, что мольбам не внял ни я, ни его мучитель, ни любящий Бог, в которого этот человек верил.

Я склонился над ним, поворачивая лезвие в котелке его черепа, и заговорил. Стоны стихли. Невзирая на мучительную боль, он все же обратил на меня внимание.

— Я дитя демонации, — сказал я ему. — Я заклятый враг жизни, любви и невинности. Со мной нельзя договориться и нет надежды на надежду.

Человек умудрился совладать с конвульсиями своего изуродованного лица и спросил:

— Кто?

— Я? Все знают меня как мистера..

Меня прервал архиепископ.

— Ботч, — произнес он. — Вас зовут Ботч. Это английское слово. Оно означает беспорядок. Неразбериху. Что-то совершенно бесполезное.

— Вы бы поаккуратнее, священник, — сказал я, вытаскивая хорошую порцию мозгового вещества и размазывая его по полу мастерской. — Вы говорите с демоном Девятого круга.

— Я трепещу, — ответил архиепископ, совершенно равнодушный к моему предупреждению. — Ты способен на что-то еще, кроме мучения мертвецов?

— Мертвецов?

Я глянул вниз и обнаружил, что скорбевший человек действительно умер, пока я говорил с архиепископом. Я отпустил труп, и он соскользнул на плитки пола.

— Это твоё представление об удовольствии, демон?

Я поднялся, вытирая кровь об одежду.

— С чего бы вам интересны мои удовольствия? — спросил я архиепископа.

— Я должен знать все уловки ада, чтобы защитить мою паству от ваших бесчинств.

— Бесчинств? — переспросил я, бросив взгляд на Квитуна — Что он наговорил вам?

— Что ты проникал в утробы женщин, которым оставались считанные часы до родов, и запугивал младенцев до смерти, хотя те еще даже ни разу не видели света Божьего.

Я улыбнулся.

— Ты вытворял это, демон?

— Да, ваше преосвященство, — ответил я, широко улыбаясь, насколько позволяло мне изрытое шрамами лицо. — Мой друг-содомит Квитун предложил мне это. Он сказал, что стоит побывать внутри женщины хотя бы раз в жизни. Но это мелочи. Однажды с помощью древнего гримуара, владелец которого был выпотрошен для пользы дела, мы оживили все трупы на церковном кладбище в Гамбурге, а потом посетили каждого из мертвецов в могиле. Мы говорили им, что конец света близок, что им нужно без промедления выбраться из могил — мы раскопали землю, чтобы облегчить им задачу, — и танцевать. Всем танцевать и петь, даже самым истлевшим.

— Так гамбургский танец мертвых устроили вы?

— Да. Конечно! — Я улыбался так, что челюсти сводило. — Ты слышал, Квитун? Он знает про Гамбург! Ха!

— Эти отвратительные мерзости — не повод для ликования, — вышел из себя архиепископ. — Твоя душонка так же омерзительна, как и твоя плоть! Невероятная мразь! Вот что ты есть. Хуже глиста в собачьих кишках.

Он негодовал с таким жаром, что забрызгал слюной все вокруг. Но в его речах звучала фальшь. Я посмотрел на Ханну, потом на Гутенберга и, наконец, на Квитуна. Из них троих только Гутенберг, похоже, поверил священнику.

— Молись, Ханна! — сказал он. — И поблаговари Господа нашего за то, что здесь архиепископ. Он защитит нас.

Гутенберг отвернулся от разбитого окна, возле которого завис демон, — по всей видимости, войти ему мешало присутствие архиепископа — и пошел к дальней стене за прессом. Он снял со стены простой деревянный крест. Если крест должен был защитить рабочих, то он не справился с задачей: доказательство лежало ничком в луже крови у ног печатника. Но Гутенберг еще верил в его силу.

Когда он снял крест, отовсюду послышался грохот разрушения: звук: бьющегося стекла, треск дерева и петель, срываемых вместе с дверьми, стук задвижек, выдираемых вместе с оконными рамами. Дом сотрясаясь, фундамент гудел. За моей спиной раздался гром, как во время летней грозы, и я увидел, обернувшись, как неровная черная трещина, напоминающая молнию, перерезала стену за прессом. От нее сразу ответвилось еще несколько таких же: дети молнии бежали во всех направлениях, к потолку и полу, обрушивая известковую пыль в процессе уничтожения мастерской.

Пыль ощущалась под веками, как стеклянные крошки, она жгла мне глаза вызвала слезы. Я попытался справиться с ними, но тщетно. Слезы побежали по щекам и, как всегда, насмешили Квитуна.

— С вами все нормально, мистер Б.? — спросил он, как будто искренне заботился о моем благополучии.

— Лучше не бывает! — огрызнулся я.

— Но отчего же вы плачете, мистер Б.? Смотрите, слезы катятся градом!

— Из-за пыли, Квитун, — отрезал я. — Как тебе прекрасно известно.

И тут заговорила Ханна. Это она, посланная мужем за едой и напитками, вернулась с пустыми руками, но привела Квитуна. Однако теперь ее голос ничем не походил на голос растерянной и послушной домохозяйки, какой она представлялась мне сначала.

Ханна предстала совсем другой. Ее глубоко посаженные глаза сосредоточились на гении, которого надо было защитить, и она широко раскинула руки. На один чудесный миг мне показалось, что все в комнате — каждая известковая снежинка, слетавшая с потолка, каждая пылинка, поднимающаяся от пола, каждый взгляд и биение сердца, каждый отблеск света от разбросанных букв или пресса — собралось в водовороте вокруг нее.

Крылья! У нее были крылья — идеальные дуги света и пыли, поднимавшиеся ввысь за ее головой. Ангел-хранитель человека, занятого делом исключительной важности, избрал идеальную маскировку. Она вышла за него замуж, чтобы спокойно присматривать за гением Гутенберга хотя бы до тех пор, пока его великий труд не будет завершен, пока не повернется ключ в двери истории.

Я сомневался, что кто-либо из присутствующих видит Ханну такой, какой видел ее я. Никто не шевельнулся, ни единого шепотка не раздалось среди тех, чьи сердца еще бились.

— Квитун! — крикнул я. — Ты ее видишь?

Как только звуки слетели с моих губ, сущность ангела Ханны изъела мои неуклюжие слова и превратила их в жемчужные раскаленные нити, заплывавшие по мере удаления от меня. То был шаманский танец, празднующий освобождение от свинцового груза индивидуальности в пользу космического единства.

Демонация! Как бедны средства языка, не способного описать собственную гибель. Не подобрать слов, когда нужно высказать их бессвязность. Я готов умолкнуть, не найдя подходящих выражений.

Умолкнуть. Ха! Возможно, это ответ. Может, пора прекратить насыщать эфир вонючими стайками тухлых, как гнилая рыба, слов, которые невозможно ни прожевать, ни понять. Может, молчание и есть наивысшая форма бунта, истинный знак нашего презрения к лживому герою преданий. В конце концов, разве слова не принадлежат Ему? Апостол Иоанн (ему я верю больше, чем остальным; мне кажется, он относился к Господу так же, как я к моему Квитуну) в самом начале жизнеописания своего возлюбленного говорит:

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Слово было Бог.

Вы понимаете? Все, что нам остается, это тишина. Наш последний отчаянный шанс взбунтоваться против Того, у Кого есть Слово.

Но владеет Бог Словами или нет, а без них я не смогу рассказать вам то, что мне еще осталось рассказать. Есть тайна, и она ждет, чтобы ее раскрыли, а молчанием ее не поведать. Мы стоим на пороге этого открытия. Еще несколько страниц для вас и несколько шагов для меня.

Вы думали, я забыл свои угрозы?

О нет, нет, нет; я постоянно приближаюсь к вам. Я мог бы покончить со всем этим прямо сейчас — один прыжок и...

Я бы справился быстро. Видите, у меня длинные костлявые пальцы, а когти острые, как сама боль. Я собираюсь вонзить их вам в шею — десять длинных пальцев — так глубоко, что они пересекутся в глубине вашего горла.

Конечно, вы будете сопротивляться. Любое животное противится гибели. Поглядите, как крокодил ловит бизона. Это животное со стальными копытами будет брыкаться и биться, закатив глаза. Он будет брыкаться и биться даже тогда, когда рептилия прикусит его во второй раз, так, что вся шея зверя окажется в его челюстях. Когда надежды больше не останется.

Как будто у вас она была.

Бедный маленький переворачиватель страниц!

Отчасти я рад, что вы решили читать дальше и сгинуть, потому что мне хотелось снять с души груз всего, что я знаю, и разделаться с этим раз и навсегда. Тогда я смогу улечься где-нибудь с удобством и мечтать о том, что я снова вернулся на поле Иешуа, но все люди оттуда исчезли, а вместе с ними исчез страх и запах горящих тел. И Квитун ляжет рядом со мной, и новая трава вырастет из грязи вокруг нас, пока гаснут звезды.

* * *

Но сначала — тайна. Я говорю вам о важных вещах, способных изменить мир, если мир прислушается.

Но нет. Время идет, кольца на руках пап становятся все массивнее и дороже, а ядовитая слюна на губах людей, целующих эти кольца, — они правят миром на виду у всех, но их дергают за ниточки невидимые руки — превращается в чистую отраву из-за их лжи и лицемерия.

Поэтому неважно, кто будет владеть тайной, я или вы. Это ничего не изменит. Просто

позвольте мне освободиться от ее груза, а потом можете сжечь книгу, чтобы мы познали лучшее в обоих мирах.

Но сейчас помолчите, пожалуйста. Тайна остается тайной, даже если никто не хочет о ней слышать. У нее все равно есть сила. Может быть, время для нее пока не пришло. Ха! Это возможно. Это вполне вероятно. Да, думаю, вполне вероятно. Ее время пока не пришло.

Но когда оно придет, у вас появится кое-что, ради чего стоит жить. Представьте себе! Как приятно будет просыпаться по утрам и думать: «Я знаю, зачем живу; у меня есть цель, причина, чтобы жить и дышать».

Представьте себе это.

Представьте и задумайтесь, а пока представляете, послушайте:

— У меня есть тайна, которая однажды понадобится всему миру.

Демонация! Как мне повезло, что мой отец меня ненавидел. Отец, бросивший меня гореть на том исповедальном костре, после чего я превратился в сплошной ходячий шрам. Если бы этого не случилось, я не смог бы проходить сквозь людские толпы так, как мне это удавалось потом. Никогда не посмел бы пойти на поле Иешуа, не будь я изуродован. А без поля Иешуа я не встретил бы своего...

...своего...

...учителя, или кем он был для меня?

.. любимого, или кем он был для меня?

... мучителя, или кем он был для меня?

Да, мучителем он точно был. Вне всякого сомнения. Он создал пять новых мук, изобрел их специально для меня, и все были созданы из любви.

Конечно, я говорю о Квитуне. До него я не знал, что можно иметь своего личного Бога в своих личных небесах; или любить и ненавидеть его с такой силой. Порой мне так хотелось быть ближе к нему, что я мучительно пытался сказать ему об этом и желал раствориться в нем, чтобы нас никогда не могли разделить. А потом он говорил что-то, и его слова больно ранили меня. То были глубокие раны, горькие раны, какие наносит только тот, кто знает тебя лучше, чем ты сам.

Даже сейчас, размышляя об этом, я осознаю, что тайна, сокрытая в доме Гутенберга, была со мной все время.

Я ее не видел, потому что был очень занят жалостью к себе. Мне казалось, я единственный, кто одновременно любит и ненавидит любимого. До мастерской Гутенберга я не понимал, что каракули противоречия, сжигавшего мой ум и мое сердце в ревущем пламени, начертаны в самих основах мира.

Все в мире вращалось вокруг любви. Точнее, все в мире вращалось вокруг любви, и ее похитителя, и ее гибели, и ее молчания. От великой полноты — ощущения, все вокруг правильно и будет так, стоит лишь добавить немножко любви — до полнейшего опустошения, так что в полых костях начинал гулять ветер: путь между этими двумя крайностями и есть двигатель всех вещей и процессов. Вы понимаете это — не просто слова, но и чувства, и истину? Истину, которую нельзя отрицать, которой нельзя сопротивляться. Я смотрю, как ваши глаза скользят по строчкам моих воспоминаний и размышлений, и гадаю: связаны ли мы с вами, вы и я?

Мы можем понять друг друга только сейчас. Вы согласны? У вас могут быть друзья, которые рассказывают вам о своих мелких горестях и боли, но у вас никогда не было близкого друга-демона. Я никогда не обращался ни к кому из людей так, как обращаюсь к вам. Никогда ни о чем не просил, даже о такой ничтожной подачке, как пламя.

Ладно, пора в мастерскую. Точнее, к архиепископу (у него, кстати, был самый мерзкий запах изо рта какой мне когда-либо доводилось вдыхать), приказавшему мне:

— Убирайся. Немедленно! Тебе здесь нечего делать.

— Вот мое дело. — Я указал на Квитуна — А женщина рядом с ним, она вообще не женщина, она...

— В нее вселился ангел, — сказал архиепископ. — Да, я вижу. Еще один стоит за тобой, демон, если тебе интересно.

Я повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть свет, исходящий от одного из рабочих около печатного пресса. Свет изливался из его глаз, изо рта, из кончиков пальцев. Пока я смотрел на него, он поднял с пола простой металлический прут и замахнулся им, намереваясь, я уверен, выбить из меня мозги. Но как только прут оказался высоко в воздухе, он поймал луч света из глаз ангела и стал длинной спиралью огня, от которой повсюду заплясали языки пламени, подобные огромному облаку пылающих бабочек.

Эти странные бабочки немедленно привлекли мое внимание, и в тот же миг человек-ставший-ангелом поразил меня своим мечом.

Опять огонь. Всегда огонь. Огнем озаменовано каждое перепутье моей жизни. И муки, и очищение, и превращения. Все это были дары огня.

А теперь еще и рана, которую нанес мне человек-ставший-ангелом, причем не из самой лучшей позиции, стоя на полшага дальше, чем нужно. Это меня и спасло. Будь он поближе, лезвие разрубило бы меня от плеча до правого бедра и мое существование закончилось бы. Вместо этого клинок прочертил линию на моей покрытой шрамами коже и вошел в тело всего на пару сантиметров. Тем не менее это была тяжелая рана, потому что пламя пожирало не только мою плоть, но и некую бесплотную часть меня. Эта боль была сильнее, чем боль от самой раны, так что мне хотелось кричать.

И моя плоть, и моя душа были располосованы, я не мог отразить удар или ответить на него. Я отшатнулся и согнулся пополам от боли, слепо спотыкался о неровные доски пола, пока не уперся рукой в стену. Она была приятно холодной. Я прижался к ней лицом, пытаюсь совладать с желанием зарыдать, как дитя. Чем это поможет, уговаривал я себя. Никто не откликнется. Никто не придет. Моя боль владела мной, а я — ею. Мы были самыми близкими друзьями в этой комнате. Боль — мой самый верный товарищ.

Темнота поглотила мое зрение, и сознание погасло, как свеча. Потом оно зажглось неровным крошечным огоньком, и опять погасло, и снова зажглось, и на этот раз огонь продолжал гореть.

А я сползал по стене вниз: ноги подогнулись, лицо прижато к стене. Я взглянул на пол. Синие-черная и алая струи текли из меня, сбегая вниз по ногам. Я оторвал лицо от стены и увидел, что два цвета, не желая смешиваться, стекались вокруг меня в лужу с мраморными разводами.

Я подумал о Квитуне. Он стоял возле Ханны, когда я последний раз видел его. Удушил ли его ангел своим ярким светом или я, сплошь израненный, все еще мог ему чем-то помочь?

Силой воли я заставил свои руки подняться, приказал ладоням раскрыться и оттолкнуть меня от стены. Это был тяжкий труд. Ни один мускул моего тела не хотел ввязываться в эту глупую игру. Мое тело сотрясало так сильно, что я сомневался, смогу ли встать, не говоря уж о том, чтобы идти.

Но сначала нужно было осмотреть поле битвы.

Я повернул непослушную голову в сторону мастерской, надеясь, что я быстро отыщу Квитуна и он окажется живым.

Но я не увидел ни его, ни кого-либо другого, кроме мертвецов. Квитун, Ханна, Гутенберг, архиепископ и даже демон, пролезший через окно, исчезли. Исчезли и несколько рабочих, переживших нападение демона. Остались только мертвецы да я. А я остался только потому, что и меня приняли за труп. Выживший демон среди мертвых людей.

Куда они исчезли? Я обратил свой затуманенный взор к парадной двери, в которую вошел, но не услышал ни стонов раненых, ни голосов демонов или ангелов. Потом я посмотрел на другую дверь, откуда пришли Ханна и Квитун. Она вела, как я подозревал, на кухню, но и там я не заметил ни единого признака жизни, естественной или сверхъестественной.

Чистейшее любопытство неожиданно придало мне сил, притупляя боль и обостряя чувства. Я не обманывался насчет того, что это облегчение будет долгим, но собирался

воспользоваться им В конце концов, здесь всего два входа и выхода, и какой из них я ни выберу, у меня будет полшанса найти тех, кто был здесь еще минуту назад.

Впрочем, постойте. Возможно, прошла вовсе не минута. И даже не две. Мухи тысячами слетались к лужам крови вокруг человека, которого я убил, и еще столько же слетелось к другому, убитому осколком стекла. На каждый десяток мух у кормушки приходилось еще двадцать, барражировавших в воздухе в поисках места, где можно приземлиться и поест.

При виде их я понял, что напрасно предположил, будто мое сознание угасло на миг. Было ясно, что времени прошло гораздо больше. Достаточно, чтобы человеческая кровь успела свернуться и ее запах привлек голодных мух. Достаточно, чтобы все, кто играл роль в драме вокруг печатного прессы Иоганна Гутенберга, позабыли меня и ушли. То, что исчезли эмиссары Люцифера и Господа Бога, ничуть меня не волновало. Но Квитун, единственное существо, о чьей любви я грезил, кого я даже здесь, где у меня были веские причины верить в отсутствие всякой надежды, мечтал убедить в моей преданности и верил, что он меня за это полюбит, — ушел.

— Ботч, — пробормотал я про себя, вспоминая определения архиепископа — Беспорядок. Неразбериха...

Я прекратил самобичевание на полпути. Почему? Потому что, даже будучи беспорядком и неразберихой, я все же умудрился заметить очертания третьей двери мастерской. Я заметил эту дверь лишь потому, что кто-то оставил ее открытой на полпальца. Другие, менее сведущие в таинствах, не разглядели бы там открытую дверь, приняв ее за игру света: казалось, она висит в воздухе, как узкий лучик солнца, возникавший сантиметрах в сорока от земли и пропадавший чуть меньше чем в двух метрах от этой точки.

Нельзя было тратить время зря, учитывая мои раны. Я сразу пошел к этой двери. Меня окатили волны сверхъестественных сил, открывших ее — и создавших то, что лежало за ней. Их прикосновения не были болезненны. Они как будто понимали, как мне больно, и милосердно омывали мои раны, словно бальзам. Они помогли мне найти силы и волю дойти до узкой полоски света и растворить дверь. Не во всю ширину, а настолько, чтобы перенести через порог ногу и самому протиснуться в проем — очень осторожно, не имея понятия, что находится по другую сторону.

Я вошел в просторную залу вдвое больше мастерской. Что это за пространство, если комната, из которой я вышел сюда через дверь, была меньше этой залы, я не имел понятия, но таких парадоксов полно повсюду, поверьте. Они — правило, а не исключение. Вы их не видите, потому что не ждете такого от мира, только и всего.

Зала, хоть и существовала в непостижимом пространстве, выглядела достаточно основательно. Ее стены, пол и потолок были сделаны из какого-то молочно-белого камня, сложенного опытными мастерами, потому что огромные глыбы совпадали безупречно. На стенах я не видел ни украшений, ни окон. Никаких ковров на полу.

Зато там стоял стол. Большой длинный стол с хронометром или песочными часами посередине, как в судах, где с их помощью отмеряют время для каждого оратора. Вокруг стола на массивных, но мягких креслах сидели те, кто бросил меня среди мертвых. Архиепископ расположился на ближайшем от меня конце стола, лица его не было видно, а ангел Ханна сидела на другом конце. Она обрела новое сияние от идеального камня и выглядела почти так же, как знакомая мне Ханна Гутенберг, только в одеянии из ниспадающих складок света, струившихся вокруг нее медленно и торжественно.

За столом сидели и пятеро других. Сам Гутенберг — примерно в полуметре от стола, двое ангелов и двое демонов, неизвестные мне, по обеим сторонам в шахматном порядке, так что напротив ангела сидел демон и напротив демона — ангел. В конце залы, спиной к стене, стояли несколько наблюдателей, в том числе участники событий в мастерской. Там был Квитун рядом с архиепископом; там были Питер (еще один ангел из помощников Гутенберга) и демон, смертоносно повелевавший битым стеклом. Там был рабочий-ставший-ангелом, который нанес мне рану. Там были еще четверо или пятеро незнакомцев — возможно, актеры, чей выход на сцену я пропустил.

Я вошел в потайную залу на середине речи архиепископа.

— Нелепость! — сказал он, указывая через стол на Ханну. — Вы можете себе хоть на миг представить, что я поверю, будто вы действительно собирались уничтожить пресс после того, как старательно его оберегали?

Послышалось одобрительное бормотание.

— Мы не знали, позволить этому устройству существовать или нет, — ответила ангел Ханна.

— Вы потратили — сколько? — тридцать лет жизни, притворяясь его женой.

— Я не притворялась. Я была, есть и буду его женой, я поклялась...

— По-человечески.

— Что?

— Вы клялись в верности мужу как женщина. Но вы не человек, а ваш истинный пол будет предметом долгого и неразрешимого спора.

— Как вы смеете! — взорвался Гутенберг и вскочил с кресла так стремительно, что оно опрокинулось. — Я не хочу делать вид, будто понимаю, что здесь происходит, но...

— О, прошу вас, — прорычал архиепископ, — избавьте нас от утомительного спектакля на тему вашего фальшивого неведения. Как вы могли жить с этим, — он ткнул униженным драгоценностями пальцем в ангела Ханну, — существом и ни разу не увидеть ее истинного обличья? — Голос его дрожал от отвращения. — Да у нее из всех пор сочится свет.

Ханна встала. Струящиеся волны света, одевавшие ее, перетекали как волны.

— Он ничего не знал, — сказала она. — Я вышла за него замуж в обличье женщины и ни разу не сбросила этого облика до сегодняшнего дня, когда я увидела, что конец неотвратим. Мы были мужем и женой.

— Дело не в этом, — возразил архиепископ. — Как бы реалистично ни обвисли ваши груди за прошедшие годы, вы были посланником Бога, вы блюли интересы вашего небесного Господа. Вы будете это отрицать?

— Я была его женой.

— Вы. Будете. Это. Отрицать.

Повисла тишина. Потом ангел Ханна ответила:

— Нет.

— Хорошо. Вот мы и сдвинулись с мертвой точки.

Архиепископ попытался ослабить ворот указательным пальцем:

— Душно только мне или тут и вправду жарко? Разве нельзя было прорубить окна, чтобы был свежий воздух.

Я замер при этих словах, до смерти испугавшись, что кто-то воспримет его слова как призыв к действию, пойдет открывать дверь и обнаружит меня.

Но архиепископ не настолько мучился от жары, чтобы упустить инициативу. Не дав никому шанса проветрить залу, он подошел к проблеме более радикально.

— Долой эти проклятые одеяния, — сказал он.

Он рванул свое церковное одеяние, а материя с готовностью поддалась под грузом богатого шитья. Потом он снял с шеи золотые кресты, а с пальцев — кольца, бесчисленные кольца. Бросил все это на пол, где их поглотил огонь. Пламя пробивалось повсюду, куда бы я ни кинул взгляд. Огонь распространялся быстро и, как тлен, пожирал поддельные священные артефакты, разлагал их с той же легкостью, с какой актер избавляется от костюма из крашеной мешковины.

И это еще не вся добыча, доставшаяся огню. Пожрав облачение, пламя принялось за кожу на лице и руках архиепископа и волосы на его черепе. Под ними — стоило ли удивляться? — открылась чешуйчатая кожа вроде моей собственной, а у основания шишковатого позвоночника рос толстый хвост, сила которого говорила о том, что в качестве демона его хозяин прожил гораздо дольше, чем в качестве архиепископа. Хвост бился взад-вперед, полосы на чешуйках были окрашены в кровавый, желчный и костяной цвета.

Такое превращение не стало откровением для сидящих за этим столом. Лишь во

взглядах ангелов сверкнуло подавленное отвращение при виде обнаженного демона. Никто ничего не сказал., только один из служек произнес:

— Ваша светлость, одежда.

— Что с ней?

— От нее ничего не осталось.

— Она меня утомила.

— Но как вы уйдете?

— Ты пойдешь и принесешь мне новую, идиот! И пока ты не спросил — да, я снова собираюсь надеть человеческую личину, до последнего карбункула на носу. Хотя, ради демонации, как же приятно избавиться от этой жалкой одежонки! Особенно душит кожа. Как они в ней ходят?

Окружающие сочли вопрос риторическим.

— Ну, идите же, — приказал архиепископ своим взволнованным прихвостням — Принесите мне новое облачение!

— А если спросят, куда подевалось старое, ваше преосвященство?

Выведенный из терпения тупостью слуги, он откинул голову назад и резко наклонил ее вперед. Плевков вылетел у него изо рта, не угодил в цель, врезался в стену в полутора метрах от моего укрытия и стал разъедать камень. В тот момент все глаза в зале были обращены к архиепископу.

— Скажи им, что я отдал одежду болезным из числа моей паствы, а если кто-то усомнится, скажи им, чтобы шли в чумные дома вниз по реке.

Он издал горький смешок, хриплый и невеселый. Этот звук заставил меня возненавидеть его всей душой, как папашу Гатмусса.

Старая злоба, однако, не позволила мне забыть, в какое опасное положение я попал. Я знал, что нужно отступить от двери раньше, чем лакеи архиепископа соберутся уходить, иначе меня обнаружат. Но я до самого последнего момента не мог заставить себя отойти от дверного проема, боясь упустить хоть что-то, что поможет мне понять истинную природу этого столкновения демонических и божественных сил. Служка отодвинул свое кресло и поднялся, но голый архиепископ жестом велел ему сидеть.

— Но я думал, вы хотите...

— Позже, — ответило его нечистое святейшество. — Потому что теперь нам стоит быть в равной численности, если мы хотим поиграть.

Поиграть. Да, именно так он и сказал, клянусь. В каком-то смысле вся печальная история выражается одним этим словом. Ах, слова! Их долг — запутать нас. Вот, к примеру, «печатный пресс». Вы можете себе представить два менее воодушевляющих слова? Сомневаюсь. И все же...

— Это не игра, — мрачно изрекла ангел Ханна. Цвета ее колышущихся одежд потускнели, отразив перемену настроения. Голубой стал фиолетовым, золотой превратился в пурпурный. — Ты знаешь, как это важно. Иначе зачем твои повелители послали тебя сюда?

— Не только повелители, — ответил архиепископ издевательским тоном — У меня есть и повелительницы. О, они жестоки!

Его руки прикрыли пах. Я не видел, что он делает, но понял, что это оскорбило всех небесных представителей. Но архиепископ еще не закончил.

— Иногда я намеренно совершаю наказуемую ошибку, чтобы заслужить для себя эту пытку как награду. Они теперь об этом знают, конечно. Это их обязанность. Но это игра. Как любовь. Как... — Он понизил голос до едва слышного шепота. — Война.

— Если именно этого ты хочешь, демон, тебе воздастся по желанию твоему.

— О, ты только послушай себя! — усмехнулся архиепископ. — Ты не чувствуешь, где главное? Пока ты над этим размышляешь, спроси себя, почему мы, дети демонации, должны беспокоиться об устройстве, делающем мертвые копии книг, чья единственная претензия на значимость изначально заключалась в их редкости? Не могу представить более бессмысленного повода для войны между нашими разделенными народами. — Он взглянул

на Гутенберга. — Как эта штука называется?

— Печатный пресс, — сказала Ханна. — Как — будто ты не знаешь. Ты никого не проведешь, демон.

— Я говорю правду.

— Мертвые копии!

— А чем еще они могут стать? — мягко запротестовал архиепископ.

— По твоему тону можно понять, что ты все же о них беспокоишься, — заметила Ханна.

— Это не так.

— Почему же ты готов вступить в войну за штуку, даже названия которой не помнишь?

— Повторяю: мы не должны вцепляться друг другу в глотки из-за изобретения Гутенберга. За него не стоит воевать, мы оба это знаем.

— И все же ты не собираешься возвращаться в свой уютный дворец.

— Это не дворец.

— Это не меньше чем дворец.

— Ну, я не унижусь до препирательств, — сказал архиепископ, уклоняясь от бесплодного спора — Признаю, что явился сюда, потому что сначала мне было любопытно. Я ожидал какого-то чудесного механизма. Но я его увидел и ничего чудесного в нем не нашел. Не принимайте близко к сердцу, герр Гутенберг.

— Так вы отбываете? — спросила ангел Ханна.

— Да. Мы отбываем. У нас здесь больше нет дел. А вы?

— И мы отбываем.

— А!

— У нас дела наверху.

— Срочные?

— Очень.

— Ну ладно.

— Ну ладно.

— Мы пришли к соглашению.

— Мы действительно пришли к соглашению.

После этих слов все замерло. Архиепископ уставился на бородавчатые суставы своих пальцев. Ханна глядела в пространство отсутствующим взглядом. Единственным звуком, который я слышал, было легкое шуршание ее одеяния.

Звук; привлек мое внимание, и я с удивлением увидел, что красные и черные нити пробегают по спокойным цветам одеяния Ханны. Был ли я единственным в зале, кто заметил их? Это было свидетельством того, что, несмотря на спокойствие и самообладание, ангел не могла скрыть истинного положения вещей.

Я услышал другой звук — возможно, из мастерской за моей спиной. Тиканье часов.

Никто не пошевелился.

Тик-так. Тик-так.

И тогда одновременно, не сговариваясь — будто они были схожи во всем, что касалось выдержки и политики, — архиепископ и Ханна встали. Оба уперлись в стол кулаками, подались вперед и разом заговорили. Их голоса были так схожи в своем праведном гневе, что сначала я не мог отличить один от другого, слова сливались в бесконечное непостижимое предложение:

— ...так почему ты не был священный о да ты можешь не прав ли ты с мечами и их дело пожнут не книги мы не будем напрасны кровь на всем этом уйдут навсегда...

Они говорили и говорили, а все остальные в зале делали то же, что и я: пытались сосредоточиться либо на архиепископе, либо на Ханне, чтобы расшифровать и осознать эту безумную речь. Если кто-то и сумел что-то разобрать, то не выдавал этого. Все лица остались озадаченными и разочарованными.

А демон архиепископ и ангел Ханна не успокаивались. Их ярость все возрастала, сила

их гнева и подозрения изменила геометрические формы помещения, которые изначально казались мне безупречными, а теперь покоробились. Это звучит безумно, но я по возможности подробно рассказываю о том, что видел своими глазами, и надеюсь, что мои слова не рассыплются в прах под грузом заключенных в них парадоксов.

Они тянулись друг к другу, дьявол и ангел. Их головы непомерно росли по мере приближения, расстояние между линией волос и подбородком уже составляло метр или больше, а они все продолжали расти. Мало того что их головы доросли до гротескного размера — они еще и сузились до сантиметров пяти — семи, а кончики носов приблизились один к другому на расстояние вытянутого пальца. Слова, которые они продолжали выплевывать, вырывались из гротескно искривленных ртов облачками дыма. Цвет каждого облачка отличался от предыдущего, они поднимались к потолку, образуя там осадок мертвых слов. И пока игрался этот нелепый спектакль — я предупреждал, что отдельные детали истории покажутся вам опасно близкими к бреду сумасшедшего, — мои глаза говорили мне, что Ханна и архиепископ по-прежнему сидят на месте, каждый в своем кресле.

Не могу объяснить, что это было. Я слушал их страстный спор минуты три, не разбирая ни единого аргумента сторон, и вдруг мой мозг начал различать реплики их разговора. Стоит ли уточнять, что это не походило на обычную беседу, но это не был и обмен угрозами. Постепенно я понял, что слышал наисекретнейшие переговоры. Их вели ангелы и демоны — два племени, некогда соединившиеся в небесной любви, но ставшие врагами. Во всяком случае, именно так я считал. Меня учили, что их ненависть друг к другу так глубока, что о мире никто не помышляет. И вот они сидели рядом — противники настолько давние, что стали почти друзьями, — и пытались поделить власть над новой силой, вопреки утверждениям демона, будто изобретение Гутенберга не имеет никакого значения. Новая машина действительно изменит очертания мира, и каждая сторона хотела завладеть львиной долей его произведений и их влияния. Ханна настаивала, чтобы все священные книги выпускались под ангельской лицензией, но архиепископ готов был потворствовать этому не больше, чем ангел — эротическим изданиям на потребу человечества.

То, о чем они спорили, по большей части было мне неизвестно: литературные жанры, романы и газеты, политические журналы и научные трактаты, руководства по эксплуатации, путеводители и энциклопедии. Они торговались, как двое из вашего племени торгуются за коня на ярмарке; дело шло быстрее и заключение великого договора приближалось, когда им удавалось поделить очередной кусок добычи. Та часть мира слов, за которую боролась Ханна, вовсе не определялась непоколебимой системой высоких принципов, а архиепископ яростно отвоевывал для своих не только труды, принадлежавшие, по моему мнению, аду: речи адвокатов, записки ученых или убийц, сеявших зло. Ангел отвоевывал исповеди проституток, мужчин и женщин и любые другие произведения, призванные воспламенить читателя. Демон с тем же жаром бился за контроль над выпуском и распространением всех выдумок, написанных так, будто авторы рассказывали правду. Но как же быть, вопрошал ад, если сочинителем окажется проститутка?

Спор продолжался без конца. Пара советников, призванных высшими силами за стол переговоров, вставляли собственные суждения или словесные манипуляции в спор своих доверителей. Упоминались давние прецеденты — например, «вопрос колеса» и «переговоры о молотилке». Что касается великого изобретения Гутенберга, потенциальной причины войны между небом и адом, то его бесстрастно называли «предметом рассмотрения».

По мере усложнения спора странное зрелище трансформации ангела и демона стало еще более причудливым из их голов вытянулись дюжины щупальцев, похожих на тонкие сплетающиеся пальцы. По-видимому, это изящное переплетение отражало запутанность дебатов.

Собравшиеся наблюдали, как они определяют будущее человечества, но слишком многое в их речах ускользало от моего понимания, и это Действо Великой Важности и т. д. и т. п. меня утомило. Роскошное зрелище сложного переплетения их голов — совсем другое дело: это превосходило любые создания моего воображения. Щупальца причудливо

извивались, стараясь поточнее изобразить каждое высказанное предложение или контрпредложение, каждый успешный обмен или безуспешный натиск. Аргументы были так замысловаты, тела ангела и демона так изысканно переплетались, что их головы напоминали гобелен «Аллегорическое изображение спора между раем и адом во имя предотвращения войны».

Это была тайна, делавшая сам Гутенбергов пресс второстепенным. Я смотрел, как действуют силы за спиной мира. То, что я всегда считал губительной невидимой войной, возникавшей в небесах и иногда вторгавшейся в ваш человеческий мир, оказалось не кровавой битвой, в которой легионы воинов изничтожают друг друга, но бесконечным базарным торжищем. А почему? Потому что это изобретение сулило прибыль. Ангела Ханну совершенно не волновало, что этот «печатный материал», как она выражалась, может отравить или подорвать духовную жизнь человечества. Демону-архиепископу и его советникам также не было дела до того, что мир может использовать печатное слово для совращения невинных. Обе стороны стремились овладеть силой слова, полученной из множества слов, а для этого требовались маневры такой сложности, что поведение каждой составной части этого узла соглашений и договоренностей зависело от любой другой части. Они не походили на врагов — они просто заключали очередной брачный контракт между противоборствующими кланами, поводом к чему послужило создание Гутенберговой машины. Она будет делать деньги, эта машина. И в то же время контролировать умы. Хотя бы это я понял из их витиеватого разговора.

Мой утомленный взгляд перешел на Квитуна как раз в тот момент, когда его блуждающий взгляд нашел меня.

Судя по его потрясению, он считал меня мертвым. Но то, что я оказался жив, обрадовало его, и я преисполнился надежды. На что я надеялся, не могу объяснить.

Нет. Все же попытаюсь разобраться. Возможно, я думал так: раз мы оба оказались здесь, в конце старого мира и в начале нового, изменившегося благодаря Иоганну Гутенбергу, это событие свяжет нас друг с другом в богатстве и в бедности, в болезни и здравии...

Я и успел произнести про себя этот обет, потому что один из советников Ханны, сидящий рядом с ней за столом напротив Квитуна, заметил подозрительно счастливое выражение его лица.

Ангел приподнялся в кресле, чтобы лучше разглядеть, на что это Квитун уставился с таким довольным видом.

Квитун, конечно, смотрел на меня и улыбался так же, как я сам позволял себе улыбаться, глядя на него.

И тогда ангел закричал.

В начале было Слово, говорит Христов возлюбленный Иоанн, и Слово было не только у Бога — оно было Бог. Так почему нет слова или предложения в тысячу слов, способного хотя бы приблизительно описать крик ангела?

Вам придется просто поверить, что ангел кричал, и исторгаемый им звук заставил каждую крупицу материи в зале вибрировать и биться в конвульсиях. Глаза собравшихся, до сего момента, как заколдованные, не отрывавшиеся от главных действующих лиц, внезапно освободились от чар. И заметили меня.

Времени на бегство у меня не было. Те, кто собрался в этой зале (вполне вероятно, что и сама материя залы), были бесконечно более сложными существами, чем я. Когда они посмотрели на меня, я ощутил их изучающие взгляды как сильнейшие удары по каждой части моего тела, даже по подошвам ступней. Жестокие взоры отвратились так же быстро, и должно было наступить облегчение, но, в соответствии с парадоксальной природой этого места, отсутствие внимания принесло особую боль: когда страдание, причиняемое высшим существом, прекращается, ты чувствуешь, что всякая связь с этим существом потеряна.

Но факт моего присутствия оказался не таким уж незначительным, как могло показаться по краткости их взглядов. За столом разгорелась ссора по поводу того, не свидетельствует ли мое появление о существовании некоего тайного сговора против

Гутенберга и его изобретения, а если так, то с чьей стороны. Никто даже не пытался спросить меня. Их заботило только то, что я стал свидетелем сообщничества рая и ада. Неважно, видел ли я тайну (они знали, что видел) или был частью заговора, призванного раскрыть ее. Меня нужно было заставить молчать. Разногласия вызывало лишь одно: что со мной сделать.

Я знал, что они обсуждали, потому что до меня долетали обрывки слов.

— Здесь не должна проливаться кровь, — провозгласила ангел Ханна.

Потом кто-то — кажется, демон, которого я знал в обличье Питера, — возразил:

— Ничто не оправдывает казнь. Он ничего не сделал.

Посыпались возражения, и со всех сторон звучало одно слово: «Пресс! Пресс! Пресс!» По мере повторения слова страсти накалялись, и способы выражения чувств становились все более чудовищными. Стоял невообразимый шум, от этой какофонии мой мозг бился о черепную коробку.

Среди рева слышался один человеческий голос, и он звучал яснее оглушительных криков просто потому, что был человеческим, ранимым и беззащитным. Это говорил Гутенберг. Только позже я осознал его слова: он протестовал против того, как предполагали использовать его пресс, созданный для распространения вести о спасении.

Но его речь никак не повлияла на шумное обсуждение за столом. Все продолжали яростно и бурно спорить, пока внезапно не умолкли. Кто-то внес предложение, его поддержали и приняли решение. Моя судьба была решена.

Не имело смысла просить суд о снисхождении. Меня судили существа, не интересовавшиеся ни мной самим, ни моей точкой зрения. Они хотели только избавиться от меня без крови и без чувства вины.

Было странное движение в самом сердце переплетения переговоров: что-то собралось, вспыхнуло. У меня не было причин так думать, но я все же подумал: возможно, это последний огонь в моей жизни, который скоро...

или уже...

разгорается.

Пока разгорался огонь, я глянул на Квитуна. Его лицо больше не выражало радости по поводу моего спасения, исчезла нежная улыбка, что была мне лучшей наградой. Я перенес бы десять ран, подобных моей последней ране, лишь бы он улыбнулся мне снова.

Но было слишком поздно для улыбок, слишком поздно для прощения. Сплетенные реплики переговорщиков почти растворились друг в друге, а пламя внутри их все усиливалось, забирая крупницы тепла у других ангелов и демонов в зале.

И тут оно вырвалось и бросилось на меня.

В тот же миг дверь, за которой я прятался, растворилась в огне вместе с коробкой и несколькими идеально ровными каменными глыбами, оставив меня без защиты перед судным пламенем, что вырвалось из сердца переговоров.

Оно настигло и окружило меня пылающей завесой, не позволившей мне даже попытаться бежать — если предположить, что у меня были силы или желание бежать. Я просто ждал исполнения приговора, отдав себя смерти. Внезапно раздался чей-то крик. Это опять был Иоганн Гутенберг, его голос стал хриплым от гнева. Он снова возражал, и снова его не услышали.

У меня было время подумать, пока пламя окружало меня.

«Разве я недостаточно наказан?»

Я задаю вам сейчас тот же вопрос:

«Разве я недостаточно наказан?»

Вы видите меня своим мысленным взором? Видите? Я окружен огнем демоническим и священным, танцующие завитки жара пробираются сквозь прорезь моей раны, доходят до горла и лица, изменяют природу моей плоти, крови и костей.

И снова я спрашиваю вас:

«Разве я недостаточно наказан?»

Пожалуйста, ответьте «да». Во имя милосердия, скажите, что вы наконец поняли, какие

ужасные страдания я перенес. Скажите, что я заслужил избавление.

Нет, даже не говорите этого. К чему тратить силы на разговоры, когда вы можете потратить ее на единственное, чего заслуживает эта обожженная, изрезанная клинками и истерзанная когтями тварь в ваших руках.

* * *

Сожгите эту книгу.

Если это будет единственное проявление сочувствия в вашей жизни, вам все равно откроются врата рая.

Я знаю, вам не хочется об этом думать. Ни одно живое существо не желает думать о смерти. Но она придет. Вы умрете, и это так же неизбежно, как неизбежно ночь сменяет день. Вы будете бродить по серой местности, далекой и от ада, и от рая, и от любого места на этой планете, которую человечество считает своей собственностью, и тогда некое существо с едва различимым лицом, в одеянии из дыма и звездного света приблизится к вам, и раздастся голос, подобный свисту ветра в разбитом окне:

— Что ж... Мы в затруднительном положении. По всем правилам ты должен отправиться в ад за шашни с демоном по имени Джакабок Ботч. Но мне говорят, что есть смягчающие обстоятельства, и я хочу, чтобы ты рассказал о них своими словами.

Что вы скажете?

— О да, у меня была книга, в которую вселился демон, но я передал ее другим.

Так вы не заслужите пропуска к дверям рая. И не тратьте время на ложь. Они знают все, эти духи у врат. Они задают вам вопросы, но ответы им уже известны. Они хотят услышать, как вы скажете:

— У меня была книга, в которую вселился один из жесточайших демонов в истории мира, и я ее сжег. Я жег ее, пока она не превратилась в хлопья серого пепла. Потом я растер пепел в пыль и развеял по ветру.

Вот вам и ключ к вратам рая.

Я клянусь, ради всего святого и нечестивого, ибо они части великой тайны: Бог и Дьявол, Свет и Тьма — это одна неразделимая мистерия. Я клянусь, что это правда.

* * *

Что?

Даже после всего этого я не дождался огня? Открыл вам тайну тайн, а моя темница по-прежнему холодна. Холодна, как вы, переворачиватель страниц. Вы холодны до мозга костей. Я вас ненавижу. Снова не могу найти слов. У меня есть вся моя ненависть, но нет средств выразить ярость и отвращение. Если я назову вас дерьмом, я оскорблю содержимое моего кишечника.

Я думал, что научил вас кое-чему о путях зла, но я теперь вижу: вам были не нужны мои поучения. Вы сами знаете зло, более того, вы воплощаете его. Вы тот, кто стоит рядом, пока другие страдают. Вы либо примкнете к толпе линчевателей, либо будете наблюдать медленную смерть безымянного приговоренного.

Я убью вас. Вы это знаете. Я хотел расцеловать вас одним взмахом лезвия, от уха до уха. Но теперь понимаю, что это слишком милосердно. Мой нож пройдет по вам так же, как ваши безжалостные глаза бегали по этим строчкам. Взад-вперед, взад-вперед. Убийство это или чтение, движения одни.

Когда дело будет сделано на славу, ваша жизнь вытечет наружу. Горячая, кипучая жизнь выплеснется на пол у ваших ног. Можете себе представить, как это выглядит, переворачиватель страниц? Как сосуд красных чернил, оброненный неловким творцом.

И не найдется никого, кто попросит пощадить вас. Никого в пределах освещенной страницы — здесь всегда день, когда книга открыта, и всегда ночь, когда она закрыта. Никто

не станет молить о милосердии, когда вас разденут догола — голым и окровавленным вы пришли в мир, голым и окровавленным покинете его, — и я буду упиваться зрелищем вашей гусиной кожи и ужасом в ваших глазах.

О, мой переворачиватель страниц, зачем вы позволили так далеко зайти, когда столько раз вы могли бы чиркнуть спичкой?

Остались только порезы. Взад-вперед, поперек живота и груди, по органу любви; сзади, по ягодицам, пока ярко-желтый жир не вывалится под собственным весом, пока кровь не потечет по поверхности вашего бедра. Я подрежу ваши поджилки. Демонация, как это больно! И как вы кричите, как вопите и всхлипываете! До тех пор, пока я снова не подойду спереди и не закончу трудиться над вашим лицом. Глаза — взад-вперед. Нос — долой одним ударом. Рот — взад-вперед, и он разверзся, как рот дурачка, когда несчастное существо молит о чем-то.

Этого вы хотите? Такая извращенная, лживая, бессердечная свинья, как вы, не заслуживает ничего другого. Только медленная мучительная смерть и скорое забвение в самом дешевом ящике, какой отыщут ваши любимые люди.

Я прав?

Нет? Кажется, вы возражаете?

Если вам не нравится, используйте последний шанс. Хватайтесь за него, вот он — самый последний шанс изменить свою судьбу. Нет ничего невозможного, даже сейчас и даже для извращенной, лживой, бессердечной свиньи. Нужно просто прекратить водить глазами, и я не буду также водить ножом.

* * *

Ну же?

* * *

Нет. Все мои разговоры о ножах и глазах вас не трогают? Я буду сулить вам мрачную жестокую участь, пока горло не запершит до крови, а вам и дела нет.

Вы хотите только, чтобы я закончил этот проклятый рассказ. Как будто это придаст смысл вашей бессмысленной жизни.

Позвольте мне сказать: нет, не придаст. Но я расскажу вам, чем все завершилось, а вы за это заплатите.

Предпоследний огонь.

Он захватил меня снаружи и изнутри, заполонил мою кожу, мышцы, кости и спинной мозг. Ему принадлежали мои чувства и память. Ему принадлежали мое дыхание и экскременты. И он превращал их все в общепонятный язык. Это ощущалось как чесотка глубоко-глубоко внутри. Я поднял правую руку и увидел, что с ней происходит, свет прочерчивал линии на ладонях и освещал слой плоти под замысловатым узором моих вен и нервов, будто карты какой-то тайной страны, спрятанной в моем теле.

Но сила, что осветила их, продолжала их разрушать. Дороги, что были проложены на этих картах, стирались с ландшафта моего тела, линии на ладони расплетались, узор пульсирующих вен под ними распускался. Если мое тело было когда-то страной, а я — ее королем-деспотом, то меня низвергли объединенные силы небес и ада.

Кричал ли я, сопротивлялся ли этому мятежу? Я попытался. О демонация, как я старался! Но те же преобразующие силы, что трудились над разложением моих рук, похитили слова с моих губ и превратили их в значки яркою пламени. Они упали на мое поднятое кверху лицо, тоже разлагавшееся на знаки.

У меня ничего не похитили. Сама моя природа изменялась под влиянием приговоривших меня сил.

Спотыкаясь, я побрел из залы переговоров в мастерскую. Но что было вверху, то и внизу. Мои ноги уже не могли касаться земли. Вслед за ладонями, руками и лицом они трансформировались в световые знаки.

Нет, не просто знаки. Буквы.

Из букв, переставленных в определенном порядке, складывались слова.

Меня превращали в слова.

Бог мог быть Словом в начале. Но в конце — я о моем конце (кого заботит чей-то еще? важен только наш собственный) — Слово было у мистера Б., и мистер Б. был Словом.

Такой способ избрали переговорщики, чтобы избавиться от меня, не проливая кровь в том месте, где в самый благоприятный из дней встретились святое и нечестивое.

Мне уже не требовались ноги для передвижения. Силы, разлагавшие мое тело, влекли меня к печатному станку, который, судя по звукам, работал за моей спиной. Примитивным механизмом владели те же самые силы, демонические и небесные, что несли меня к нему.

Я видел пресс глазами-словами и слышал его ритмичный шум под сводами черепа-слова. Машина готовилась напечатать свою первую книгу.

Я вспомнил, что Гутенберг выбрал для испытания своего творения экземпляр «Ars Grammatica». И еще стихотворения, о да «Сивиллины пророчества». Но его скромный эксперимент окончился смертью или бегством работников. Листок, который я видел раньше, лежал сейчас на полу, его вытащили из прессы и отбросили в сторону. Предстояло напечатать гораздо более странную книгу.

Ту, что у вас в руках.

Это моя жизнь, рассказанная мной самим, моей собственной плотью, кровью и сутью. И моей смертью, хотя это была вовсе не смерть, а заточение в темнице, где вы меня и обнаружили, когда открыли эту книгу.

Я на миг увидел клише, что получились из меня: они зависли в воздухе вокруг прессы, как спелые яркие плоды, величаво покачивающиеся на невидимой ветке. И пресс начал работать, начал печатать мою жизнь. Я скажу в последний раз: демонация! Что за ощущения! Нет слов — и откуда бы они взялись? — чтобы описать, какие чувства испытываешь, когда превращаешься в слова, когда твою жизнь кодируют и печатают черной краской на белой бумаге. Моя любовь, мои потери и ненависть переплавлялись в слова.

Это похоже на конец света.

И все-таки я жив. Эта единственная в своем роде книга, не похожая ни на какую другую, напечатанную гутенберговским прессом или бесчисленными прессами, сделанными после него. Поскольку я вошел и в типографскую краску, и в бумагу, ее страницы изменчивы.

* * *

Нет. Простите. Это была опечатка. Этого предложения выше, начиная с «Поскольку я...», не должно быть. Я заговорил прежде времени.

Я вошел в типографскую краску и бумагу? Нет-нет. Это неверно. Вы знаете, что это не так. Я за вашей спиной, вы не забыли? Я на шаг приближаюсь к вам с каждой перевернутой страницей. В моей руке зажат нож, готовый порезать вас так же, как...

как вы читаете страницы...

взад-вперед...

О, как польется кровь! Вы будете молить меня остановиться, но я не...

я не...

я...

не...

* * *

ДЕМОНАЦИЯ!

Хватит! Хватит! Больше нет причин убеждать вас в том, во что я сам хотел бы верить, ради жалкой попытки заставить вас сжечь эту книгу. Ведь вы знали (я вижу это по выражению вашего лица), что я все время лгал вам.

Я не стою за вами с ножом, не собираюсь вас зарезать. Меня там никогда не было и не могло быть. Я здесь и только здесь. В словах.

Но не все было ложью. Страницы изменчивы. Я мог переставлять слова на тех страницах, которые вам предстояло прочитать. Теперь это моя единственная сущность. Посредством слов я могу говорить с вами, как говорю сейчас.

Я хотел только одного — чтобы вы сожгли книгу. Разве это слишком много? Можете не отвечать, я и сам знаю: я был своим злейшим врагом, рассказывая вам истории. Нужно было просто рассыпать слова, чтобы все предложения, кроме мольбы о сожжении книги, обесмыслились. Тогда вы могли бы это сделать.

Но так давно никто не смотрел на меня с желанием выслушать мой рассказ. У меня он всегда наготове, это жизнь, которую я прожил. Мне некому ее рассказать, кроме вас. И чем дальше, тем сильнее мне хотелось продолжать, тем сильнее хотелось рассказать все.

Я разрывался на части: одна часть хотела рассказывать о своей жизни, а другая хотела освободиться.

О да, освободиться.

Именно свободу я мог выиграть, будь я похитрее и уговори вас поджечь эти изменчивые страницы, чтобы они исчезли в клубах дыма.

В этом дыму я воспарил бы, освобожденный от слов, в которые был заключен. У меня нет иллюзий, что где-то меня дожидается тело из плоти и костей. Оно исчезло навсегда. Но я говорил себе, что я мог бы постичь смысл жизни. Все, что угодно, предпочтительнее темницы этих страниц.

Но нет. Вы так и не купились на мои уловки. Я использовал в книге все возможные обманы и ухищрения. Все известные мне военные хитрости.

Хотите познать пути зла? Опишите все способы, какими я пытался заставить вас сжечь книгу. Искушение (дом и старое дерево); угрозы (мое приближение к вам с каждой перевернутой страницей); взывание к состраданию, к вашему отзывчивому сердцу. Все бесполезно, конечно же. Если бы хоть один способ сработал, нас бы здесь уже не было.

Но я там же, где вы меня нашли, и жить мне незачем. Разве что когда-нибудь кто-то другой откроет эту книгу и начнет читать.

Может быть, к тому времени я придумаю ловушку получше. Что-то надежное. Что-то, гарантирующее спасение.

Может, вы поможете мне хоть немного? Я развлек вас, так сделайте для меня доброе дело. Не бросайте меня на полке собирать пыль, ведь вы знаете, что я внутри, заперт во тьме.

Пожалуйста, передайте меня кому-то. Это такая малость! Отдайте меня кому-то, кого ненавидите, и вас порадует весть о том, что его изрезали на куски. Взад-вперед, как глаза бегут по странице.

* * *

А пока позвольте дать вам совет. То, что вы узнали о тайном сговоре между силами небесными и силами адовыми, лучше держать при себе. Их агенты повсюду, а их способы слежения за еретиками и нечестивцами постоянно совершенствуются. Мудрее всего будет помолчать. Поверьте мне. А если не верите мне, прислушайтесь к своему инстинкту. Ходите с опаской по темным местам, не доверяйтесь никому, кто обещает вам Господне прощение и место в раю.

Наверное, и этот совет не стоит того, чтобы даровать мне право на сожжение?

Так я и думал.

Тогда вперед. Закройте дверь темницы и живите своей жизнью. Мой час придет. Бумага

горит легко.

А слова умеют ждать.

Эмилиану Дэвиду Армстронгу

Памеле Робинсон

с любовью и благодарностью